

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Confined to Library

Vet. Slav. PG 3314. A1. 1803(7)

81.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

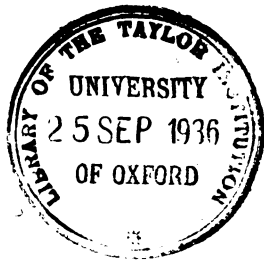
СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ СЕДЬМЫЙ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803,

**Съ дозволеніа
Московскаго Гражданскаго Губернатора.**

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ VII.

ЦВѢТОКЪ

НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА.

His life was gentle, and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up,
And say to all the world: *This was a man!*
Shakespeare.

Нѣтъ Агафона!... Нѣтъ моего
друга! —

Чишапель! ты не зналъ его —
онъ не былъ ни богачъ, ни знаменъ
— онъ былъ человекъ, благород-
ный по душѣ своей — украшенный
одними доспоинствами, не чинами,

VII.

1

не блескомъ роскоши, — и сіи до-
споинства паились подѣ завѣсою
скромности.

Но его уже нѣтъ! — Горестная
дружба можетъ теперь сказать,
чего она лишилась, — о чемъ про-
ливаешь слезы, и вѣчно проливать
будешь!

Такъ, за долгъ, за самый священ-
ный долгъ почипаю я сказать вся-
кому нѣжному сердцу, всякому,
кто любитъ человѣчество, и кто
умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ
хладномъ сѣверномъ опечесствѣ, гдѣ
Природа не весьма щедрою рукою
разсыпаетъ благіе дары свои, ро-
дился и жилъ такой человѣкъ, ко-
торого душа была бы украшеніемъ
самой Греціи, опечесства Сокра-
товъ и Платоновъ, благословен-
нѣйшей спраны подѣ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не мо-
жете разумѣть меня. Оставьте
печальнаго — оставьте сіи безпо-
рядочныя спроки, орошаемая мо-

ими слезами! Не для васъ изливаю горесць свою, и не пребую ваше-го одобренія. Когда сердце мое преврапится въ камень; когда огонь чувства угаснетъ въ груди моей, подобно какъ заря вечерняя угасаетъ на полунощномъ небѣ; когда, забывъ свящую испину, паду ницѣ предъ злаными кумирами человѣческихъ заблужденій: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвящится вашему удовольствію; тогда удоспоите меня благопріятной улыбки своей. Теперь мы чужды другѣ другу, и горесць моя не можетъ васъ пронуть. —

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другѣ друга. Я полюбилъ въ Агапонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человѣчества; котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Чшо онъ полюбилъ

во мнѣ, не знаю — можетъ быть пламенное усердіе къ добру, неприщворную любовь ко всему изящному, преспое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, — искрѣнность, нѣкопорую живоспъ, нѣкопорый жаръ чувства. Я нашелъ въ немъ то, что сѣ самага ребячесва было пріятнѣйшею мечпою моего воображенія — человекъ, копорому могъ я опкрывать всѣ милыя свои надежды, всѣ шайныя сомнѣнія; копорой могъ разсуждать и чувспвовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія, и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но сѣ любезною кропоспію снисходительнаго друга; — однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особливый даръ Неба, копорый не всякому смерпному въ удѣлъ достается — и время нашего знакомсва, нашего дружесва, будепъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моея.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: — ему еще болѣе, нежели мнѣ; но мы любили книги, и не думали о свѣтѣ; имѣли не много, не многимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе — ими плѣнялись мы, ими въ швореніяхъ великихъ умовъ наслаждались, и не рѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннепомъ, просиживали половину зимнихъ ночей. Часпо духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, — и часпо заря упренная красила воспочное небо, когда я распавался съ Агашономъ, и возвращался домой съ покойною душою, съ новыми знаніями, или съ новыми идеями.

Естьли когда нибудь осмѣлюсь

я слабымъ перомъ своимъ начерпашъ *исторію* моихъ *мыслей*, тогда опишу можетъ быть и нѣкоторыя изъ шѣхъ ночныхъ бесѣдъ, нѣ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; печать молчанія хранишь ихъ шеперь въ груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ приобрѣлъ я и нѣкоторое *эстетическое чувство*, нужное для любитель Липпературы. Вѣрный вкусъ друга моего (оплывавшій съ великою спонкостью посредственное опъ изящнаго, изящное опъ превосходнаго, выученное опъ природнаго, ложныя дарованія опъ истинныхъ) былъ для меня свѣдѣльникомъ въ Искусствѣ и Поэзіи. Восхищенный красою цвѣтовъ, распускающихся на семъ полѣ, дерзалъ я иногда младенческими руками образовашъ нѣчто подобное онымъ, и незрѣлыя свои мысли изливашъ на бумагу; — онъ былъ

первымъ моимъ судьей, и хопя замѣчалъ недоспашки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жалѣю о томъ человѣкѣ, которой занимается Липперпурою и не имѣетъ знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агапонъ испытывать дарованій своихъ въ собственннхъ сочиненіяхъ. Тихой кругъ чипашелей нравился ему лучше, нежели заботливое соспояніе Авпора, котораго спокойствіе не рѣдко зависитъ отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него предъ глазами. *Надлежитъ или сравнятся съ ними* (думалъ онъ), *или не выходитъ на сцену*; первое казалось ему пруднымъ, и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказывающъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть

при различныхъ свойствахъ души: Агапонъ и я любили *одно*, но любили *различныя образы*. Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей пропивополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечпашель, онъ дѣяшельной Философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, себѣ казался мнѣ унылъ и пропивенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда ушѣшалъ меня, но самъ никогда не пребоавалъ ушѣшенія; я былъ чувспвишпеленъ, какъ младенецъ; онъ былъ пвердъ, какъ мужъ: — но онъ любилъ мое младенчеспво пакъ же, какъ я любилъ его мужеспво. Разные пюны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монопюнія бываетъ упомпшпелна — и два человека, совершенно одинакихъ

свойствѣ, всего скорѣе наскучаѣтъ другѣ другу.

Обстоятельства разлучали насъ — онѣ писалъ ко мнѣ — и сіи письма (примѣръ чистаго слога и зеркало тихой, спрройной души) будуще всегда хранишья близѣ моего сердца.

Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моею; когда желаніе видѣть Природу въ великолѣпномъ ея разнообразіи, видѣть пѣхъ великихъ Мужей, копорыхъ творенія сильно дѣйствовали на мои чувства, превратилось въ совершенную спрасъ; когда, удовлетворяя сему желанію, рѣшился я оставишь на время опечесство и друзей моихъ: погда онѣ пожертвовалъ на минушу своею пвердостію, и слезы покапились изѣ глазъ его. *Спѣши*, сказалъ онѣ, *спѣши*, *куда влетѣтъ тебя стремленіе твоего духа, и возвратись къ намъ благополучно, съ тѣмъ же сердцемъ,*

свѣтъ отъ насъ ѣдешь! — Мы распались. Онъ споялъ на дорогѣ, и смопрѣлъ въ слѣдъ за мною; плашокъ долго бѣлѣлся въ рукахъ его.

Великое проспранство раздѣляло насъ, но мы не забывали другъ друга. „Воспоминаніе о тебѣ (писалъ онъ ко мнѣ въ Женеву) есть „одно изъ лучшихъ моихъ удовольствій. Часто путешествуя за „побойю по Ландкартѣ; расчисляю, „когда куда могъ ты пріѣхать, и „сколько гдѣ побыть; взбираюсь „съ побойю на высокія горы, воображаю себя бродящаго по прекраснымъ мѣстамъ, или сидящаго „въ кабинетѣ какого нибудь Ученнаго. Усердно желаю, мой любезный другъ, чтобы вездѣ встрѣчались тебѣ такіе люди, копорыхъ знакомство и воспоминаніе „возвышало бы удовольствія, на „ходимыя побойю въ наслажденіи „прекрасною Природою, и ушѣша-

„ло бы шебя вѣ неприяжномъ опы-
 „пѣ, что вездѣ есть зло. Могу
 „себѣ представить, что сей опытѣ
 „часто шебя огорчаетѣ, и приво-
 „дитѣ вѣ такое грустное распо-
 „ложеніе, вѣ какомъ я видалѣ пе-
 „бя, живши съ побою.“ Такѣ, мой
 другѣ! вездѣ есть зло; но

кто вѣ мирѣ и любви умѣетѣ жить съ
 собою,
 Тотѣ радость и любовь во всѣхъ стра-
 нахъ найдетѣ.

Наконецѣ я возвратился—(попѣ
 же, каковѣ побѣхалѣ; только съ нѣ-
 копорыми новыми опытами, съ нѣ-
 копорыми новыми знаніями, съ жи-
 вѣйшею способностію чувствоватѣ
 красоты физическаго и моральнаго
 міра) — спѣшилѣ обнять повѣрен-
 наго души моей; воображалѣ его
 прияжное удивленіе, его радость...
 но сердце мое замерло, когда я
 увидѣлѣ Агапона. Долговременная
 болѣзнь напечатлѣла знаки изнемо-
 женія на блѣдномъ лицѣ его; вѣ тус-

кльхъ взорахъ изображалось пблесное и душевное ослабленіе; огонь жизни проспль въ его сердцѣ, помномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему прїѣзду, едва могъ пожашь руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, копорое въ лучезарномъ сіяніи на минушу являешся и въ облакахъ исчезаешь.

Жаловапьяся ли намъ на участь бѣднаго, слабого человекства? — Увы! чпо есть мудроспъ мудраго, когда паденіе соломенки можешь разрушитъ ее; когда болѣзнь пблесная запемняешь свѣшъ его разума, и покрываешь густымъ мракомъ нечувспвишельности пакою душу, въ копорой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опышъ!

Пришла весна, и благодѣпельныя вліянія сего прекраснаго вре-

мени года возврапили мнѣ друга ;
 бальзамическія испаренія зеленѣю-
 щихъ правѣ освѣжили его помное
 сердце ; вмѣспѣ съ цвѣтами раз-
 цвѣтала душа его , и вмѣспѣ съ
 нѣжными ппенцами слабый духъ
 его оперядся. Сія весна, сіе лѣпо,
 оспанупся незабвенными вѣ моей
 жизни !

Всегда , всегда будете вы пред-
 метомѣ благодарной слезы моей ,
 вы пріяпные вечера ; проведенные
 мною вѣ сообществѣ милого друга,
 на зеленыхъ лугахъ , орошаемыхъ
 пиhoю рѣкою , хопя не споль слав-
 ною , какъ Аѣинскій Иллисѣ , гдѣ
 Сократы и Крипоны древле бесѣ-
 довали о мудроспи , но чиспою и
 прекрасною вѣ своемѣ печеніи !
 Тамѣ , будучи друзьями цѣлому свѣ-
 шу , разсуждали мы о происше-
 ствіяхъ міра , угадывали будущую
 судьбу челоѣчества , радовались
 и горевали ; шамѣ вопрошали мы
 Нашуру о великихъ шаймахъ ея—

иногда глубокое молчаніе пасмурной ночи, иногда нѣжная пѣснь Филомелы, иногда спрашныя удары грома были намъ отвѣтомъ ея: — мы благоговѣли, и признавали слабость своего разума. — Если бы обшпашели оныхъ сверкающихъ міровъ, копорыми усѣяно голубое небо, когда нибудь съ высоты своей взирающъ на смертныхъ чадъ земли: то конечно и мы удостоились ихъ взоровъ — два юноши, спрашно любящіе истину и добродѣтель!

Всякой день, всякой вечеръ были мы вмѣстѣ, какъ будто бы предчувствуя, что сіе лѣто будетъ послѣднимъ лѣтомъ дружбы нашей! — Я слѣшилъ къ нему съ каждою новою книгою, съ каждымъ новымъ твореніемъ ума человѣческаго; онъ слѣшилъ ко мнѣ — съ новыми мыслями, съ новыми догадками, съ новою любезностію.

Осень была для насъ печальна;

зимою мы распались — и распались навѣки!

Навѣки! — Я обнималъ тебя въ послѣдній разъ, неоцѣненный другъ души моей! въ послѣдній разъ видѣлъ твою чувствительность! Ты любилъ меня — и никогда любовь твоя не была такъ краснорѣчива, какъ въ сію минуточку! *Можетъ быть мы скоро увидимся; можетъ быть опять будемъ жить вмѣстѣ* — сказалъ онъ, и закрылъ лице свое. Милый другъ! сердце твое конечно предчувствовало, что намъ уже никогда не выдашься въ здѣшной жизни!

Перемена климата, а можетъ быть и чрезвычайная дѣятельность, испортили его слабое здоровье; онъ занемогъ опасною болѣзнію — спрдадь — помился — ни молодость, ни искусство врачей, ни пламенная молитва дружбы не помогли ему... Онъ скончался!..

Ахъ! для чего не могъ я быть при

концѣ пвоемѣ — не могѣ слышатъ послѣднихъ словъ, видѣть послѣднихъ взоровъ моего друга? — Ты хладѣлъ въ объятіяхъ смерти, и можетѣ бытъ никоимъ изъ окружающихъ тебя не зналъ, какая душа оставляла міръ сей, какой человекъ умиралъ въ глазахъ ихъ! Можетѣ бытъ безчувственные люди положили тебя въ гробъ, — безчувственные люди опустили гробъ твой въ землю! — Я хотѣлъ бы оросить слезами по мертвою тѣло, въ которомъ обиталъ бессмертный духъ твой; хотѣлъ бы просииться съ тобою, и со всею горячностію дружбы поцѣловать тѣ хладныя уста, изъ которыхъ нѣкогда лились въ грудь мою отрада и утѣшеніе; хотѣлъ бы успокоить тебя и въ самомъ гробѣ, и первымъ весеннимъ цвѣтомъ украсить могилу твою! . . . Ахъ! начпо мы разлучались? Сии не многіе дни, которые оставалось прожить тебѣ въ юдоли

смершнаго, прошекли бы въ тишинѣ и мирѣ; попеченія любви, старанія дружбы облегчили бы переходъ твой въ вѣчность, и Ангелъ смерти принялъ бы тебя изъ объятій чувствительнаго челоуѣка! —

Онъ умиралъ спокойно. *Я говорилъ съ нимъ за два дни до кончины его* (пишетъ ко мнѣ любезной Д***), *и никогда не перестану удивляться силамъ души его* — а я, за сіе удивленіе, никогда не переспану любить тебя, милой Д***! —

Величественная Напура... или Ты, Копораго я назову не умбю... Ты, Копораго истинное имя и существо шаятся въ непроницаемомъ мракѣ, или — въ неприсупномъ свѣтѣ! дерзнетъ ли смершный съ слабымъ, но чистымъ сердцемъ, безъ страха и препенета спросить Тебя: почто образовалъ Ты прекрасную душу моего друга, и скрылъ ее на зарѣ упренней, прежде нежели возсіяла она во всей красотѣ

своей? Уже ли мудрая рука Твоя ошиблась, и произвела оную не въ свое время, не въ своемъ мѣсѣ? — Невидимая сила заграждаетъ уста мои — безмолвствую.

Горестъ моя будетъ продолжительна — безконечна! Я имѣю друзей сердца, копорые меня любящъ, и копорые мнѣ всего на свѣтѣ милѣе; но духъ мой лишился любезнѣйшаго своего брата и совошпанника, копораго никшо, никшо замѣнить не можетъ!

Дражайшій Агапювъ! рука времени не загладишь образа швоего въ моихъ мысляхъ; всегда, всегда буду воспоминашь о незабвенномъ другѣ: — ибо памянь швоя впечатлѣлась въ существо души моей, и слилась съ ея любезнѣйшими идеями и чувствами. Скоро разцвѣтитъ проспранный садъ Напуры; скоро пшички запоютъ на зеленыхъ вѣтвяхъ — я пойду въ поле; пойду гулянь шуда, гдѣ гулялъ съ шобою; ся-

ду на помѣ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ съ побою, и подѣ шумомѣ весеннихъ водопадовѣ пролью сладкія слезы. Тамѣ, видя радостное обновленіе Природы, буду воображать себя обновленнаго въ паинспвенныхъ жилищахъ вѣчности, копорыя спали мнѣ извѣспнѣ съ того времени, какѣ ты въ оныя преселился — въ жилищахъ, гдѣ непремѣнная весна царспвуетѣ, и алѣютѣ цвѣты неувядаемыя; гдѣ нѣтъ ни слезѣ, ни вздоховѣ; гдѣ мудрыя древности, какѣ нѣжныя брапя, бесѣдуютѣ съ побою, и гдѣ нѣкогда встрѣпишь ты и меня съ Ангельскою улыбкою небесной дружбы.

Проспи!

Марта 28, 1793.

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

Говорятъ, что Автору нужны таланты и знания: острый, проникающей разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, еслии онъ хочеть быть другомъ и любимцемъ души нашей; еслии хочеть, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; еслии хочеть писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщешно думаетъ лицемеръ обмануть чинашелей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщешно говоритъ намъ о милосердіи, соспра-

даніи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда пишательное, зѣрное пламя не польется изъ его швореній въ нѣжную душу пишателя.

Естьли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэша (*), по, вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ— каррикапуру Заиры. Чиспѣйшій, цѣлебный Нектаръ въ нечиспомъ сосудѣ дѣлается пропивнымъ, ядовитымъ пишемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, по посмотришь прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лице швое предметомъ искусства, копорое должно зани-

(*) Защишникъ и покровитель невинныхъ, благодаръшель Каласовой фамиліи, благодаръшель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ конечно не дурное сердце.

машься однимъ изящнымъ, изобра-
жаешь красоту, гармонию, и распро-
страняешь въ области чувствитель-
наго приятныя впечатлѣнія? Если
творческая Напура произвела
тебя въ часъ небреженія, или въ
минушу раздора своего съ красо-
тою: то будь благоразуменъ, не
безобразь художниковой кисти, —
ославь свое намѣреніе. Ты берешь-
ся за перо, и хочешь быть Авто-
ромъ: спроси же у самого себя,
наединѣ, безъ свидѣтелей, искрен-
но: *каковъ я?* ибо ты хочешь пи-
сать поршрещь души и сердца
своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ
могъ бы споль прелестно изобра-
жать невинность и добродушіе па-
спуховъ и паспушекъ, естли бы
сіи любезныя чершы были чужды
собспвенному его сердцу?

Ты хочешь быть Авторомъ: чи-
тай испорію несчастій рода чело-
вѣческаго — и естли сердце швое

не обольется кровію, оставь перо,
— или оно изобразитъ намъ хлад-
ную мрачность души твоей.

Но естли всему горестному, все-
му угнетенному, всему слезящему
открытъ путь въ чувствительную
грудь твою; естли душа твоя
можетъ возвыситься до *страсти*
къ добру, можетъ пипать въ себѣ
святое, никакими сферами неогра-
ниченное *желаніе всеобщаго блага*:
тогда смѣло призывай богинь Пар-
насскихъ — онѣ пройдутъ мимо
великолѣпныхъ чертоговъ, и постѣ-
пятъ твою смиренную хижину —
ты не будешь бесполезнымъ Писа-
телемъ — и никто изъ добрыхъ
не взглянетъ сухими глазами на
твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, обра-
зы, выраженія — все сіе прогаепъ
и пльняепъ тогда, когда одушев-
ляется чувствомъ; естли не оно
разгорячаепъ воображеніе Писате-
ля, по никогда слеза моя, никогда

улыбка моя не будетъ его наградою.

Опѣ чего Жанъ-Жакъ Руссо нравился намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Опѣ чего любимъ мы чипать его и погда, когда онъ мечтаепъ или запупываепся въ прошиворѣчіяхъ?—Опѣ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры спраспнаго челоѣколюбія; опѣ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напрошивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и погда, когда говорятъ испину: — ибо сія испина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія испина изливается не изъ добродѣтельного сердца; ибо дыханіе любви не согрѣваепъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной челоѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

**НѢЧТО О НАУКАХЪ , ИСКУССТВАХЪ
И ПРОСВѢЩЕНИИ.**

Que les Muses, les arts & la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre & consolent
la vie.

St. Lambert.

Былъ человѣкъ — и человѣкъ великой, незабвенной въ лѣтописяхъ Философіи, въ исторіи людей — былъ человѣкъ, копорой со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе для насъ вредно, и что Науки несомѣстны съ добродѣтелию!

Я чпу великія швои дарованія,
краснорѣчивой Руссо! Уважаю
испины, опкрышыя шбою совре-

VII.

3

менникамъ и попомству (*) — испины, опнынѣ незагладимыя на дскахъ нашего познанія — люблю тебѣ за доброе швое сердце, за любовь швою къ челоувѣчеству; но признаю мечшы швои мечшми, парадоксы парадоксами. —

Вообще разсужденіе его о Наукахъ (***) есть, шакъ сказаць, логической Хаосъ, въ копоромъ видѣнъ шолько обманчивой порядокъ или призракъ порядка; въ копоромъ сіяетъ шолько *ложное* солнце — шакъ какъ въ Хаосъ шворенія, по описанію одного Поэта — и день съ ночью непосредшвенно, шо есть безъ ушра и вечера, соединяющся.

(*) Я говорю о шѣхъ моральныхъ истинахъ, копорыя Руссо открывае ш намъ въ своемъ Эмилѣ.

(**) Discours sur la question, proposée par l' Académie de Dijon, si le rétablissement des Sciences et des Arts a contribué à épurer les moeurs ?

Оно естѣ собраніе пропивоорѣчій и софизмовъ, предложенныхъ — въ чемъ надобно опдасть справедливостѣ Авшору — съ довольнымъ искусствомъ.

„Но Жанъ-Жака нѣтъ уже на свѣтѣ: на что безокоистѣ прахъ его?“ — Творца нѣтъ на свѣтѣ, но швореніе сущесшвуешѣ; невѣжды чипающѣ его — самыя шѣ, которыя ничего болѣе не чипающѣ — и подѣ Эгидою славнаго Женевскаго Гражданина злословящѣ просвѣщеніе. Естѣли бы небесный Юпишерѣ опдалѣ имѣ на время громѣ свой, шо великолѣпное зданіе Наукѣ въ одну минушу преврапилось бы въ пепелѣ.

Я осмѣливаюсь предложитѣ нѣкоторыя примѣчанія, нѣкоторыя мысли свои о семѣ важномѣ предметѣ. Онѣ не сущѣ плодѣ глубокаго размышленія, но первыя, шакѣ сказащѣ, идеи, возбужден-

ныя чпеніемъ Руссова шворенія (*).

Со временъ Аріспіопелевыхъ швердяпъ ученые , что надобно опредѣляпъ вещи, когда желаешь говорипъ объ нихъ, и говорипъ основательно. Дефиниціи служатъ Фаросомъ въ пупяхъ умспвова- нія — Фаросомъ, копорой без-

(*) Новая піеса одного неизвѣстнаго Нѣмецкаго Автора , копорая нечаянно попалась мнѣ въ руки, и въ копорой бѣдныя Науки спрада- ютъ ужаснымъ образомъ, заставила меня прочестъ со вниманіемъ Discours de J. J.—Примѣчанія мои неважны; но они по крайней мѣрѣ не выписаны ни изъ Готше, ни изъ Лабарда, ни изъ Мену, копорыхъ я или совсѣмъ не читалъ, или совсѣмъ забылъ. — Что же принадлежитъ до Господина Нѣмецкаго Анонимуса, то онъ кромѣ злобы, шупоумія и несноснаго Готшедскаго слога, ничѣмъ похвалиться не можетъ; на шакія сочиненія нѣмъ отвѣта.

преспанно долженъ сіяпъ предъ глазами нашими, еспли мы не хощимъ съ прямой черпъ соврапипься. Руссо пишеть о Наукахъ, объ Искусствахъ, не сказавъ, что сущъ Науки, что Искусства. Правда, еспли бы онъ опредѣлилъ ихъ справедливо, по всѣмъ главнымъ идеи пракшапа его—поднялись бы на воздухъ и разсѣялись въ дымъ, какъ пустые фанпомы и чада Химеры; по еспь, пракшапъ его оспался бы въ шуманной обласпи небыпія—а Жанъ-Жаку непремѣнно хощлось брапипь ученость и просвѣщеніе. Для чего же? Можеть быть для спранности; для того, чтобы удивипь людей, и показатъ свое опмѣнное оспроуміе: суешность, которая бываетъ слабостью и самыхъ великихъ умовъ! —

Не смотря на разные классы Наукъ, не смотря на разные имена ихъ, онъ сущъ ничто иное, какъ

познаніе Матуры и теловѣка, или система свѣдѣній и умствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ ().*

Отъ чего произошли онѣ? — Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ.

Доброй Руссо! ты, которой всегда хвалишь мудрость Природы, называешь себя другомъ ея и сыномъ, и хочешь обратишь людей къ ея проснымъ, спасительнымъ законамъ! скажи, не сама ли Природа вложила въ насъ сію живую склонность ко знаніямъ? Не она ли приводитъ ее въ движеніе своими великолѣпными чудесами, спользительно вокругъ насъ разсѣянными? Не она ли призываетъ насъ къ Научамъ? — Можетъ ли человекъ

(*) Познаніе сихъ двухъ предметовъ ведетъ насъ къ чувствованію всеобщаго творческаго Разума.

быть безчувственъ погда, когда громы Напуры гремятъ надъ его головою, когда спрашные огни ея пылають на горизонтѣ и разсѣкають небо; когда моря ея шумятъ и ревуть въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣшетъ передъ нимъ въ зеленой одеждѣ своей или сіяетъ въ златѣ блестящихъ плодовъ, или, какъ будто бы упружденная великолѣпьемъ своихъ феноменовъ, облакается въ черную ризу осени, и погружается въ зимній сонъ подъ бѣлымъ кровомъ снѣговъ своихъ?

Обратимся во пьму прошедшаго; углубимся въ бездну минувшихъ вѣковъ, и вспупимъ въ тѣ, давно исплѣвшіе лѣса, въ копорыхъ челоѣчество, по словамъ швоимъ, о Руссо! блаженствовало въ физическомъ и душевномъ мерцаніи; успремимъ взоръ нашъ на юнаго сына Природы, памъ живу-

щого: мы увидимъ, что и онъ не только о физическихъ потребностяхъ думаетъ; что и онъ имѣетъ душу, которая пребудетъ себѣ не плесной пищи. Сей дикой взираетъ съ удивленіемъ на картину Напуры; око его обращается отъ предмета къ предмету — отъ заходящаго солнца на восходящую луну, отъ грозной скалы, отбняемой валами, на прекрасной ландшафтѣ, гдѣ ручейки журчатъ въ серебряныхъ нипяхъ, гдѣ свѣжіе цвѣты песпрѣютъ и благоухаютъ. Онъ въ пиломъ восхищеніи плбняется еспесивными красками, иногда нбжными и милыми, иногда спрашными: вливаетъ ихъ, пакъ сказатъ, въ свое сердце всѣми чувствами и наслаждается безъ насыщенія. Все для него привлекательно; все хочетъ онъ видѣть и осязать въ нервахъ своихъ; слѣшитъ къ отдаленнѣйшему, ищетъ конца горизонту и не находитъ его — небо во всѣ

спороны надъ нимъ разливаея — Природа вокругъ его необозрима, и симъ величественнымъ образомъ безпредѣльности вѣщаетъ ему: *нѣтъ предѣловъ твоему любопытству и наслажденію!* — Такимъ образомъ собираетъ онъ безчисленныя идеи или чувственныя понятія, копорыя суть ничто иное, какъ непосредственное отраженіе предметовъ, и копорыя носятся сначала въ душѣ его безъ всякаго порядка; но скоро пробуждается въ ней та удивительная сила или способность, копорую называемъ мы *разумомъ*, и копорая ждала только чувственныхъ впечатлѣній, чтобы начать свои дѣйствія. Подобно лучезарному солнцу освѣщаетъ она Хаосъ идей, раздѣляетъ и совокупляетъ ихъ, находитъ между ими различія и сходства, отношенія, частное и общее, и производитъ идеи особливаго рода, идеи отвлеченныя, копорыя

составляють *знаніє* (*), составляють уже *науку* — сперва Науку Природы, внѣшности, предметовъ; а по томѣ, черезъ разныя опвлеченія, достигаютъ челоуѣкъ и до понятія о самомъ себѣ, обращаясь опѣ чувствованій къ чувствующему, и, не будучи Декартомъ, говорятъ: *cogito, ergo sum* — *мышлю, слѣдственно существую* (**): *чтожъ я?* . . . Вся наша Антропология есть ничто иное, какъ опвѣщѣ на сей вопросъ — —

И такимъ образомъ можно сказать, что Науки были прежде Университетовъ, Академій, Профессоровъ, Магистеровъ, Бакалавровъ. Гдѣ Напура, гдѣ челоуѣкъ, тамъ учительница, тамъ ученикъ — тамъ Наука.

(*) Знать вещь есть не чувствовать только, но опличать ее опѣ другихъ вещей, представлять ее въ связи съ другими.

(**) Извѣстной Декартовъ силлогизмъ.

Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недоспаочны, но они служили основаніемъ пѣхъ великолѣпныхъ знаній, копорыми украшается вѣкъ нашъ ; они были первымъ шагомъ къ великимъ опкрытіямъ Невпоновъ и Лейбницевъ — пакъ оный испочникъ, едва, едва журчащій подъ сѣнію вѣшиспаго дуба, мало по малу расширяется, шумитъ, и наконецъ образуетъ величественную Волгу.

Кпо же , описывая дикаго или еспеспивеннаго человекъ, предспавляетъ его невнимапельнымъ , любопытнымъ , живущимъ всегда въ одной сферѣ чувспвенныхъ впечатлѣній, безъ всякихъ опвлеченныхъ идей — думающимъ полько объ утоленіи голода и жажды, и проводящимъ большую часпъ времени во снѣ и безчувспвіи — однимъ словомъ, звѣремъ : попъ сочиняетъ романъ, и описываетъ человекъ, копорой совсѣмъ не еспь

человѣкъ. Ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ не найдемъ мы такихъ безсмысленныхъ людей. Нѣтъ! и Гошпенпопы любопытны; и Кафры спараются умножаясь свои понятія; и Караибы имѣютъ отвлеченныя идеи, ибо у нихъ есть уже языкъ, слѣдствіе многихъ умствованій и соображеній (*). — Или пусть младенецъ будетъ намъ примѣромъ юнаго человѣчества, младенецъ, котораго душа числа еще отъ всѣхъ народовъ, несвойственныхъ ей напурѣ! Не примѣчаемъ ли въ немъ желанія знать все, что представляется глазамъ его? Всякой шумъ, всякой необыкновенной предметъ не возбуждаетъ ли его вниманія? — Въ сихъ первыхъ движеніяхъ души видишь Философъ опредѣленіе че-

(*) На прим. всякое прилагательное имя есть отвлеченіе. Времена глаголовъ, мѣстоименія — все сіе пребуетъ утонченныхъ дѣйствій разума.

ловѣка; видящѣ, что мы сошворены для *знаній, для науки.*

Что суть Искусства? — *Пощражаніе Матурѣ.* Густыя, сросшіяся вѣтви были образомъ первой жижины и основаніемъ Архитектуры; вѣтерѣ, вѣявшій вѣ опверстіе сломленной проспи, или на струны лука, и поющія ппички научили насъ музыкѣ — пѣнь предметовъ рисованью и живописи. Горлица, сѣтующая на вѣтви обѣ умершемъ дружкѣ своемъ, была наспавницею перваго Элегического Поэта (*); подобно ей хощѣлъ онѣ

(*) Я думаю, что первое ппичическое швореніе было ничто иное, какѣ изліяніе шомно-горестнаго сердца; но есть, что первая Поэзія была Элегическая. Человѣкѣ веселящійся бываетъ столько занящѣ предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ занящѣся описаніемъ своихъ чувствѣ; онѣ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. На-

выражать горесть свою, лишась милой подруги — и всѣ пѣсни младенческихъ народовъ начинающія сравненіемъ съ предметами или дѣйствіями Напурѣ.

Но что жъ заставило насъ подражать Напурѣ, то есть, что произвело Искусства? *При-*

прошивъ того горестной другѣ, горестной любовникѣ, потерявъ милую половину души своей, любивъ думать и говорить о своей печали, изливать, описывать свои чувства; избираетъ всю Природу въ повѣренные грусти своей; ему кажется, что журчащая рѣчка и шумящее дерево соболѣзнуютъ о его упрямѣ; состояніе души его есть уже, такъ сказать, Поезія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его — слезами и пѣснію. -- Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда человекъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства; не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.

родное челоѣку спремленіе къ улучшенію бытія своего, къ умноженію жизненныхъ пріятностей. Онѣ перваго шалаша до Луврской колонады, онѣ первыхъ звуковъ простой свирѣли до симфоній Гайдена, онѣ перваго начерпанія деревѣ до карпинѣ Рафаелевыхъ, онѣ первой пѣсни дикаго до Поэмы Клоппоковой, челоѣкъ слѣдовалъ сему спремленію. Онѣ хочетъ жить *покойно*: раждающа пакѣ называемыя *полезныя искусства*; возносяща зданія, копорыя защищаютъ его онѣ свирѣпости стихій. Онѣ хочетъ жить *пріятно*: являюща пакѣ называемыя *изящныя искусства*, копорыя усыпаютъ цвѣтами жизненный пупъ его.

И пакѣ Искусства и Науки *необходимы*: ибо онѣ суть плодѣ природныхъ склонностей и дарованій челоѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какѣ дѣйствіе

соединяется съ причиною, по еспь союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываюпъ, что духовная напура наша въ печеніи временъ, подобно какъ злапо въ горнилѣ, очищаепся и доспигаепъ бѣльшаго совершенства; показываюпъ великое наше преимущество предъ всѣми иными живошными, копорыя опъ начала міра живушъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между пѣмъ какъ люди безпреспанно его распросправяюпъ, обогацаюпъ, обновляюпъ.

Я помню — и всегда буду помнишь — что добрѣйшій и любезнѣйшій изъ нашихъ Философовъ, великой Боннепъ, сказалъ мнѣ однажды на берегу Женевскаго озера, когда мы, взирая на заходящее солнце, на злапыя спруи Лемана, говорили объ успѣхахъ челошческаго разума. „Мой другъ!“ . . . симъ именемъ называепъ Боннепъ (*) всѣхъ

(*) Онъ былъ еще живъ, когда я писалъ сіи Примѣчанія.

пѣхъ, которые приходятъ къ нему съ любовію къ истинѣ... „мой другъ! размышляющій человекъ можетъ и долженъ надѣяться, что въ послѣдствіи вѣковъ объяснится весь мракъ въ путяхъ Философіи, и заря нашихъ смѣлѣйшихъ предчувствій будетъ нѣкогда солнцемъ увѣренія. Знанія разливаются какъ волны морскія; необозримо ихъ пространство; никакое острое зрѣніе не можетъ видѣть отдаленнаго берега—но когда явится онъ упрямому взору мудрецовъ; когда мы узнаемъ все, что въ странахъ подлунныхъ знать можно: тогда—можетъ быть—исчезнетъ міръ сей подобно волшебному замку, и человечество вступитъ въ другую сферу жизни и блаженства.“ — Небесный свѣтъ сіялъ въ сію минуту на лицѣ Женевского Философа, и мнѣ казалось, что я слышу гласъ пророка.

Такъ, Искусства и Науки нераз-

VII.

4.

лучны съ сущесвомъ нашимъ — и еспьли бы какой нибудь духъ пымы могъ пеперь въ одну минуу испребишь всѣ плоды ума челоуѣческаго, жашву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: по попомки наши снова найдутъ поперянное, и снова возсіяютъ Искусства и Науки какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоцѣнное собраніе знаній, по волѣ гнуснаго варвара, было жернвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ пеперь то, чего ни Греки ни Римляне не знали. Пустьъ новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны преврашнѣ въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ печеніе грядущихъ временъ родяпся новые Баконь, которые положатъ новое, и можетъ быть еще швердѣйшее основаніе храма Наукъ; родяпся новые Невтоны, которые опкроютъ законы всемірнаго движенія; новой Локкъ извяснитъ челоуѣку разумъ челоуѣка; новые Кон-

дильяки, новые Боннепы силою ума своего оживяпѣ спатую (*), и новые Поэпы воспоюпѣ красоту Напуры, челоуѣка и славу Божию: ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и естѣь лучъ божеспвеннаго свѣпа ея, произведеііе великихъ ея способностей, копорыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можепѣ уничтожипѣ. Перемѣните душу, вы ненависпники просвѣщенія! или никогда, никогда не успѣете въ челоуѣколюбивыхъ своихъ предпріяпьяхъ; и никогда Промешевъ огонь на землѣ не угаснетѣ!

Заклучимъ: еспѣли Искусспва и Науки въ самомъ дѣлѣ зло, то онѣ *необходимое* зло, — зло, испекающее изъ самой напуры нашей;

(*) См. *Essai analytique sur l'Âme*, par Bonnet, и *Traité des Sensations*, par Condillac.

зло, для котораго Природа сотворила насъ. Но сія мысль не возмущаетъ ли сердца? Согласна ли она съ благоспію Природы, съ благоспію Творца нашего? Могъ ли Всевышній произвеспи челоѡка съ любопытною и разумною душою, когда плоды сего любопытства и сего разума должны были бытъ пагубны для его спокойствія и добродѣтели? Руссо! я не вѣрю въ твою систему.

Науки портятъ нравы, говоритъ онъ: нашъ просвѣщенный вѣкъ служитъ тому доказательствомъ.

Правда, что осьмнадцатый вѣкъ просвѣщеніе всѣхъ своихъ предшественниковъ; правда и то, что многіе пишутъ на него сапиры; многіе, ксапи и не ксапи, восклицаютъ: о tempora! о mores! о времена! о нравы! многіе жалуются на развратъ, на гибельные пороки нашихъ временъ — но много ли Философовъ? много ли размыш-

ляющихъ людей? много ли такихъ, которые проицаютьъ взоромъ своимъ во глубину нравственности, и могутъ справедливо судить о феноменахъ ея? Когда нравы были лучше нынѣшнихъ? Не уже ли въ печеніе среднихъ вѣковъ, тогда, когда грабежъ, разбой и убійство почитались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ? Пустъ заглянуть въ спарыя лѣтописи, и сличать ихъ съ исторіею нашихъ временъ! — Намъ будущъ говорить о Сапурновомъ вѣкѣ, щастливой Аркадіи... Правда, сія вѣчно-цвѣтущая страна, подъ благимъ, свѣплымъ небомъ, населенная простыми, добродушными паспухами, которые любятъ другъ друга какъ нѣжные братья, не знаютъ ни зависти ни злобы, живутъ въ благословенномъ согласіи, повинуются однимъ движеніемъ своего сердца, и блаженствуютъ въ объятіяхъ любви и дружбы, еспъ нѣчто восхипитель-

ное для воображенія чувствительныхъ людей; но — будемъ искренны, и признаемся, что сія щастливая спрана есть ничто иное, какъ пріятной сонъ, какъ восхищительная мечта сего самого воображенія. По крайней мѣрѣ никто еще не доказалъ намъ исторически, чтобы она когда нибудь существовала. Аркадія Греціи не есть та прекрасная Аркадія, которую древніе и новые Поэты прельщаютъ наше сердце и душу.

*J'ouvre les fastes: sur cet âge
Partout je trouve des regrets;
Tous ceux qui m'en offrent l'image,
Se plaignent d'être nés après.*

Самыя отдаленнѣйшія времена, освѣщаемыя факеломъ Истории — времена, въ которыя Искусства и Науки были еще, такъ сказать, въ безсловесномъ младенчествѣ — не представляющъ ли намъ пороковъ

и злодѣяній? Самъ ты, о Руссо! живописворною своею кистию изобразилъ одно изъ сихъ спрашныхъ происшествій древности, копорыя возмущающъ всякое чувство (*) и показывающъ, что сердце чело-вѣческое осквернялось тогда самымъ гнуснѣйшимъ развращеніемъ.

Ты обвиняешь въкъ нашъ упонченнымъ лицемѣриемъ, припворспвомъ; но опъ чего же порокъ снаряется нынѣ скрывать себя подъ личиною добродѣтели болѣе, нежели когда нибудь? Не опъ того ли, что въ нынѣшнія времена гнушающся имъ болѣе, нежели прежде? Самое сіе относитсѣ къ чести нашихъ нравовъ; и естли мы обяза-ны явмъ просвѣщенію, то оно благописворно и спасительнo для Мора-ли. Иначе можно будетъ доказать, что и добродѣтель развращаетъ

(*) Въ *Levite d' Ephraïm*.

людей, заставляя порочнаго лицемѣришь; ибо никогда не имѣетъ онъ такой нужды припворяться добрымъ, какъ въ присуствіи добрыхъ. — Вообразимъ двухъ чело-вѣкъ, копорые оба злонравны, но съ шѣмъ различіемъ, что одинъ явно предается своимъ склонно-стямъ, и слѣдственно не спыдипся ихъ, — а другой шайшъ оныя, и слѣдственно самъ чувствуетъ, что онъ не похвальны: кто изъ нихъ ближе къ исправленію? Конечно послѣдній; ибо первой шагъ къ добродѣтели, какъ говорятъ древніе и новые Моралисты, есть познаніе гнусности порока.

Мысль, что во времена невѣжества не могло бытъ столько обмановъ, какъ нынѣ, для того что люди не знали никакихъ тонкихъ хитростей, есть совершенно ложная. Проспые такъ же другъ друга обманываютъ, какъ и хитрые; первые грубымъ образомъ, а вторые ис-

куснымъ—ибо мы не можемъ быть ни равно проспы, ни равно хипры. Вспомнимъ жрецовъ идолопоклонства : они были конечно не ученые, не мудрецы, но умѣли ослѣплять людей, — и кровь человѣческая лилась на жерпвенникахъ.

Сія учпивость, сія привѣпливость, сія ласковость, копорая свойспвенна нашему времени преимущеспвенно передъ всѣми прочими, и копорую новые Тимоны (*) называюпъ сусальнымъ золопомъ осьмагонадесять вѣка, въ глазахъ Философа еспъ испинная добродѣпель общежитія и слѣдспвіе упонченнаго человѣколюбія. Не спорю, что опереть слезы бѣднаго, оиврапипъ грозную бурю отъ своего брапа, гораздо похвальнѣе и важнѣе, нежели

(*) Извѣстно, что Аѣинской Тимонъ былъ великой мизантропъ. „Я люблю тебя, сказалъ онъ Альцибіаду, за то, что ты сдѣлаешь довольно зла своему опечеспву.

Г II.

5

приласкашь челоуѣка добрымъ словомъ или улыбкою; но все то, чѣмъ мы можемъ доснавити другъ другу невинное удовольствіе, есць должность наша — и кпо хопя одну минушу жизни сдѣлалъ для меня пріятною, попѣ есць мой благодѣтель. Мудрая, любезная Напура не только даесть намъ пищу; она производитъ еще и алую розу, и бѣлую лилію, копорыя не нужны для нашего физическаго сущестованія — но онѣ пріятны для обонянія, для глазъ нашихъ, и Напура производитъ ихъ. Учивость, привѣпливость есць цвѣтъ общежитія.

Спартацы не знали ни Наукъ, ни Искусствъ — говоришь нашъ Мизософъ — и были добродѣтельнѣе прочихъ Грековъ, — и были непобѣдимы. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ, тогда Римляне повѣствовали мѣромъ; но Римъ просвѣтился,

и сѣверные варвары наложили на него цѣпи рабства (*).

Вопервыхъ Спаршанцы не были такими невѣждами и грубыми людьми, какими хочешъ ихъ описывать Женевской Гражданинѣ. Они не занимались ни Аспрономіею, ни Менафизикою, ни Геометріею: но у нихъ были другія Науки, и самыя Изящныя Искусства. Они имѣли свою Мораль, свою Логику, свою Реторику, хощя учились имъ не въ Академіяхъ, а на лобномъ мѣстѣ — не отъ Профессоровъ, а отъ своихъ Эфоровъ. Не священная ли Поэзія приготовила сихъ Республиканцевъ къ Ликурговымъ уставамъ? Пѣснопѣвецъ Ѡалесъ (**), былъ предше-

(*) Все, что Руссо говоритъ въ своемъ Discours о Спартѣ и Римѣ, взято изъ Essais de Montaigne, главы XXIV, du Pedantisme. Жанъ - Жакъ любилъ Монтаня.

(**) Сей Поэтъ Ѡалесъ жилъ прежде мудреца Ѡалеса или Талеса.

чею сего законодапеля ; явился въ Спарпѣ съ злалоспрунною лирою, воспѣлъ щаспие мудрыхъ законовъ, благо согласія, и восхипиль сердца слушашелей. Тогда пришелъ Ликургъ, и Спарпанцы приняли его какъ друга боговъ и челоуковъ, копораго успамн въщала испина и мудроспъ. Во время впорой Мессенской войны повелъвалъ Лакедемонцами Аѳинской Поэпъ Тирпей; онъ пѣлъ, игралъ на арфѣ, и воины его, какъ яроспные вихри, спремилсь на брань и смерпъ: доказательспво, что сердца ихъ опверзались *опечатлѣнїямъ изящнаго*, чувспвовали въ испинѣ красопу и въ красопѣ испину! — У нихъ были и собспвенные свои Поэпы, на прим. Алкманъ, копорой „всю жизнь свою посвящаль любви, и во всю жизнь свою воспѣвалъ любовь“; были музыканпы и живописцы — первые гармонією спрунъ своихъ возбуждали въ нихъ ревностп герой-

ства ; кисть впорыхъ изображала красоту и силу, въ видѣ Аполлона и Марса, чтобы Спарпанки, обращая на нихъ взоры свои, раждали Аполлоновъ и Марсовъ — были и Рипоры, которые въ собраніяхъ народа, или на печальныхъ празднествахъ, учрежденныхъ въ память Павзанію и Леониду, убѣждали и прогали согражданъ своихъ — на прим. самые Аѣинцы удивлялись краснорѣчію Спарпанца Бразида, и сравнивали его съ лучшими изъ Греческихъ Ораторовъ. Законы Лакедемонскіе не запрещали наслаждаться Изящными Искусствами, но не терпѣли ихъ злоупотребленія. Для сего-то Эфоры не позволяли гражданамъ своимъ читать соблазнительныхъ швореній Сапирика Архилоха; для сего-то велѣли они молчать лирѣ одного музыканта, которой нѣжною, томною игрою вливалъ ядъ сладоспраспія въ души воиновъ ; для сего-то выгнали они

изъ Спарпы того Рипора, копорой хѣпѣлъ говорипь о всѣхъ предме-
пахъ съ равнымъ искусствомъ и
жаромъ. Испинное краснорѣчіе,
одушевленное правдою, на правдѣ
основанное, было имъ любезно —
ложное, софиспическое, ненависп-
но. Теорія Морали ихъ поставля-
лась въ примѣръ ясной краткоспи,
силы и убѣдипельноспи, шакъ чпо
многіе Философы древноспи — на
прим. Фалесъ, Пипшакъ и другіе,
заимспвовали опъ нихъ меподы
своего нравспвеннаго ученія.

Во вторыхъ — шочно ли Спар-
панцы были добродѣпельнѣе про-
чихъ Грековъ? Не думаю. Тамъ,
гдѣ въ забаву убивали бѣдныхъ не-
вольниковъ, какъ дикихъ звѣрей;
гдѣ шпрански умерщвляли слабыхъ
младенцевъ, для шого чпо Респуб-
лика не могла надѣяться на силу
руки ихъ — шамъ, слѣдуя обще-
му человѣческому поняшю, не лзя
искашь нравспвеннаго совершен-

спва. Еспьли древніе говорили, что „самый Спарпанскій воздухъ вселяетъ кажется *Аретинъ*“, шо подъ симъ словомъ разумѣли они не шо, что мы разумѣемъ нынѣ подъ именемъ *добродѣтели, vertu, Tugend*, а *мужество* или *храбрость* (*), копорая шолько по своему употребленію бываетъ добродѣпелью. Спарпанцы были всегда храбры, но не всегда добродѣпельны. Леонидъ и друзья его, копорые принесли себя въ жерпву опечеспву, супъ мои Герои, испинно-великіе мужи, полу-боги; безъ слезъ не могу я думать о славной смерпи ихъ при Термопилахъ — но когда пипомцы Ликурговыхъ законовъ лили кровь чловѣческую для шого, чшобы умножипъ число своихъ невольниковъ и порабошипъ слабѣйшія Греческія

(*) *Арети* происходиптъ отъ *Арисъ*. Симъ именемъ, какъ извѣспно, называешся по Гречески Марсъ.

области: тогда храбросць ихъ была злодѣйствомъ — и я радуюсь, что великой Эпаминондъ смирилъ гордосць сихъ Республиканцевъ, и съ надменнаго чела ихъ сорвалъ лавръ побѣды.

Аѣины — просвѣщенные Аѣины, гдѣ, пакъ сказаць, возраспали всѣ наши Искусства и Науки — Аѣины производили пакже своихъ Героевъ, которые въ великодушїи и храброспи не уступали Лакодемонскимъ. Темиспокль, Ариспидъ, Фокіонъ! кто не удивляется вашему величію? Вы сіяете въ Испорїи человѣчества какъ благодѣпельныя свѣпила — и вѣчно сіять будете! — Самъ божественный Сократъ, первый изъ мудрецовъ древности, былъ храбрый воинъ; опъ высочайшихъ умозрѣній Философїи летѣлъ онъ на поле брани умираць за любезныя Аѣины — и я не знаю, кто болѣе имѣетъ причинъ любить и защищать свое отечество, сынъ

Софронисковъ, или какой нибудь Абдерипъ: первый наслаждается въ немъ всѣми благами жизни, цвѣтами Природы, Искусства, самимъ собою, своимъ человѣчествомъ, силами и способностями души своей; а второй въ благословенной Абдеръ — *живетъ*, и болѣе ничего. Для кого спрашивать узы варавовъ? Сократъ, сражаясь за Аѣины, сражается за мѣсто своего щаспя, своихъ удовольствій, которыхъ вкушалъ онъ въ садахъ Философскихъ, въ бесѣдахъ друзей и мудрецовъ — Абдерипъ и подъ игомъ Персидскимъ можетъ быть Абдерипомъ (*).

Что принадлежитъ до Рима, то Науки не могли быть причиною

(*) Говорятъ еще, что упражненіе въ Наукахъ или въ Искусствахъ ослабляетъ тѣлесныя силы, нужныя воину; но развѣ ученый или художникъ непременно долженъ морить себя въ кабинетѣ? Соблюдая умѣрен-

его паденія, когда Сципіоны посвящали имъ всѣ свободные часы свои и были — Сципіонами ; когда Катонъ, умирая вмѣстѣ съ Республикою, въ послѣднюю ночь жизни своей читалъ Платона ; когда Цицеронъ, ученѣйшій Римлянинъ своего времени, презиралъ опасность и тремблъ пропивъ Капилины. Сіи Герои были питомцы Наукъ, и припомъ Герои; болѣе такихъ мужей, и Римъ безсмертенъ въ своемъ величїи !

Я согласенъ, что чрезмѣрная роскошь, которая царствовала наконецъ въ Римѣ, была пагубна для Республики; но какую связь имѣетъ роскошь съ Науками? Сїя политическая и нравственная язва пере-

ность въ трудахъ своихъ, онъ можетъ служить отечеству рукою и грудью не хуже другихъ гражданъ. Впрочемъ не Аплетовы силы, но любовь къ отечеству дѣлаешь воиновъ необходимыми.

шла въ Римъ изъ спранъ Азіатскихъ, вмѣстѣ съ великимъ богатствомъ, копорое бываетъ ея испочникомъ и пищею. Чѣмъ же обогатились попомки Ромуловы? Конечно не науками, но завоеваніями — и шакимъ образомъ причина славы ихъ сдѣлалась наконецъ причиною ихъ гибели.

Успѣхъ самыхъ *пріятныхъ искусствъ* ни мало не зависитъ отъ богатства. Поэтъ, живописецъ, музыкантъ, имѣютъ ли нужду въ Моголовыхъ сокровищахъ, для того, чшобы сочинитъ безсмертную Поэму, написатъ изящную каршину, очароватъ слухъ нашъ сладкими звуками? Потребны ли сокровища и для того, чшобы наслаждашья великими произведеніями Искусствъ? Для перваго нужны таланты, для втораго потребенъ вкусъ: и шо и другое естъ особливоу даръ Неба; копорой не въ мрачныхъ нѣдрахъ земли хранишья,

и не съ золотымъ пескомъ приоб-
рѣщается (*).

И кто имѣетъ болѣе алчности
къ богатству, просвѣщенный че-
ловѣкъ или невѣжда? человекъ съ
дарованіями или глупецъ? Фило-
софъ цѣнитъ умозрѣнія свои дороже
золота. Архимедъ не взялъ бы милі-
оновъ за ту минуточку, въ которую
воскликнулъ онъ: *Эврика! нашелъ!*

(*) Но чѣмъ же въ бѣдной землѣ бу-
детъ награжденъ писатель или ху-
дожникъ? Похвалою, одобреніемъ, удо-
вольствіемъ своихъ согражданъ: вотъ
то, что истинному Архисту всего
милѣе, всего дороже! — Музы не умѣ-
ютъ считать денегъ, и бѣгутъ отъ
желѣзныхъ сундуковъ, на которыхъ
гремятъ замки и запоры. Тамъ, гдѣ
любятъ ихъ чистымъ сердцемъ; гдѣ
умѣютъ чувствовать красоту ихъ —
тамъ онъ всемъ доволенъ, доволенъ
бѣдною хижиною и ключевою водою.
Въ другое мѣсто не заманишь ихъ и
славнымъ брилліантомъ Португаль-
ской Королевы.

нашелъ! Камознсъ не думалъ о своемъ имѣннн, когда понулъ корабль его; но, бросившись въ море, держалъ онъ въ правой рукѣ Лузіаду. Снн опмѣнныя люди находящъ въ самнхъ себѣ испочннкъ живѣйшнхъ удовольствѣй—н по тому самому богатство не можетъ бытъ ихъ идоломъ.

Но сколько заблужденій въ Наукахъ! Правда, для того, что онъ несовершенны; но предметъ ихъ есть истина. Заблужденія въ наукахъ суть, пакъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, копорыя въ часъ утра показывающся на воспокъ, и бывающъ предпечамн златаго солнца. Изъ темной сѣнн невѣжества должно иппн къ свѣтлозарной испннѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнн, чаяннн и заблужденн; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, при-

демь, не смотря на всѣ препоны, и въ ея ээирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство. Высочайшая Премудрость не хотѣла насъ удалить отъ нее сими различными запрудненіями, ибо мы можемъ преодолѣть ихъ, и сражаясь съ оными, чувствуемъ нѣкопорую радость во глубинѣ сердець своихъ: вѣрный знакъ того, что дѣйствуемъ согласно съ нашимъ опредѣленіемъ (*). Кажется, будто Натура, скрывая иногда испину — по словамъ Философа Демокрипа — *на днѣ глубокаго кладезя,*

(*) Во всякомъ случаѣ, гдѣ мы удаляемся отъ мудраго плана Натуры, отъ ея цѣли, обыкновенно чувствуемъ въ душѣ своей нѣкопорую тоску, нѣкопорое неудовольствіе, нѣкопорую непріятность. Сіе противное чувство говоритъ намъ: „ты оставилъ путь, предписанный тебѣ Натурою: обратись на него!“ Кто не повинуется сему гласу, шотъ вѣчно

хочешь единственнаго того, чтобы мы долбе наслаждались приятнымъ исканіемъ, и пѣмъ живбе чувствовали красопу ея. Такъ нѣжная Дафна бѣжитъ и скрывается отъ спраспагнаго Палемона, единственнаго для того, чтобы еще болбе воспалишь жаркую любовь его!

Науки съ Искусствами вредны и потому — продолжаетъ ихъ славной Анпагонистъ — *то мы тратимъ на нихъ драгоценное время;* но какъ же, уничтоживъ всѣ Науки и всѣ Искусства, будемъ упопреб-

будеть нещасливъ. — Напропивъ того всегда, когда дѣйствуемъ сообразно съ нашимъ опредѣленіемъ, или съ волею великаго Творца, чувствуемъ нѣкошорое тихое удовольствіе, тихую радость. Сіе чувство говоритъ намъ: „ты идешь путемъ, предписаннымъ тебѣ Натурою: не совращайся съ онаго!“

ляпъ его? На земледѣліе, на скоповодство? Правда, что земледѣліе и скоповодство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли заняпъ ими всѣ часы свои? Что спанемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сбшуетъ и облакается въ прауръ; когда сбверные вѣспры обнажаютъ рощи, пушистые сбга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пасухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ хижинахъ? Тогда не будетъ уже книгъ, благословенныхъ книгъ, сихъ вѣрныхъ, милыхъ друзей, которые доселѣ улаждали для насъ печальную осень и скучную зиму, по обогащая душу великими испинами Философіи, по извлекая слезы чувствительности изъ глазъ нашихъ прогашельными повѣспованіями. Священная небесная Ме-

ланхоля, мать всѣхъ безсмертныхъ произведеній ума человѣческаго! ты будешь чужда хладному нашему сердцу; оно забудетъ тогда всѣ благороднѣйшія свои движенія, и сіе пламя всемірной любви, которое развѣваютъ въ немъ творенія истинныхъ мудрецовъ и друзей человѣчества, подобно угасающей лампадѣ блеснетъ — и померкнетъ!.. Руссо! Руссо! память твоя теперь любезна человѣкамъ; ты умеръ, но духъ твой живетъ въ Эмилѣ, но сердце твое живетъ въ Элоизѣ — и ты вспавалъ противъ Наукъ, противъ Словесности! и ты проповѣдывалъ щастіе невѣжества, славилъ безсмысліе, блаженство звѣрской жизни! ибо что иное какъ не звѣрь есть тотъ человѣкъ, который живетъ только для удовлетворенія своимъ физическимъ потребностямъ? Не уже ли скажешь намъ, что онъ, удовлетворяя симъ

попрѣбносствѣмъ , спокоенѣ и щаспливѣ? Ахѣ нѣтъ! на златомѣ диванѣ и въ темной хижинѣ онѣ бѣденѣ и злополученѣ; на златомѣ диванѣ и въ темной хижинѣ чувствуетѣ онѣ вѣчной недоспапокѣ, вѣчную скуку. Одинѣ , чшобы наполнить сѣю мучительную пустопу сердца , выдумываетѣ тысячу мнимыхѣ нуждѣ, тысячу мнимыхѣ попрѣбностей жизни (*); другой, угнетаемый бременемѣ мысленной силы своей , ищетѣ облегченѣя вѣ совершенномѣ забвенѣи самого себя , или прибѣгаетѣ къ ужасному распуштству. — Такѣ конечно! человекѣ носитѣ вѣ груди своей пламенную Эпну : живое побужденѣе дѣятельности, которое мучитѣ празднаго — Искусства же и На-

(*) Вотѣ главная причина роскоши ! Слѣдственно Науки, будучи врагами праздности, суть враги и сей самой роскоши , которая питается праздностию.

уки сущь благошворный испочникъ,
усполяющій сію душевную жажду.

Но развѣ добродѣтель не можетъ занять души твоей? возражаетъ Руссо. *Учись быть нѣжнѣмъ сыномъ, супругомъ, отцомъ, полезнѣмъ гражданиномъ, словѣкомъ, и ты не будешь празденъ!* Что же есть Мораль, изъ наукъ важнѣйшая, альфа и омега всѣхъ Наукъ и всѣхъ Искусствъ? Не она ли доказываетъ человѣку, что онъ для собственнаго своего щастія долженъ быть добрымъ? Не она ли предспавляетъ ему необходимость и пользу гражданскаго порядка? Не она ли соглашаетъ волю его съ законами, и дѣлаетъ его свободнымъ въ самыхъ узакъ? Не она ли сообщаетъ ему тѣ правила, копорыя разрѣшаютъ его недоумѣнія во всякомъ затруднительномъ случаѣ, и вѣрною спезею ведетъ его къ добродѣтели? — Всѣ живошныя, кромѣ человѣка, подвержены уста-

ву необходимости: для нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ ни добра ни зла; но мы не имѣемъ сего, пакъ скажемъ, *деспотическаго чувства*, сего естественнаго побужденія, управляющаго ими; вмѣсто его данъ человеку разумъ, которой долженъ *искать* истины и добра. Звѣрь видѣтъ и дѣйствуетъ; мы видимъ и рассуждаемъ, по есъ сравниваемъ, разбираемъ, и по томъ уже дѣйствуемъ.

„Опѣ чего же пѣ люди, которые посвящаютъ жизнь свою Наукамъ, не рѣдко имѣютъ порочные нравы?“ — Конечно не опѣ того, что они въ Наукахъ упражняются, но совсѣмъ опѣ другихъ причинъ: на прим. опѣ дурнаго воспитанія, сего главнаго источника нравственныхъ золъ, и опѣ дурныхъ привычекъ, глубоко вкоренившихся въ ихъ сердце. Любезныя Музы вра-

чуютъ всегда душевныя болѣзни. Хотя и бывають такіе злые недуги, копорыхъ не могутъ онѣ излечить *совершенно*; но во всякомъ случаѣ дѣйствія ихъ благотворны — и человекъ, копорой, не взирая на нѣжной союзъ съ ними, все еще предаея порокамъ, во мракъ невѣжества сдѣлался бы, можетъ быть, спрашнымъ чудовищемъ, извергомъ шворенія. Искусства и Науки, показывая намъ красоты величественной Напуры, возвышаютъ душу, дѣлають ее чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру, слѣдственно ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разспроивають прекрасную связь общежитія. Кпо чрезъ мириады блестящихъ сферъ, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ, умѣетъ возноситься

духомъ своимъ къ престолу невидимаго Божества; кпо внимаешъ гласу Его и въ громахъ и въ зефирахъ, въ шумѣ морей и — собственномъ сердцѣ своемъ; кпо въ апомѣ видишь мiръ и въ мiрѣ апомѣ безпредѣльнаго пворенiя; кпо въ каждомъ цѣпочкѣ, въ каждомъ движенiи и дѣйствiи Природы чувствуешъ дыханiе вышней Благости, и евъ алыхъ небесныхъ молнiяхъ лобызаешъ край Саваоовой ризы: попѣ не можешъ бышь злодѣемъ. На мраморныхъ скрижаляхъ Истори, между именами изверговъ, покажущъ ли намъ имя Бакона, де-Карпа, Галлера, Томсона, Геснера? . . . Наблюдатель чловѣчества! будь въпорымъ Говардомъ, и посѣпи мрачныя обитѣли, гдѣ ожесточенные преступники ждущъ себѣ праведнаго наказанiя, — сiя несчастныя, долженствующiе кровiю своею примириться съ раздраженными законами; спроси

— еспьли не онѣмѣстѣ успа швои въ семѣ жилищѣ спрахѣ и ужаса — спроси, кпо они? и шы узнаешъ, чпо просвѣщеніе не было никогда ихѣ долею; и чпо благодѣпельные лучи Наукѣ никогда не озаряли хладныхѣ и жестпокихѣ сердецѣ ихѣ. Ахѣ! шогда повѣришь, чпо ночь и шыма еспѣ жилище Грей, Горгонѣ и Гарпій; чпо все изящное, все доброе любипѣ свѣтѣ и солнце,

Такѣ! просвѣщеніе еспѣ Палладіумѣ благодравія — и когда вы, вы, копорымѣ вышняѣ Власпѣ поручила судьбу человѣковѣ, желаешѣ распроспранипѣ на землѣ обласпѣ добродѣтели, шо любипѣ Науки, и не думайпѣ, чпобы онѣ могли быпѣ вредны; чпобы какое нибудѣ соспояніе въ гражданскомѣ общеспвѣ долженспвовало пресмыкапѣся въ грубомѣ невѣжеспвѣ—Нѣпѣ! сіе злѣпое солнце сіяетѣ для всѣхѣ на голубомѣ сводѣ, и все живущее

согрѣвается его лучами; сей пекущій кристаллъ ушолняетъ жажду и властелина и невольника; сей столбѣный дубъ обширною своею тѣнью прохлаждаетъ и пастуха и Героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами Искусства и Науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человекомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спокойнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на Судьбу и жаловаться на свою участь. — Цвѣты Грацій украшаютъ всякое состояніе — и просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ прудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго Самрапа.

Просвѣщенной земледѣлецъ! — Я слышу тысячу возраженій, но не

слышу ни одного справедливаго. Быть просвѣщеннымъ есть быть здоровомыслящимъ, не ученымъ, не полиглопомъ, не педанпомъ. Можно судить справедливо и по правиламъ спрожайшей Логикѣ, не читавъ никогда схоластическихъ бредней о сей Наукѣ; не думая о томъ, кто лучше опредѣляетъ ее: Томазій или Тширнгаузъ, Меланхтонъ или Рамусъ, Клерикусъ или Буддеусъ; не зная, что такое *эпилогота*, *барбара*, *целарентъ*, *феріо*, и проч. Для сего конечно не доспанеть земледѣльцу времени, — ибо онъ долженъ обработывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлѣнь въ душу нѣкопорья правила, нѣкопорья вѣчныя истины, копорья составляютъ основаніе и существо Логикѣ — для сего же найдеть онъ въ жизни своей довольно свободныхъ часовъ, равно какъ и для того, чтобы узнатьъ

премудрость, благость и красоту Напуры, которая всегда предъ глазами его, — узнать, любить ее, и быть щасливѣе.

Я поспавлю въ примѣрѣ многихъ Швейцарскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ, которые пашутъ землю и собираютъ библіотеки; пашутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что Музамъ и Граціямъ не стыдно посѣщать ихъ. Кто не слыжалъ о славномъ Цирихскомъ крестьянинѣ Клейнъ-йокѣ, у котораго Философы могли учиться Философіи, съ которыми Бодмеръ, Геснеръ, Лафатеръ, любили говорить о красотахъ Природы, о величествѣ Творца ея, о санѣ и должностяхъ чловѣка? — Не далеко отъ Мангейма живетъ и теперь такой поселянинъ, который читалъ всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ, и даже иносанныхъ Авторовъ, и

самъ пишеть прекрасные стихи(*).
 Сии упражненія не мѣшаютъ ему
 бытъ прудолюбивѣйшимъ работни-
 комъ въ своей деревнѣ и прослав-
 ляеть долю свою. „Всякой день, го-
 „воритъ онъ (**), благодарю я Бо-
 „га за то, что Онъ опредѣлилъ
 „мнѣ бытъ поселяниномъ, копора-
 „го состояніе естъ самое ближай-
 „шее къ Напурѣ, и слѣдственно
 „самое щасливѣйшее.“

Законодатель и другъ человѣче-
 ства! ты хочешь общественнаго
 блага: да будетъ же первымъ зако-
 номъ твоимъ — *просвѣщеніе!* Гла-
 сомъ онаго благошворнаго грома,
 копорой не умерщвляетъ живуща-
 го, а напаяетъ землю и воздухъ
 пишательными и плодшворными
 силами, вѣщай челошткамъ: *оозер-*
цайте Природу, и наслаждайтесь

(*) Многие изъ нихъ читалъ я въ Нѣ-
 мецкомъ Музеумѣ.

(**) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ былъ
 у него въ гостяхъ.

ся красотами; познавайте свое сердце, свою душу; действуйте всеми силами, Твертескою рукою вамъ данными, — и вы будете любезнѣйшими тадами Неба!

Когда же свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственные Гарпіи, доселѣ осквернявшія чело-вѣчество, — исчезнутъ, подобно какъ привидѣнія ночи на разсвѣтѣ дня исчезающъ; тогда, можетъ быть, настанетъ злпый вѣкъ Поэповъ, вѣкъ благонравія — и шамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоны, шамъ сядетъ добродѣтель на свѣпломъ шронѣ. —

Между тѣмъ вы составляете мое утѣшеніе, вы нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ вами я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни пшж-

кой праздности. Хопя живу на краю сѣвера, въ опечестивѣ грозныхъ Аквилонѣвъ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснешесь рукою, и печальная сосна въ лаврѣ Аполлоновѣ превращается; дохнете боже-спвенными успами, и на желпыхъ хладныхъ пескахъ цвѣпы Олимпійскіе разцвѣпаюпѣ. Осыпанный вашими благами, дерзаю презирапѣ блескѣ шщеславія и суелности. Вы и Природа, Природа и любовь добрыхъ душѣ — вопѣ мое щаспѣе, моя опрада въ гореспяхѣ! . . . Ахѣ! я иногда проливаю слезы, и не спыжусь ихѣ!

Меня не будепѣ — но память моя не совсѣмѣ охладѣепѣ въ мѣрѣ; любезный, нѣжно-образованный юноша, чипая нѣкопорыя мысли, нѣкопорыя чувспва мои, скажепѣ: *онѣ имѣлѣ душу, имѣлѣ сердце!*

НѢЖНОСТЬ ДРУЖБЫ ВЪ НИЗКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Госпожа М*, возвращаясь изъ деревни въ Москву, остановилась ночевать въ городкѣ О* на посадебномъ дворѣ. Въ избѣ все было чисто и порядочно. Три прекрасные мальчика, какими пишущся Купидоны, играли между собою безъ всякой робости, подбѣгали къ гостьѣ, смотрѣли на ея часы, шабазерку, муфту, — смѣялись и прыгали. Госпожа М* хвалила, ласкала ихъ, и примѣшила радость на лицѣ молодой женщины, которая спяла у печи. — „Конечно ты мать ихъ?“ спросила она съ улыбкою. „Нѣтъ, сударыня! отвѣчала женщина: это дѣти покойнаго брата моего. Мать ихъ пошла за водою.“

— И такъ не шы хозяйка въ домѣ? — „Все одно, сударыня! Мы обѣ хозяйки.“ — Видно, что шы любишь своихъ племянниковъ? — „Какъ не любишь, сударыня! Вы сами ихъ хвалили.“ — Тупѣ мальчики подбѣжали къ шепкѣ, схватили ее за руки, и подняли вверхъ головенки свои; она съ нѣжностію всѣхъ перецѣловала. — Скоро пришла машь, женщина лѣтъ въ тридцать, милостивая лицемъ. „Бѣдная! какъ шы озябла!“ сказала злоловка, взявъ ее за руку: „поди скорѣе на печь; я буду служишь барынь.“

Между шѣмъ Госпожа М* опужинала, и всѣ люди ушли спать, кромѣ ее и двухъ хозяекъ, которыя просили, чтобы она дозволила имъ работашъ подлѣ свѣчи. Онѣ спалиши и разговаривашъ между собою, но очень тихо, боясь обезпокоишь свою госпью.

Госпожа М.* Говорите! говори-

ше! Я не хочу спать; вы мнѣ не помѣшаете.

Золотка. Да вамъ скучно будетъ насъ слушать, сударыня. Мы не умѣемъ хорошо говорить. Маша, невѣспика моя, не глупа, очень не глупа; только робка и боится чужихъ людей—а я никогда не умѣю сказать того, что думаю.

Маша взглянула на нее, разсмѣялась и покачала головою. Она хотѣла сказать: *не правда; ты хорошо говоришь.*

Госпожа М.* Мнѣ кажется, что вы живете согласно.

Золотка. Да, сударыня! Мы, слава Богу! никогда не ссоримся. Маша моя такъ смирна, какъ овечка; а я люблю ее больше сестры родной: какъ же намъ жить не согласно?

Маша. Анюта любитъ ребятишекъ моихъ какъ дѣтей своихъ, сударыня; а дѣти мои любятъ ее какъ мать родную.

*Госпожа М**. Вамъ должно бытъ очень весело, друзья мои?

Анюта. Какъ не весело, сударыня! Мы рады всегда бѣлому свѣту; встаемъ, молимся Богу, цѣлуемся, работаемъ съ охотой, шутимъ, смѣемся, говоримъ почти безъ умолку; а когда сказано не чего, такъ взглядываемъ другъ на друга. Послѣ работы опдыхаемъ, играемъ съ дѣтьми, и не видимъ, какъ проходитъ день.

*Госпожа М**. Давно ли живете вы въ одномъ домѣ?

Анюта. Болѣе десяти лѣтъ, сударыня.

*Госпожа М**. И никогда не разсуживались?

Анюта. Только одинъ разъ — правда, что надолго.

*Госпожа М**. Вѣрно вы тогда не были еще такъ дружны?

Анюта. Нѣтъ, сударыня! Маша и тогда была мнѣ всего на свѣтъ милѣе. Мы съ самаго ребячества

любили другъ друга — и я опслужила въ церкви большой молебень, когда брагъ мой помолвилъ на ней женишься.

*Госпожа М**. Жаль, что они не долго жили вмѣстѣ. Брагъ швой, думаю, очень любилъ ее?

Маша взглянула на своего друга, и опустила глаза въ землю. Анюша задумалась, сняла со свѣчи, и сказала со вздохомъ: „Брагъ мой, сударыня—брагъ мой умеръ. Суди Богъ пѣхъ людей, копорые сбивали его съ пупи и научали худому!“

Тутъ Маша опять посмопрѣла на друга своего; въ глазахъ ея блиспали слезы.

Анюта. Я поклялась, сударыня, никогда не выходишь за мужъ. Мы женщины право лучше муцинъ; они не умѣютъ любить насъ, и слезы наши имъ ничего.

*Госпожа М** (съ улыбкою). Хорошо, что ты говоришь не съ муциною.

Маша. Онъ, право, былъ доброй человекъ, Анюта!

Анюта. Богъ съ нимъ! — Переспанеиъ объ эпомъ говоришь.

Госпожа М.* Когда же ты разлучалась съ другомъ своимъ?

Анюта. Воиъ видие, сударыня — браиъ мой не оставилъ намъ ничего, кромѣ худой избы и — проихъ дѣшей, копорыя пребова-ли хлѣба. Чѣмъ жишь? чѣмъ кормишься? Я вздумала ѣхать въ Москву, къ теткѣ своей башмашницѣ, чшобы выучишь масперспиву ея. Маша плакала, не хотѣла опуститиъ меня; я крѣпилась, уговаривала ее; продала лишнее свое платье, оставила ей рублей пять денеѣ, залилась слезами и побѣжала въ Москву.

Маша. Я не могу объ эпомъ вспомнитиъ!

Анюта. Тетка взялась учить меня съ охотою, и хотѣла, чшобы я всегда жила у нее; только мнѣ

было скучно и грустно. Днем думала я о Машѣ, ночью думала о Машѣ, ходила по праздникамъ въ церковь, и молилась о Машѣ. Однажды, мѣсяца черезъ три, сдѣлалось мнѣ такъ тошно, что работа выпала у меня изъ рукъ, и я хотѣла броситься на колѣни передъ Образомъ — шутъ вдругъ опворилась дверь, и Маша кинулась мнѣ на шею. Котомка висѣла у нее за плечами; а въ рукахъ былъ посохъ. Бѣдная пришла пѣшкомъ.

Маша. Ахъ, сударыня! всякой кусокъ хлѣба казался мнѣ безъ нее горекъ; и дѣти переспали веселиль меня. Пришла весна, красные дни; ласпочка свила гнѣздо подъ нашею кровлею — Анюшы не было! Я просиживала у воротъ до самой ночи, и глядѣла на большую дорогу.

Анюта. Дурочка спосковалась по мнѣ, и передъ Троицынымъ днемъ вздумала сама иппи въ Мо-

скву, оставила дѣшей у нашего дяди, и пошла.

*Госпожа М**. Какъ вы, думаю, обрадовались другъ другу!

Анюта. Такъ обрадовались, сударыня, что — не умѣю сказать вамъ. — Тепка моя, смотря на насъ, плакала; она доброй челоуѣкъ, сударыня; у нее жалосливое сердце. — „Мнѣ хопѣлось взглянуть на себя,“ говорила Маша: „слава Богу, что ны жива, — что ты здорова, — что ты меня любишь! Теперь мнѣ можно возвратиться къ моимъ ребятишкамъ.“ — Нѣпѣ Маша! сказала я: нѣпѣ, ты пойдешь домой не одна. Мнѣ было безъ тебя очень тошно; я пойду съ тобою. Богъ насъ прокормитъ.

Анюта обтерла слезы свои, и продолжала: „На другой день, въ праздникъ Троицы, повела я Машу свою въ городъ, на красную площадь, въ Соборъ. Ей все казалось чудно; однакожь я шихонько гово-

рила ей, чѣобы она ни на что не заглядывалась, и не очень дивилась“ — —

*Госпожа М**. Для чего же?

Анюта. Для того, сударыня, чѣобы люди не назвали ее деревенскою, какъ какъ меня, когда я въ первой разѣ увидѣла высокія каменные башни, большой колоколъ и спрашную пушку. — Когда за благовѣспили въ Соборѣ, Маша вынула изъ кармана два пучечка цвѣтѣвъ — „одинъ для себя, Анюта (сказала она), а другой для меня; будемъ стоять съ ними у обѣдни.“

Маша. Подходя къ Москвѣ, сударыня, я нарвала въ лѣсу душистыхъ правокъ и цвѣтѣчѣвъ, и связала изъ нихъ два пучечка. Мнѣ хотѣлось что нибудь принести Анютѣ для Троицына дня.

Анюта. Обѣдню слушали мы въ Архангельскомъ Соборѣ. Мнѣ было очень весело; только я плакала — и Маша плакала — наши цвѣтѣчѣ-

ки взмокли отъ слезъ; однакожь не завяли. Вышедши изъ церкви, мы ими помѣнялись; и шеперь, сударыня, лежатъ они у насъ за Образомъ.

Маша. Я часто смопрю на нихъ; спебельки и лиспочки высохли, а все еще хорошо пахнутъ.

Анюта. Въ прошъ же день проспились мы съ пешкою, копорая дала мнѣ двадцать рублей денегъ; я сказала вамъ, сударыня, что она доброй человекъ. — Время было лѣпнее; мы пошли пѣшкомъ; ночевали всегда въ полѣ, на бережку чистенькихъ ручейковъ, и спали подъ куспочками.

Маша. Соловьи пѣли тогда очень хорошо.

Анюта. Соловьи и жаворонки. Какъ весело было намъ слушать ихъ! — Благополучно пришли мы домой, взяли своихъ малюшкѣ, наняли себѣ эшу избу, и спали держась поспоялой дворъ. — Богъ къ

намъ милоспивъ, сударыня; дѣпи наши не перпяшъ нужды.

Госпожа М.* И пакъ вы совершенно довольны своимъ соспояннѣмъ, друзья мои?

Анюта. Конечно, сударыня!

Госпожа М.* И ничего больше не желаете?

Анюта. Кромъ того, чпобы Маша моя была жива и здорова. Ахъ, сударыня! она часпо веможетъ!.. Вотъ одно мое горе!

Маша. Не бойся, Анюта! Богъ помилуетъ меня для тебя. Я не говорю о дѣпяхъ — у нихъ и безъ меня будетъ мать. Ты мнѣ жалка — я не хочу умереть!

Анюта. Сохрани Боже! Никогда не могу я видѣшь въ лѣсу одной горлицы, чпобы не залипъся горькими слезами. Дай Господи намъ живъ и умереть вмѣстѣ — умереть, когда Ему угодно, полько вмѣстѣ, въ одно время, чпобы и въ могилѣ лежали мы другъ подлѣ друга!

Маша. Чшобы и на помѣ свѣтѣ
были мы другѣ подлѣ друга!

Анюта. Я не могу жить безъ
Маши.

Маша. Я не могу жить безъ
Анюты.

Анюта. Маша!

Маша. Анюта!

Тутъ обнялись онѣ въ воспоргѣ,
въ жаркомъ изліяніи сердецъ сво-
ихъ, забывъ все; слезы ихъ лились
градомъ; онѣ рыдали. . . .

Чипашель! это не выдумка. Сіи
нѣжные друзья живутъ и нынѣ въ
городкѣ О** . Госпожа М* всегда
къ нимъ завѣзжаетъ, и никогда безъ
чувства съ ними не расстаётся.
Такія души, такая дружба, и въ
шакомъ соспояніи!—Мизанпропъ!..

АФИНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Греки, Греки! кто вас не любит? Кто с холодным сердцем может вообразить себе прекрасную картину древних Афины? Кто не скажет иногда со вздохом: „для чего я не современник Платонов?“

Наше вкѣ имѣетъ свои преимущества — знаю — и великія преимущества. Однако жь — — —

Скажутъ ли вамъ, государи мои, что мнѣ кажется? — Мы *уменьше* Грековъ, а Греки были — *умнее* насъ, такъ какъ дѣти, бѣгающіе по весеннему лугу за пестрою бабочкою, *умнее* взрослыхъ людей, плывущихъ въ Америку или въ Индію за пряными кореньями.

Тамъ, въ опечесствѣ Сократовъ,

болѣ нежели гдѣ нибудь, болѣ нежели когда нибудь занимались люди важнымъ искусствомъ щаспія. Наслажденіе было цѣлю ихъ философіи, экономіи, народныхъ собраній, празднествъ, спектаклей, прудовъ и работъ. Вездѣ и во всемъ искали они — наслажденія; искали съ жаромъ страсти, съ живѣйшимъ чувствомъ потребности, какъ любовникъ ищетъ свою любовницу — и жизнь ихъ была, такъ сказать, самою цѣлующею Поэзією.

Смѣйшесь, друзья мои! но я опдалъ бы съ радостию свой любимой темной фракъ за какой нибудь Греческой *хитонъ* (*) — и въ минуты пріяшнихъ мыслей опдаю его — заверпываюсь въ пурпуровую мантію (разумеется, въ воображеніи) — покрываю голову большою, распуценною шляпою, и высту-

(*) Родъ полукафшанья, которое носили Греки подъ мантією.

паю, въ Альцибиадскихъ башмакахъ, ровнымъ шагомъ, съ философскою важностію — на древнюю Аѳинскую площадь. Тутъ многочисленной народъ волнуется; шутъ знакомые и незнакомые составляютъ одно шумное семейство, привѣщиваютъ и забавляютъ другъ друга, рассказываютъ новыя происшествія свѣта, Греціи, своего отечества, домашніе анекдоты, прогательные и веселые; — шутятъ другъ надъ другомъ съ пою пріятною и нѣжною оспропою, которая отъ Аѳинъ получила свое названіе, и смѣшила людей безъ обиды и оскорбленія. Тутъ Рипоры и спихотворцы читаютъ наизусть, свои сочиненія, и собираютъ доспойныя похвалы: ибо всякой гражданинъ есть знающій криптикъ, умной судья всего умнаго; шутъ живописецъ показываетъ свою картину, ваятель спашую; слушаетъ мнѣнія зришелей, и поправляетъ

ея недоспапки. Тутъ Философы и Софиспы спорятъ обь отвлеченныхъ испинахъ, о самыхъ важнѣйшихъ предметахъ Метифизики и Морали, и народъ одобряетъ плесками того, кто побѣждаетъ своихъ пропивниковъ силою краснорѣчя и доказательствъ. Тутъ ученикъ Гераклиповъ предспавляетъ Напуру спрашнымъ чудовищемъ, безжалоспною пиранкою, копорая производитъ чувспвительныхъ пварей единспвенно для того, чпобы онѣ терзались и мучились. Тутъ прятель Абдерскаго мудреца (*) живыми красками описываетъ благоспъ самой сей Напуры, и вездѣ видитъ безконечную жизнь и радость. Другой соединяетъ пропвиположныя системы, и находитъ въ необозримыхъ областяхъ пвореня зло и добро, разрушеня и новое быше, вѣчную

(*) Демокрита.

комедію и вѣчную трагедію. Третій весь міръ и все сущеє вѣ немѣ называєтѣ ничпожnymъ привидѣніємъ, всѣ знанія невѣжествомъ, всѣ истины ложью, и человека — несчастною жертвою вѣчныхъ обмановъ. Наконецъ, упомянутый шумомъ и множествомъ любопытныхъ предметовъ, наполнившихъ, какъ сказать, всю мѣру души моей, я удаляюсь — ищу тишины, пріятнаго уединенія, — и древнія алеи, освѣтляющія берега свѣтлаго Иллісса, влекутъ меня вѣ прохладную тѣнь свою. Чувства мои нѣмѣютъ — подобно эху, вдали умирающему — подобно звуку, исчезающему вѣ воздушномъ пространствѣ. . . . я перяюсь вѣ сладостномъ забвеніи.

Аристенъ, доброй юноша, приближаєтся ко мнѣ съ дружельною улыбкою — беретъ меня за руку — и мы, вдоль по печенію свѣтлаго Иллісса, выходимъ на об-

ширныя равнины и пучныя поля,
 гдѣ зрѣлые колосы какъ златое
 море волнуются опѣ въпра. Вездѣ
 приносятся благодарныя жерпвы
 богинѣ Церерѣ; сельскіе олтари
 украшаются первенцами благосло-
 венной жапвы, и жнецы поюшѣ
 радоспныя пѣсни:

Весело въ полѣ работашъ;
 Будъше прилѣжны, друзья!
 Класы златыя ссѣкайте
 Махомъ блестящей косы!

Солнце сіяетѣ надѣ нами;
 Пшпцы въ кусточкахѣ поюшѣ.
 Весело въ полѣ работашъ;
 Будъше прилѣжны, друзья!

Чувствуйте милость Цереры,
 Добрай богини плодовѣ!
 Жштелямѣ неба любезенѣ
 Гласѣ благодарныхѣ сердецѣ.

Скоро настанетѣ и вечерѣ;
 Вечерѣ для отдыха данѣ.
 Пользуйшесь часомѣ работы,
 Пользуйшесь временемѣ дня!

Мы мѣшаемся съ веселыми пол-
нами, и вмѣспѣ со всѣми поемъ:

Весело въ полѣ работать;
Будьте прилѣжны, друзья!
Класы злапые ссѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Звѣри работы не знаютъ,
Птицы живутъ безъ труда;
Люди не звѣри, не птицы —
Люди работою живутъ.

Между сими жнецами вижу я
пурпуровыя мантіи; вижу Архон-
шовъ, Сенапоровъ, Полководцевъ.
Собирание земныхъ плодовъ, непо-
средственнаго дара богини Цере-
ры, есть для Грековъ нѣчто свя-
щенное, — есть часть ихъ Бого-
служенія. Тамъ, за зеленою решеп-
кою густыхъ вѣтвей, пылаетъ и
развѣвается розовое пламя; тамъ
обѣдъ для жнецовъ готовится.
Здѣсь сельскія красавицы изъ бле-
стящихъ испочниковъ черпаютъ
свѣжую воду для прохлажденія

жаждущихъ работниковъ; шумъ сѣдые старцы сидящъ въ тѣни померанцевыхъ деревъ, смотрящъ на прудящихся юношей, и съ удовольствіемъ воспоминающъ о лѣпахъ своей младости. —

Мы возвращаемся въ городъ, и видимъ передъ собою храмъ Музъ, окруженный гусными, крытыми алеями — шумъ шумящъ водопада; шумъ шумящъ древніе яворы; шумъ мудрый Плапонъ бесѣдуешъ съ друзьями и учениками своими. Приближаемся — глубокое молчаніе царствуетъ. Всѣ взоры устремлены на божественнаго мудреца; его взоръ устремленъ на небо; глубокія чувства изображаются на лицѣ его; слезы, священныя слезы, блистающъ въ его очахъ. Плапонъ говорилъ о своемъ незабвенномъ учителѣ: ахъ! могли онъ говорить объ немъ безъ сердечнаго умиленія? „Такъ, друзья мои (продолжаешъ чувствительный Фило-

VII.

9

софѣ) пакѣ! Сократѣ былѣ величайшій изѣ божественныхѣ смертныхѣ; былѣ славою не однихѣ Аѣиныхѣ, но всего человекѣства; былѣ живымѣ образомѣ безсмертныхѣ. Щасливѣ, кто зналѣ его! Щасливѣ, кто любилѣ его! Щасливѣ, кто обѣ немѣ слезы проливаеиѣ! . . . Сїи слезы будиѣ всегда сладкою пищею моего сердца.“ — Плаионѣ сѣ блестящимѣ и разительнымѣ краснорѣчиемѣ описываетѣ всю жизнь великаго Сократа, жизнь, единой добродѣтели и мудрости посвященную; описываетѣ числоту и спройность его души, гармонию всѣхѣ ея склонностей и побуждений; великія идеи его о Божествѣ и Натурѣ; пламенную любовь къ ближнимѣ; ревность къ истребленію всѣхѣ предразсудковѣ, унижающихѣ достоинство человекѣа; усердіе къ распространенію всѣхѣ благихѣ испиивѣ, имѣющихѣ вліяіе на судьбу зем-

народныхъ ; всегдашнюю дѣятель-
 ность , постоянство , неутоми-
 мость ; тихую скромность , кото-
 рая обнаруживалась во всѣхъ его
 дѣлахъ , во всѣхъ бесѣдахъ и ум-
 снованіяхъ ; его спросъ ко всему
 изящному , которое почиталъ онъ
 зеркаломъ внутренней доброты ;
 его нѣжность къ друзьямъ , учени-
 камъ и ко всѣмъ искреннимъ лю-
 бителямъ мудрости. — „И такой
 „человѣкъ имѣлъ враговъ , враговъ
 „злыхъ и непримиримыхъ ? Но
 „враги добродѣтели были его вра-
 „гами ! — И такой человѣкъ из-
 „верженъ изъ гражданскаго обще-
 „ства рукою правосудія ? Но право-
 „судіе людей не есть Небесное
 „правосудіе ! . . . О человѣчество ! я
 „оплакиваю свое ослѣпленіе ! О че-
 „ловѣчество ! я стѣнаю о своихъ за-
 „блужденіяхъ ! Ослѣпленіе не мо-
 „жетъ быть вѣчно ; заблужденія
 „исчезаютъ отъ свѣта истины —
 „но ахъ ! благодѣтели свои лежатъ

„уже во прахѣ, умерщвленныя,
 „расперзанныя, бездушныя! Ты
 „проливаешь слезы... слезы не
 „оживятъ ихъ,— и Муза Испорія
 „изобразитъ на мраморѣ вѣчный
 „спыдъ пвой! — Но смерть была
 „Сократу поржеспвомъ и славою.
 „Невиненъ въ своемъ сердцѣ, онъ
 „безспрашно проспиралъ къ ней
 „руки свои. Невиненъ въ своемъ
 „сердцѣ, онъ не хотѣлъ прибѣг-
 „нуть къ силѣ краснорѣчія для сво-
 „его оправданія. *Изслѣдуйте всю*
 „*жизнь мою, говорилъ мудрый: ей*
 „*должно меня оправдывать.* — Съ
 „какою гореспію, съ какимъ слад-
 „кимъ душевнымъ умиленіемъ мы
 „внимали ему въ послѣдніе часы его!
 „Онъ говорилъ о жизни, о добрѣ и
 „злѣ ея; говорилъ пакъ, какъ плава-
 „пель, достигшій берега, говоритъ
 „о пупяхъ моря. Онъ говорилъ о
 „безспершии — и лучъ душевнаго
 „веселія, подобно кропкому свѣтлу
 „Авроры, озарялъ лице его; и жи-

„вое предчувствіе вѣчности, из-
 „ливаясь изъ его сердца, прони-
 „дало въ наше. Онъ говорилъ о сво-
 „ихъ непріятеляхъ. . . . Нѣтъ! про-
 „спи мнѣ, безсмертный духъ без-
 „смертнаго мужа! Нѣтъ! ты не
 „хотѣлъ именовать ихъ своими
 „непріятелями! Ты вѣрилъ Про-
 „видѣнію, зрѣлъ во всемъ руку
 „Его, и съ мирною, сердечною пи-
 „шиною покорялся Небесному успа-
 „ву. — *Обвинители мои торжеству-*
 „*ютъ, вѣщалъ мудрый: они не зна-*
 „*ютъ, что добродѣтельный остав-*
 „*ся всегда побѣдителемъ!* — Мы
 „проливали слезы. . . . ахъ! болѣе о
 „жалкой своей участи, нежели о
 „его судьбѣ! Мы оплакивали сирота-
 „ми! . . . Онъ упѣшалъ насъ, словами,
 „взорами, объятіями. Уже смерто-
 „носная чаша была въ рукѣ его(*) . . .

(*) Платонъ, за болѣзнію, не былъ
 свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Со-
 кратовой жизни; онъ говорилъ здѣсь

„Крипонъ , любезнѣйшій ему уче-
 „никъ, блѣдный Крипонъ цѣловаль
 „его руку. Юный , чувствитель-
 „ный Аполлоторъ рыдалъ непре-
 „спанно. Другіе закрылись ман-
 „піями. . . *Ахъ! кто будетъ Гени-*
 „*слъ хранителемъ нашимъ?* восклик-
 „нулъ Анписпенъ. *Добродѣтель,*
 „оповѣщивалъ свяшый другъ
 „нашъ — и выпилъ чашу смерти.
 „Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. . . Со-
 „кратъ въ послѣдній разъ воззрѣлъ
 „на друзей своихъ — и еще любовь
 „сіяла въ очахъ его! . . . въ послѣд-
 „ній разъ! . . . Уже ядъ свирѣпство-
 „валъ въ его сердцѣ. . . . пламя жи-
 „зни угасало. . . угасло! . . Миръ ли-
 „шился вѣнца своего! . . . Крипонъ
 „закрывъ глаза добродѣтельнаго!“
 — — Плапонъ преклонилъ голо-
 ву — всѣ слушатели рыдали —
 мы тихими шагами удалились отъ

то , что слышалъ отъ соучениковъ
 и друзей своихъ.

храма Музъ, съ полными, опягченными сердцами. —

Ариспенъ ведетъ меня въ Театръ, огромное зданіе, которому небо служилъ кровомъ. Съ одной стороны возвышается сцена съ блестящими украшеніями, на другой — величественный амфитеатръ съ безчисленными уступами, гдѣ тысячи зрителей сидятъ въ глубокомъ молчаніи. Представляють Софоклова Эдипа. Являюсь несчастный старецъ, жертва судьбы, пресупникъ невинный въ душѣ своей, изгнанный изъ отечества, лишенный зрѣнія, оставленный людьми и богами. Исмена и Антигона, дочери и единственныя друзья сердца его, раздѣляютъ съ нимъ всѣ бѣдствія. Оракулъ предсказалъ ему близкой конецъ; небо покрывается черными тучами; спрашная гроза свирѣпствуетъ. Старецъ чувствуетъ холодную ру-

ку смерти и обнимаешь своихъ любезныхъ. . . .

Гремишь ужасный громъ , небесный
 сводъ пылаешь —
 О боги! часъ насталъ гибели моей!
 Эдипъ, Эдипъ сей мiръ навѣки остав-
 ляешь
 И сердца своего любезнѣйшихъ дру-
 зей! . . .
 Простите! . . . громъ гремишь!

Х о р ъ.

Громъ гремишь
 И разишь! . . .
 Мы сердцами
 И слезами
 Молимъ васъ,
 Боги гнѣва
 И Зрева,
 Въ страшный часъ!
 Ахъ! пошлите
 Солнца лучъ!
 Разгоните
 Мраки тучъ! . . .
 Нѣшъ спасенья,
 Избавленья
 Намъ въ бѣдахъ! . . .

Погибаемъ! . . .
 Ощущаемъ
 Смерть въ сердцахъ!

Эдипъ лишается жизни. Ужасъ на всѣхъ лицахъ — въ душѣ сладкое удовольствіе. О чудо искусства! кпо изъяснишь свои мистериі? — О Софокль! — — Трагедія кончилась. Я вижу на сценѣ оларь и сѣдовласыхъ Архонповъ, приносящихъ жертву изліянія богу Вакху. Такъ Греки освящаютъ забавы свои, и шѣмъ болѣе наслаждаются!

Солнце позлащаетъ уже послѣдними лучами своими великолѣпный храмъ Минервины. Мы идемъ по Гермесовой улицѣ, и высокой, огромной домъ предспавляется глазамъ нашимъ, съ надписью: *жилице Гиппія, сына Хабрѣва; храмъ удовольствій и счастья, отверстый для всѣхъ мудрыхъ любителей наслажденія.* „Мы можемъ войти въ него“, говоритъ мнѣ Ариспенъ: „юный

Гиппій угощаєть нынѣ друзей своихъ“. — Подъ аркадами вспрѣчаютъ насъ богапо-одѣшые невольники, и вѣдутъ въ прекрасную купальню, гдѣ свѣплая ключевая вода блиспаєть въ бѣлыхъ мраморныхъ бассейнахъ (*). Мы освѣжаємся въ прохладной влагѣ, натираємъ себя драгоцѣнными ароматами, опдыхаємъ на шелковыхъ Вавилонскихъ коврахъ, и спѣшимъ къ любезному хозяину, копорой, съ ласковою улыбкою, принимаєть насъ въ великолѣпной галлерей, украшенной золопомъ и слоновою костью. — Многочисленное собраніе друзей окружаєть Гиппія, собраніе Философовъ, Ораповъ, Поэтовъ, художниковъ и веселыхъ юношей. Тутъ Синопской Діогенъ забавляєть госпей своимъ оспроуміємъ; издѣваєтся надъ Платономъ; назы-

(*) Греки всегда купались или мылись передъ ужиномъ.

ваепѣ его мудрецомъ *ощипанныхъ пѣтуховѣ* (*); слушаепѣ съ неперпѣніемъ Орапора Анаксимена, важно чипающаго свое новое произведеіе, — — ищепѣ глазами конца рукописи — восклицаепѣ: *берегѣ, берегѣ, друзья мои!* и заспавляепѣ всѣхъ смѣяться. Тупѣ нѣжный Ксанѣосъ съ жаромъ описываепѣ Аѣинскихъ красавицъ, сравниваепѣ Лаису съ Кипридою, Дорису съ Діаною, Эвхарису съ Юноною, и заключаепѣ со вздохомъ: *но Левкиппа всѣхъ прекрасѣе, Левкиппа всѣхъ милѣе!* „Левкиппа его любовница“ говоряпѣ юноши съ усмѣшкою, и не хопяпѣ ему про-

(*) Платонѣ, говоря однажды о чловѣкѣ, сказалѣ, что онѣ естѣ *двуножное животное безѣ перьевѣ*. Діогенѣ, желая доказатѣ несправедливость сего опредѣленія, принесѣ вѣ Академію ощипаннаго пѣшуха, бросилѣ его на землю и закричалѣ: *друзья, смотри-те: вотѣ чловѣкѣ Платоновѣ!*

пиворѣчипь. — Тупѣ Ликосѣ, не давно бывшій въ Спартѣ, перевозоситѣ до небесѣ Лакедемонцевѣ, ихѣ проспоту, презвоспѣ, мужеспво и добродѣтели. Феагенѣ доказываетѣ, что въ Спартѣ учашѣ людей *презиратѣ жизнь*, а въ Аѣинахѣ *ею пользovatѣся* — и всѣ мы громкимѣ рукоплесканиѣмѣ извьялемѣ согласіе свое съ Феагеномѣ. — Спихотворецѣ Гиппархѣ краснорѣчиво изображаетѣ намѣ различныя достоинспва Аѣинскихѣ Трагиковѣ; сравниваетѣ Эхила съ шумною рѣкою, копорая спремипся между дикихѣ, грозныхѣ утесовѣ; Софокла съ прозрачнымѣ каналомѣ, орошающимѣ сады и миршовья рощи; Эврипида съ быспрымѣ ручьемѣ, копорый вокругѣ зеленыхѣ луговѣ извиваетѣся.

Ужинѣ гоповѣ — ужинѣ, какѣ будпо бы самую богинею спасплюбія пригоповленный. Видѣ каждаго блюда даетѣ уже предчув-

спвоватъ амброзическій вкусъ онаго. Рыбы Сиціонскія, рыбы Беонійскаго озера лежатъ въ серебряныхъ сосудахъ вмѣстѣ съ разными ппизами, копорыми оспровѣ Мелосѣ надѣляетъ Аѳины; вмѣстѣ съ лучшими плодами садовъ и лѣсовъ. — Въ углахъ комнапы курятся ѳиміамъ и благовонныя маспы.

Приносятъ злапую чашу, обвпшую розами и наполненную виномъ Гераклепскимъ. Гиппій изливаетъ на Діанинѣ жерпвенникѣ нѣсколькo капель сего драгоцѣннаго, аромашического нексара, и всѣ гостп пьютъ изъ чаши, въ знакъ общаго, искренняго дружеспва. Прекрасные мальчики, подобные Эропамъ, увѣнчиваютъ насъ цвѣтами, и подаютъ каждому мирповую вѣпвь, сплешенную съ лаврами. Веселіе сіяетъ на всѣхъ лицахъ, веселіе, не помраченное ни малѣйшимъ облакомъ заботы. Вина Коркпрскія и Лезбійскія пѣняпся въ фпалахъ, ко-

спорыя изъ рукъ въ руки переходящъ. Самъ Циникъ (*) начинаешъ улыбаться, чувствуя приятную теплошу въ сердцѣ и на лицѣ своемъ, забываетъ свою бочку и съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ доказываетъ, что и мудрый можешъ *иногда* наслаждаться всѣмъ избыткомъ благъ земныхъ. — Первая фіала посвящается опечесшву; и мы поемъ:

Цвѣщи, отечество святое,
 Сынамъ любезное, драгое!
 Мы всѣ богошворимъ тебя,
 И въ жершву принести себя
 Для пользы швоея гошовой.
 Ахъ! смерть ничшо, когда оковы
 И слыдъ грозятъ швоимъ сынамъ!
 Такъ древле Кодры умирали,
 Такъ Леониды погибали
 Въ примѣрѣ героямъ и друзьямъ.
 Союзъ родства и узы крови
 Не такъ священны для сердецъ,
 Какъ святъ законъ швоей любви.
 Ошавишъ милыхъ чадъ ошецъ,

(*) Т. е. Діогенъ.

И сынъ родителя забудеть,
 Сбѣша отечеству служить;
 Умреть онъ, но попомство бу-
 дешъ
 Героя полубогомъ чшить.

Мениппъ, искусный музыкантъ,
 беретъ арфу, наспроиваетъ,
 играетъ, и каждый изъ насъ поетъ
 въ свою очередь веселую пѣсню.
 Мы прославляемъ Вакха; описы-
 ваемъ его шумное путешествіе въ
 Индію, — щастливья побѣды, ко-
 торыя не споили человѣчеству ни
 капли крови, и осыпали побѣжден-
 ныхъ благодѣяніями и новыми для
 нихъ дарами Природы (*).

Вакхъ не шерпитъ мрачныхъ взо-
 ровъ;
 Вакхъ, любитель громкихъ хоровъ,
 Радость въ сердце тихо льетъ;
 Зависть, злобу испребляетъ;
 Горестъ, скорби умерщвляетъ;
 Въ миръ съ добрыми живетъ.

(*) Покоряя себѣ народы, онъ научалъ
 ихъ сажению винограда.

Пойте Вакха, пойте радость;
 Пойте щастье, пойте младость—
 Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
 Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

Впредь что будетъ, мы не зна-
 емъ —

Что прошло, позабываемъ:
 Настоящее для насъ.
 Презримъ суебность земную,
 Важность скучную, пустую;
 Часъ веселья сладкой часъ.

Пойте Вакха, пойте радость:
 Пойте щастье, пойте младость—
 Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
 Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

Вдругъ передъ глазами нашими
 поднимается занавѣсъ, и мы ви-
 димъ на сценѣ девять Музъ (*),
 которыя ведутъ за руку Амура и
 привязываютъ его цвѣтами къ мир-
 ловому дереву. Тщешно умоляютъ

(*) Богачи Греческіе не рѣдко забавля-
 ли пріятелей своихъ, за ужиномъ,
 такими представленіями.

ихъ маленькой богъ : нѣпѣ прощенія! Онѣ хочетѣ плакать , но слезы изѣ глазѣ его не лѣются— довольная и коварная улыбка играетѣ на розовыхѣ устахѣ прелестнаго Амура! Въ сію минушю являетѣся Венера; сходитѣ съ колесницы своей , и проситѣ Музѣ сжалихся надѣ божеспвеннымѣ малюпкою , и возвратитѣ ему свободу ; но хитрый Купидонѣ смѣетѣся , ласкаетѣ Парнасскихѣ богинь , и не хочетѣ свободы. Хорѣ поетѣ:

Я неволенѣ,
 Но доволенѣ,
 И желаю плѣннымѣ бытѣ.
 Милы узы
 Ваши , Музы;
 Ихѣ не стыжотѣсно носитѣ.
 Чшо мнѣ въ волѣ?
 Я въ неволѣ
 Веселѣ, щастливѣ и блаженѣ.
 Наслаждаюсь,
 Восхищаюсь
 И любовью упоенѣ.

VII.

10.

Музы обнимаютъ, цѣлуютъ милого своего плѣнника — и густое облако скрываетъ ихъ. — Скоро видимъ мы другое явленіе. Вдали слышится и шумитъ море; дикая скала возвышается надъ онымъ. Блѣдная женщина, съ распущенными волосами, съ открытою грудью, съ пламеннымъ взоромъ, приближается къ намъ медленными, тихими шагами. Златоспрунная лира въ рукахъ ея. Все умолкаетъ — мы внимаемъ — она играетъ и поетъ:

Почто, о богъ любви коварный!
Ты грудь мою стрѣлой пронзилъ?
Почто Фаонъ неблагодарный
Меня красой своей плѣнилъ?

Почто? — Фаонъ не знаетъ страсти,
Фаонъ не вѣдаетъ любви,
Ея надъ сердцемъ лютой власти,
Огня, волненія въ крови!

Когда на юношу взираю,
Мрачится свѣтъ въ моихъ глазахъ —

Дрожу, томлюся, умираю
 Въ восторгѣ, въ пламенныхъ сле-
 захъ (*).

Мнѣ все противно, все постыло,
 Когда сокроется Фаонъ;
 Брожу въ лѣсахъ, брожу уныло, —
 Зрю тьму вездѣ и слышу стонъ.

Жестокій Сафою скучаетъ:
 Ему несносенъ взоръ ея;
 Жестокій Сафы убѣгаетъ:
 Ему несносна жизнь моя!

На что же мнѣ вздыхать, поминься?
 Любовь злощасная есть адъ.
 Иду отъ страсти исцѣлиться
 Въ швоихъ пучинахъ, о Левкадѣ (**)!

(*) Читайтель вспомнитъ послѣднюю
 строфу извѣстной Сафиной оды.

(**) Древніе Греки думали, что неща-
 сные любовники, бросающіеся въ море
 съ Левкадской скалы, излечаются
 отъ своей страсти; многіе броса-
 лись и — погибали.

Пусть жизнь съ любовью прекрапит-
ся
Въ шумящихъ пѣнистыхъ волнахъ:
Рѣка забвенія струится
Въ блаженныхъ Орковыхъ стра-
нахъ (*).

Ея питательныя воды
Жаръ груди, сердца прохладяшъ,
И щастье мирныя свободы
Невинной Сафѣ возвращають.

Я памѣ жестокаго забуду,
Какъ упромѣ забываюшъ сонѣ. . .
О радость! . . . я любить не буду
Тебя, безжалостный Фаонѣ!

Она спѣшитъ на дикую скалу,
и низвергается въ морскую пучи-
ну. Тихій и печальный хоръ поетъ:

(*) Мифологія говоритъ, что въ стра-
нахъ Орковыхъ, то есть въ жилищѣ
мершвыхъ, течетъ Лета, *рѣка заб-
венія*. Души умершихъ прежде всего
къ ней провождаются — пьютъ съ
жадностію воду ея, и забываюшъ всѣ
горести земной жизни. Прекрасная
выдумка! и много такихъ найдемъ
мы въ Греческой Мифологіи.

Погибаешъ! . . . умираешъ! . . .
 Бездна Сафу поглощаешъ!
 Лира Сафина въ волнахъ —
 Нѣтъ души въ ея струнахъ! . . .
 Жертва спраси, не порока!
 Жертва бѣдственнаго рока!
 Даръ небесный, сладкій гласъ,
 Ошъ судьбы шебя не спасъ!

Раздается ударъ грома — и сцена
 перемѣняется. Мы видимъ Эра-
 кийскія долины и берегъ дикаго
 Спримона; мы слышимъ шумъ рѣки
 — но шумъ рѣки умолкаетъ — Ор-
 фей, сидя въ уныніи среди печаль-
 ныхъ кипарисовъ, играетъ на сво-
 ей лирѣ. Лавровый вѣнокъ увялъ на
 головѣ пѣснопѣвца. Орфей поетъ:

„Могу ли надѣяться, боги мрач-
 „наго Оркуса, могу ли надѣяться,
 „что нѣжная лира моя пронесъ еще
 „ваше хладное сердце; что вы, без-
 „смертныя Силы, впорично воз-
 „вращите мнѣ Эвридику, милую
 „Эвридику?“

„Ядовитое жало змѣи прекра-

„пило юную, весеннюю жизнь ея.
 „Нещасный Орфей лилъ слезы
 „день и ночь, скипался въ лѣсахъ
 „и пущыняхъ, одинъ съ своею го-
 „рестію, одинъ съ своею лирою,
 „помною и печальною. Ея унылые
 „звуки были опзывомъ моего уны-
 „лаго сердца.“

„Но скорбь моя не обдегчалась;
 „время не могло уполишь ее. Го-
 „нимый поскою, я нисшелъ въ
 „мрачное царство грознаго Плупо-
 „на; прошелъ густые, темные лѣ-
 „са, гдѣ вѣчный ужасъ обитаетъ;
 „приблизился къ врапамъ ада, къ
 „жилицу оныхъ спрашныхъ боговъ,
 „копорыхъ никогда моленіе смерп-
 „ныхъ не смягчало. . . Звуки лиры
 „моей раздались въ глубочайшихъ
 „пещерахъ Таршара, и блѣдныя
 „тѣни изумились. Зміевласыя Фу-
 „ріи внимали, и чувствовали сла-
 „достъ гармоніи; умолкъ презѣв-
 „ный Церберъ, и колесо Иксионово
 „оспановилось.“

„Смягчилися жеспокіе владыки
 „ада, и возврапили мнѣ любезную.
 „О воспоргѣ! о блаженствѣ! пор-
 „жествѣ любви и гармоніи! — Но
 „гласѣ Судьбы изрекѣ: *страшишь*
 „*сѣ предѣлахѣ Гармара воззрѣтъ на*
 „*прекрасную; ты снова лишишьсѣ*
 „*ее, и навѣки!* — Уже приближа-
 „лись мѣг кѣ спранамѣ свѣта, кѣ
 „обипелямѣ земнородныхѣ; уже
 „грозный лай адскаго спража едва,
 „едва доспигалѣ изѣ опдаленія до
 „нашего слуха. . . о боги! внезапное
 „движеніе сердца возмупило кровь
 „мою — изреченіе Судьбы запъми-
 „лось вѣ умѣ моемѣ — я обратилѣ
 „взорѣ на Эвридику! . . . увы! . . .
 „Эвридика исчезла, подобно легко-
 „му, воздушному метеору! . . Тще-
 „шно я спремилсѣ за нею, щещпно
 „призывамѣ любезнѣйшую! Она
 „скрылась, сѣ блестящею слезою,
 „сѣ умильнымѣ взглядомѣ — успа
 „ея не произнесли ни упрека, ни
 „жалобы на ея злѣщаспнаго убій-

„цу! . . Ахъ! любовь , любовь была
 „моимъ преступленіемъ! — Вереи
 „ада страшно заскрыпѣли , и вра-
 „ша желѣзныя запворились.“

„Могу ли надѣяться, боги мрач-
 „наго Оркуса, могу ли надѣяться,
 „что нѣжная лира моя пронетѣ
 „еще ваше хладное сердце; что
 „вы, безсмертныя Силы, впорич-
 „но возвратите мнѣ Эвридику,
 „милую Эвридику?“

„Нѣтъ! законъ Судьбы вѣченъ;
 „завѣтъ Таршара подобенъ діаман-
 „ту неплѣвному; уставъ вышнихъ
 „Силъ не премѣняется! — Я воз-
 „вращился на печальную землю;
 „поскую непрестанно! Уже слезы
 „изъ глазъ моихъ не льются; лира
 „не услаждаетъ сердца. Нѣтъ для
 „меня радостей въ жизни! Имя
 „любви ужасно моему слуху! —
 „Боги, адскіе боги! во мракъ Тар-
 „шара соедините Орфея съ Эври-
 „дикой!“

Гласъ пѣвца перерывается. Мы

слышимъ опять шумъ рѣки — и неспройные звуки мусикійскихъ орудій. Испугленные жрицы Вакховы какъ Фуріи спремаяся къ Орфею, съ *тирсами* (*) и съ пламенниками, и восклицая: *эвоэ! эвоэ* (**)! окружающъ печальнаго. Тщепно думаешь онъ спасись отъ ихъ свирѣпыхъ воспорговъ! злобныя мучашъ, перзающъ его, и наконецъ увлекающъ съ собою (***)). Невидимый хоръ поешъ.

(*) Конья Вакханокъ.

(**) Обыкновенныя восклицанія Вакховыхъ жриць.

(***) Эракійскія женщины, какъ повѣспвуютъ Мифологисты, расперзали Орфея за то, что онъ, соблюдая вѣрность къ незабвенной Эвридикѣ своей, былъ нечувствителенъ къ любви, и не хотѣлъ удовлетворять ихъ сладоспраснымъ вождельніямъ. — Плашонъ говоритъ не то, по ненависти своей къ Поэтамъ; но мы не хотимъ вѣрять Плашону.

VII.

11

Нимфы, плачьте! нѣтъ Орфея! . .
 Вѣтрѣ унылый, шихо вѣя,
 Намѣ вѣщаетъ: *нѣтъ его!*
 Ярость Фурій изступленныхъ,
 Гнусной спраспью воспаленныхъ,
 Прекратила жизнь того,
 Кшо пѣвнялъ своей игрою
 Кровожаждущихъ звѣрей,
 Гармонической струною
 Трогалъ сердце люпыхъ Грей,
 И для нѣжной Эвридики
 Вѣ Таршарѣ мрачный нисходилъ.
 Ахъ спенайше! — Берегѣ дикій
 Прахъ его вѣ себя вмѣшилъ.
 Сиротѣющая лира
 Оплъ дыханія зефира
 Звукъ печальный издаепѣ:
Нѣтъ Пѣвца! Орфея нѣтъ!
 Эхо повворяепѣ: *нѣтъ!*
 Надѣ могилою священной,
 Мягкимъ дерномъ покровенной,
 Филомела слезы льепѣ. —

Легкое облако задумчивости осѣ-
 нило пирующихъ. Чаши, розами
 оплешенныя, спояли передѣ нами
 неподвижно. Молчаніе царспвовало.
 Наконецѣ кропкій Филоклесѣ пере

рвалъ оное: „Чшо еспъ жизнь на-
 „ша?“ сказалъ юноша съ пихимъ
 вздохомъ: „*места тѣни*, какъ гово-
 „ришь Пиндаръ; темное, печаль-
 „ное сновидѣніе, которое, исчезая
 „въ пространствахъ ничтожества,
 „оставляетъ горестную слезу въ
 „окъ спящаго.“ — „Нѣтъ, будемъ
 „чувствительны, но будемъ и бла-
 „годарны!“ отвѣчаетъ ему мудрый
 Аристъ: „жизнь еспъ благій даръ
 „боговъ, милосивыхъ и любез-
 „ныхъ. Горестъ соединена съ нею,
 „но горестъ имѣетъ свою опраду.
 „Сія опрада, кропкій свѣтъ души,
 „бываетъ мила сердцу. Не всегда
 „лучезарный Фебъ сіяетъ на небѣ;
 „но и шихая, ночная лампада имѣ-
 „етъ красоту свою. Горестъ сое-
 „динена съ жизнію; но самая го-
 „рестъ приготовляетъ сердце на-
 „ше къ нѣжному чувству удоволь-
 „ствій. Печаленъ видъ Природы,
 „когда гремятъ громаы и шумный
 „дождь ліется изъ облаковъ рѣка-

„ми; но подѣ кровомѣ сей глубокой
 „пѣмѣ оживляюща въ земныхъ
 „нѣдрахъ сѣмена плодотворности.
 „Мракъ исчезнетъ: фіалка и лилія
 „расцвѣтшѣ на зеленыхъ лугахъ
 „благословенной Аппики. . . . Ча-
 „сто лучъ веселія меркнетъ въ
 „душѣ смертнаго: спрашна ночъ
 „осѣняетъ ее; слабый унываетъ;
 „сердце его поскушетъ. . . Утѣшь-
 „ся, спрадалецъ! Обращи взоръ
 „свой на восточное небо: тамъ бѣ-
 „лѣетъ уже юный день, тамъ
 „скоро новый лучъ возсіяетъ, и
 „упреній пѣвецъ воспаритъ къ не-
 „бесамъ надъ побою! — Друзья!
 „будемъ чувствительны, но будемъ
 „и благодарны! Всемогущіе боги
 „вляли много радостей въ чашу
 „жизни нашей. Кто безъ душев-
 „наго веселія можетъ взирать на
 „сапфиръ неба, гдѣ пылаетъ вели-
 „колѣпное солнце, гдѣ сверкаютъ
 „милліоны звѣздъ блестящихъ, гдѣ
 „ясная луна смиренно красуется

„въ психомъ своемъ печеніи? Кпо
 „безъ сладкаго чувства можетъ
 „вспунить во свяпилице пальмо-
 „вой роци, чшобы, подъ шумящими
 „лиспьями укрываясь опъ зноя,
 „на мягкой муравѣ ожидашь къ се-
 „бѣ любезнаго Агапона или пре-
 „лесной Лидіи, и бесѣдоваешь съ
 „ними о милыхъ сокровенностяхъ
 „сердца, или предаешься воспор-
 „гамъ нѣжной спраспи? Когда же
 „на розмаринной вѣтви, въ мину-
 „ты вечернія, поетъ соловей; ко-
 „гда невидимыя Нимфы по лугамъ
 „гуляютъ, и нѣжными руками сво-
 „ими обновляютъ на нихъ красо-
 „ты цвѣшовъ и правокъ, поблек-
 „шихъ опъ дневнаго жара; когда
 „въ сладоспномъ вѣяніи зефира вся
 „Природа объявляетъ намъ, кажетъ
 „ся, любовь свою и призываетъ къ
 „сердечному наслажденію — ахъ!
 „можетъ ли человекъ жаловаться
 „погда на учасъ свою? — Филок-
 „лесъ! я понимаю помный взглядъ

„пвой. Крипонъ! я разумѣю крош-
 „кій вздохъ пвоего сердца. Меандръ!
 „блещащая слеза пвоя не скры-
 „лась опъ глазъ моихъ. Вы вкуси-
 „ли горестъ жизни. Филоклесъ!
 „пы лишился своего Агапона, не-
 „забвеннаго, добродѣтельнаго. Кри-
 „понъ! пы поперялъ свою Лидію,
 „прекрасную, чувспвипельную.
 „Слезы ващи орошаюпъ кипарисъ
 „и хладную гробницу; но — самыя
 „слезы служапъ вамъ упъшеніемъ.
 „Мысль о любезныхъ пипаепъ ду-
 „шу; память любви ихъ еспъ цѣ-
 „лебный бальзамъ для вашего сер-
 „дца. Тамъ, гдѣ спенаепъ горлица;
 „памъ, гдѣ сѣшуепъ филомела;
 „гдѣ анемонъ сѣ гіаципомъ напо-
 „минаюпъ намъ безвременное увя-
 „даніе цвѣтущей юности — памъ
 „духъ вашъ сладоспно погрузился
 „въ самого себя, и нѣжно обнимепъ
 „ся сѣ милою пѣнію. — Меандръ!
 „пы любилъ; но любовь пвою пре-
 „зирала жестокая!... Ободришь, юно-

„ша! Время, разумокъ, философія,
 „тебя успокояйтъ. Священная друж-
 „ба согрѣетъ швое сердце. Ты
 „можешь еще пользоваться жиз-
 „нію, и благословляйтъ ея пріятно-
 „спи.“

„Друзья сограждане! мы весело
 „провели сей вечеръ; мы были ца-
 „спливы. Да будетъ таковъ вечеръ
 „жизни нашей — и съ шихою улыб-
 „кою подадимъ руку Маину сыну,
 „проводящему смерпныхъ вѣ
 „свѣшлыя поля Елисейскія!“

Элекпрической огонь любви разли-
 вается вѣ сердцахъ нашихъ. Мы
 всѣ клянемся жить и умереть дру-
 зьями боговъ и челошкковъ.

Тутъ спѣшатъ къ намъ хорово-
 ды юныхъ красивицъ: однѣ играють
 на флейшахъ; другія, наученныя
 перпсихорою, прельцають глаза
 искусными шѣлодвиженіями и при-
 зываютъ насъ къ пляскѣ. Кропкая
 радость уступается мѣсто шум-
 ной. Нимфы приводятъ вѣ волне-

ніе кровь нашу своими взглядами. . .
 О чудо! я вижу суроваго Діогена,
 верпящагося съ рѣзвою Дафною, и
 важнаго Ликоса, хвалишеля спро-
 гихъ Ликурговыхъ законовъ, вижу—
 у ногъ смѣющейся Феаны!—Но мнѣ
 ли открывашь таинства Элевзин-
 скія? Угрюмый Гарпократъ кла-
 депъ палець на уста мои — и
 темная ночь одѣваетъ насъ покро-
 вомъ своимъ.

О друзья! все проходишь, все
 исчезаешь! Гдѣ Аѳины? Гдѣ жили-
 ще Гиппиево? Гдѣ храмъ наслажде-
 нія? Гдѣ моя Греческая мансія? —
 Мечпа! мечпа! Я сижу одинъ въ
 сельскомъ кабинетѣ своемъ, въ ху-
 домъ шлафрокъ, и не вижу пе-
 редъ собою ничего, квомъ догара-
 ющей свѣчки, измараннаго листа
 бумаги и Гамбургскихъ газетъ, ко-
 торыя завтра поупру (а не пре-

жде: ибо я хочу спать нынѣшнюю
ночь покойнымъ сномъ) извѣспяпѣ
меня объ ужасномъ безумствѣ на-
шихъ просвѣщенныхъ современни-
ковъ.

МЕЛОДОРЪ КЪ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, любезный Филалетъ? Въ какомъ уединеніи скрываешься? Какіе предметы занимаютъ душу твою? Чѣмъ питаешься все сердце? Что дѣлаешь тебѣ жизнь приятною? — И думаешь ли нынѣ о своемъ Мелодорѣ?

Ахъ! гдѣ ты? Сердце мое тебя проситъ, требуетъ. Оно помнитъ любезные твои взоры, сладкой голосъ, и нѣжныя, чувствомъ согреваемая обаянія, въ которыхъ жизнь бывала ему вдвое милѣе — помнитъ, и великъ глазамъ моимъ искалъ тебя — великъ рукамъ моимъ къ тебѣ простираться!

Океанъ шумѣлъ между нами: теперь мы въ одной землѣ — и не вмѣстѣ! — Скажи слово, и Мело-

дорѣ лепить къ тебѣ! — Въ ожиданіи сей минутой буду хопя писать къ любезнѣйшему изъ друзей моихъ.

Пять лѣтъ мы не видались: сколько времени? Сколько переменъ въ свѣтѣ — и въ сердцахъ нашихъ?... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хотѣлъ бы вдругъ перелить ихъ въ твою душу, безъ помощи словъ, которыхъ искалъ надобно; хотѣлъ бы опкрыть тебѣ грудь мою, чтобы ты собственными глазами могъ чинить въ ней сокровенную испорію друга своего, и видѣть — проси мнѣ смѣлое выраженіе — видѣть всѣ развалины надеждъ и плановъ, надъ которыми въ тихіе часы ночи спущенъ нынѣ духъ мой, подобно спраннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, сповратныхъ Фивъ или великолѣпнаго Греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственомъ мірѣ, ловили въ Испоріи всѣ благородныя черпы души человѣческой, ниспали въ груди своей эфирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *теловѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разные времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ теловѣческой возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству.* Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Ошца! — Радость сіяла на лицахъ нашихъ — и свѣплой ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣпочикъ, и поющая пшичка, все, все насъ веселило! Природа каза-

лась намъ обширнымъ садомъ, въ копоромъ зрѣнїи божественность человѣческа.

Кпо болѣе нашего славилъ преимуществва осьмагонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всеобщее распространеніе духа обществственности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, крепость Правленій, и проч. и проч.? — Хотя и являлись еще нѣкопорыя черныя облака на горизонтѣ человѣческа; но свѣтлый лучъ надежды зашилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды: „все исчезнетъ, „и царство общей мудрости наступитъ, рано или поздно наступитъ „— и блаженъ пошъ изъ смертныхъ, кпо въ краткое время жизни своей успѣлъ разсвѣять хотя „одно мрачное заблужденіе ума „человѣческаго, успѣлъ хотя од-

„нимъ шагомъ приближишь людей къ
 „испочнику всѣхъ истинъ, успѣлъ
 „хотя единсе плодоносное зер-
 „но добродѣтели вложить рукою
 „любви въ сердце чувствитель-
 „ныхъ, и такимъ образомъ ускорилъ
 „ходъ всемірнаго совершенія!“

Конецъ нашего вѣка почивали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдъ свѣта, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрившись моральнымъ образомъ въ изящность законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ пишины и спокойствія, наслаждаясь истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система? . . . Она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ

міра? — Осьмойнадесять вѣкъ кончається, и нещасный филантропъ (*) мѣряєть двумя шагами могилу свою, чшобы лечь вѣ ней сѣ обмануемымъ, расперзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!

Кшо могъ думать, ожидать, предчувствовать? . . . Мы надѣялись скоро видѣть челоуѣчество на горней степени величія, вѣ вѣнцѣ славы, вѣ лучезарномъ сіяніи, подобно Ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, являється очамъ добрыхъ, — сѣ небесною улыбкою, сѣ мирнымъ благовѣстіемъ! — Но емѣшо сего восхитительнаго явленія видимъ. . . Фурий сѣ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, копорыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кропкихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для щасія? — Вѣкъ просвѣщенія! я

(*) То есть, другъ людей.

не узнаю себя — въ крови и пламени не узнаю себя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю себя! . . . Небесная краса прельщала взоръ мой, воспяляла мое сердце нѣжнѣею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился духъ мой къ божественной Нимфѣ; но — небесная краса исчезла — змѣшипящъ на ея мѣстѣ! — Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоценностей ума человеческого; драгоценностей, собранныхъ вѣками; драгоценностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! — И не только миллионы погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая Натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пу-

спыни превращаются — сего не дозволено: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Мизософы (*) поржествуютъ. „Вопль плоды вашего просвѣщенія! говорящъ они: вопль плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылали огонь раздора, мяпежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что...? И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша философія!“ — И бѣдный, лишенный опечесства, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный лишенный опца, или сына, или друга, повпоряетъ: *да погибнетъ!* И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повпоряетъ: *да погибнетъ!* — А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ *общее мнѣніе*: вообрази же слѣдствія!

(*) Ненавистники наукъ.

К II.

12

Кровопролитіе не можепѣ бытъ вѣчно ; я увѣренѣ. Рука , сѣкущая мечемѣ, упомигся ; сѣра и селигтра испощагся вѣ нѣдрахѣ земли , и громаы умолкнупѣ ; пишина рано или поздно наспанепѣ — но како-ва будепѣ пишина сія ? Еспѣли мерпвая, хладная, мрачная ?

Такѣ, мой другѣ, паденіе наукѣ кажепся мнѣ не шолько возможнымѣ, но и вѣрояпнымѣ; не шолько вѣрояпнымѣ, но даже неминуемымѣ, даже близкимѣ. Когда же падупѣ онѣ... когда ихѣ великолѣпное зданіе разрушигся, благодѣпельныя лампы угаснупѣ — что будепѣ ? Я ужасаюсь , и чувспвую шрепепѣ вѣ сердцѣ ! — Положимѣ, что нѣкопорыя искры и спасутся подѣ пепломѣ ; положимѣ, что нѣкопорые люди и найдутѣ ихѣ, и освѣпятѣ ими шихія, уединенныя свои хижины : но что же будепѣ сѣ міромѣ , сѣ *цѣлымѣ* чело-вѣческимѣ родомѣ ? Ахѣ, мой

другъ! для добрыхъ сердець нѣтъ щасія, когда они не могутъ дѣлать его съ другими. Истинный мудрецъ благословляетъ мудрость свою для того, что можетъ сообщать оную ближнимъ; иначе — смѣю сказать — будетъ она бременемъ для его челоѡколюбивой души. Александръ не принялъ суда съ водою, и не хотѣлъ утолять жажды своей тогда, когда все воинство его помирлось; въ сію минуту былъ онъ подлинно Великимъ Александромъ! Такія движенія неизвѣстны эгоистамъ; за то первой врагъ истинной философіи есть эгоизмъ.

Сверхъ того внимательный наблюдатель видитъ теперь повсюду опверсые гробы для *нѣжной нравственности*. Сердца ожесточаются ужасными происшествіями, и привыкая къ феноменамъ злодѣяній, теряютъ чувствительность. Я закрываю лице свое!

Ахъ, другъ мой! уже ли родъ чело-
вѣческой доходилъ въ наше время
до крайней степени возможнаго
просвѣщенія, и долженъ, дѣйстви-
емъ какого нибудь чуднаго и пай-
наго закона, ниспадать съ сей вы-
сопы, чпобы снова погрузиться
въ варварство и снова, малю по ма-
лу, выходить изъ онаго, подобно
Сизифову камню, копорой, будучи
внесенъ на верхъ горы, собствен-
ною своею тяжестію скапываепа-
ся внизъ, и опять рукою вѣчнаго
пруженика на тору возноспся?
— Гореспная мысль! печальный
образъ!

Теперь мнѣ кажется, будто са-
мая лѣпописи доказывають *въро-*
ятность сего мнѣнія. Намъ едва
извѣспны имена древнихъ Азіат-
скихъ народовъ и царствъ; но по
нѣкопорымъ испорическимъ оп-
рывкамъ, до насъ дошедшимъ, мо-
жно думать, чпо сіи народы были
не варвары; чпо они имѣли свои

искусства, свои науки: кто знаетъ погдашніе успѣхи разума человѣческаго? Царства разрушались, народы исчезали; изъ праха ихъ, подобно какъ изъ праха феникса, рождались новыя племена, рождались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчески пивали, учились и — славились. Можетъ быть зоны погрузились въ вѣчность и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей, и нѣсколько разъ ночь пемнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ, съ котораго начинается полная исторія. Библиотека Озимандіасова была конечно не первая въ мірѣ; была вѣрно ничто иное, какъ спасенный осколокъ древнѣйшихъ библиотекъ.

Египетское просвѣщеніе соединяется съ Греческимъ: первое оставило намъ однѣ развалины, но великолѣпныя, краснорѣчивыя развалины; картина Греціи жива передъ нами. Тамъ все прельщаетъ

зрѣніе, душу, сердце; шамъ красующая Ликурги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидіи и Зевксисы — однимъ словомъ, шамъ должно дивиться упоеннымъ дѣйствіямъ разума и нравственности. Римляне учились въ сей великой школѣ, и были достойны своихъ учителей.

Что жь послѣдовало за сею блестящею эпохою человечества? Варварство многихъ вѣковъ, варварство ума и нравовъ — эпоха мрачная — сцена, покрытая чернымъ флеромъ для глазъ чувствительнаго философа!

Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась сія густая пѣна. Наконецъ солнце наукъ возсіяло, и философія изумила насъ быстрыми своими успѣхами. Добрые, легковѣрные человеколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ; исчисляли, измѣряли пушь духа; напря-

гали взоръ свой — видѣли близкую цѣль совершенства, и въ радостномъ упоеніи восклицали: *берегъ!* ... Но вдругъ небо дымится, и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ пучахъ! — О попомство! какая участь ожидаетъ тебя?

Естьли опять возвратимся на землю претій - и четвертьнадесять вѣкъ? ... Мы конечно не доживемъ до сего; но можемъ ли умирать покойно? И что надпишемъ надъ гробами своими? Развѣ скажемъ съ Сарданапаломъ: *Прохожій! усладдай свои чувства; все прочее никто (*)?* — О мой другъ!

Печальныя сомнѣнія волнуютъ мою душу, и шумной городъ, въ копоромъ живу, кажется мнѣ пустынею. Вижу людей; но взоръ мой не находить сердца въ ихъ

(*) Квинтъ-Курцій пишетъ, что Александръ Великій нашелъ гробъ Сарданапаловъ съ сею надписью.

взорахъ. Слышу разсужденія, и опускаю глаза въ землю. — Говорю, но въперѣ разноситъ слова мои... мерзкое эхо повпоряетъ ихъ!

Иногда несносная грусть стѣснитъ мое сердце; иногда упадаю на колѣни, и проспираю руки свои — къ Невидимому.... Нѣтъ опѣвша! — Голова моя клонится къ сердцу.

Самая Природа не веселитъ меня. Она лишилась вѣнца своего въ глазахъ моихъ, съ того времени, какъ не могу уже въ ея объятіяхъ мечтать о близкомъ щастіи людей; съ того времени, какъ удалась отъ меня радостная мысль о ихъ совершенствѣ, о царствѣ истины и добродѣтели; съ того времени, какъ я не знаю, что мнѣ думать о феноменахъ нравственнаго міра, чего ожидать и надѣяться!

Вѣчное движеніе въ одномъ кругу; вѣчное повпореніе, вѣчная смѣ-

на дня съ ночью и ночи со днемъ; вѣчное смѣшеніе истинъ съ заблужденіями, и добродѣтелей съ пороками; капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ мой другъ! начпо жипь мнѣ, тебѣ и всѣмъ? Начпо жили предки наши? Начпо будепѣ жипь попомство?

Суди о хаосѣ души моей, копорой предспавляепѣ мнѣ все швореніе вѣ безпорядкѣ! Смопрю на восходящее солнце, и спрашиваю: почпо пы восходишь? Спою подѣ сѣнію шумящаго дуба, и спрашиваю: почпо шумишь?—Теперь все сущеспвуепѣ для меня безѣ цѣли.

Вообрази себѣ человекѣ, заснуващаго сладкимъ сномъ вѣ шпхомъ своемъ кабинетѣ, подлѣ нѣжной супруги, среди милыхъ дѣшей, и вдругѣ, очарованіемъ какихъ нибудь злыхъ волшебниковъ, пренесеннаго на спепь Африканскую—удары грома пробуждаюпѣ его—нещасный открываетѣ глаза, видипѣ

ночь и пустыню вокругъ себя —
 изумляешся — думаешъ, и не пони-
 маешъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ
 случилось — слышишь вездѣ ревъ
 звѣрей, и не знаешъ, куда иппи...
 Гдѣ мирное жилище его? гдѣ нѣж-
 ная супруга? гдѣ милья дѣти?...
 Нѣтъ пупи! нѣтъ спасенія! . . .
 Онъ перзаешся, проливаешъ слезы,
 и успрямляешъ взоръ на небо; но
 небо покрыто тьмою, небо грозно!
 — Состояніе сего человѣка нѣко-
 торымъ образомъ подобно моему.

Дружба, священная, любезная
 дружба! въ свои объятія изливаешъ
 сердце мое — сердце, жестоко уяз-
 вленное — горестныя свои чувства.
 Оживи его благопворнымъ своимъ
 бальзамомъ; улади нѣжнымъ со-
 спраданіемъ!

Филалешъ! ты вмѣстѣ со мною
 веселился нѣкогда жизнию, Приро-
 дою, человѣчествомъ; шеперь скор-
 би со мною, или утѣшь меня!

Духъ мой унылъ, слабъ и печал-

ленъ ; но я достоинъ еще дружбы
швоей, ибо я — люблю еще добро-
дѣтель! — Вошъ черпа, по копо-
рой ты всегда узнаешь Мелодора;
узнаешь и въ бурю и въ грозу, и на
краю могилы!

ФИЛАЛЕТЬ КЪ МЕЛОДОРУ.

Мелодоръ! слезы капились изъ глазъ моихъ, когда я чиналъ любезное письмо швое. Давно уже шакія сладкія чувспва не посѣщали моего сердца. Благодарю тебѣ! Самая неразрывная дружба еспъ та, копорая начинается въ юности — неразрывная и пріяпнѣйшая. Она сливается въ чувспвительной системѣ нашей со всѣми плѣнительными воспоминаніями весеннихъ лѣпъ, сего краснаго упра жизни, лучшей эпохи нравспвеннаго быпія. Два добрыя сердца, привыкшія любить другъ друга, находяпъ въ сей любви источникъ нѣжнѣйшихъ удовольспвій и добродѣпельнѣйшихъ радостей. Ахъ, мой другъ! можешь ли сомнѣваться въ поспоянспвѣ

своего Филалепа? Вездѣ, гдѣ ни былъ я, — и въ жаркихъ и въ холодныхъ зонахъ — вездѣ образъ пвой пушешествовалъ со мною, освѣжалъ помнаго спранника подб огненнымъ небомъ Лини, и согрѣвалъ его въ предѣлахъ льдисаго полюса. Наконецъ я въ опечесствѣ, и не съ побою? Но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ чужія земли. Къ щаспію сіе извѣстіе, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодоръ въ одной спранѣ съ Филалепомъ! . . . Спѣши, спѣши къ своему другу! Въ сельскихъ куцахъ ожидаю тебя — тамъ, гдѣ нѣкогда съ улыбкою вспрѣчали мы весну, съ грустію провожали лѣто; гдѣ заключился навѣки союзъ душъ нашихъ.

Мой другъ! письмо твое означено печаспію меланхоли. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое спрадаетъ, милья надежды твои исчезли; ты ищешь на сце-

нѣ міра — и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, копорыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшесствія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему мою, разрушили, и повергнули тебя въ море неизвѣспности и недоумѣній : мучительное соспоянiе для умовъ дѣяпельныхъ !

Мелодоръ ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказапъ тебѣ ничего новаго ; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякой даръ любви, и всякое слово любви производитъ благое дѣйсвіе. Часто самая проспая мысль, согрѣпая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣпа, разсвѣвающимъ густую, хладную пьму сердца нашего.

Подобно тебѣ смопрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ ; вздыхаю, подобно тебѣ, о

бѣдствіяхъ челоѳчеспва, и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа.

Но не уже ли, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Уже ли, въ опчаяннн гореспи, будемъ проклинашь мнръ, Природу и челоѳчеспво? Уже ли откажемся набѣки опъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бѣдѣспвія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое опвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ноци, спремишся къ благопворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія — въ часъ, когда всѣ спихнн угрожаютъ ему смертію — не теряетъ надежды, сражается съ волнами, и хватается рукою за плавущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись

опѣ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе руки Твоей, благо сердце теловѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!*

Уничтожься навѣки мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель — чуждое растѣніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что Провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣпи случая,

слѣпленіе апомовѣ, и болѣе ничего! Но гдѣ же топѣ безумный извергѣ, который захотѣлъ бы увѣришь меня въ сихъ спрашныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце, и скажу апейспу: ты безумецѣ!

Не уже ли, видя Бога въ естесвенномѣ мѣрѣ, видя руку Его въ печеніи планетѣ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временѣ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обипели, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномѣ нравсвенномѣ мѣрѣ, который по существу своему долженъ бытъ, естѣли смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ моральный не столь явсвенѣ для насѣ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходишь ли отѣ слабости нашего разума? Можешь бытъ единственно отѣ

шого мы и не поспигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая гармонія. Дай несвѣдущему творенія Локковы : что онъ скажетъ объ нихъ ? Дай ему сказку Кребилльонову : онъ восхищется ею. Последняя хороша въ своемъ родѣ ; но въ ней ли наиболее удивляетъ насъ умъ человеческой?—Можетъ быть по, что кажется смертному великимъ неуспроисвомъ, есть чудесное согласіе для Ангеловъ ; можетъ быть по, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Сія мысли ведутъ меня къ святилищу Божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному ; духъ мой, брэнсю плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное ; я упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всеворастающаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы не лъзя было ожидать опѣ Все-вышняго и пюгда, когда бѣ рука Его-возгла полько единое солнце на голубомѣ небесномѣ сводѣ? Но шамъ горяпѣ ихѣ билліоны. Тотѣ, Кипо великолѣпно прославилѣ Себя въ Напурѣ, великолѣпно прославилѣ Себя и въ челоѣчеспѣѣ. — Не будемѣ пребоватѣ опѣ вѣчной Премудроспи опчета въ темныхѣ пупяхѣ Ея; не будемѣ пребоватѣ пого для собспвеннаго нашего спокойспвія! — Знаешѣ ли, чпо всего болѣе пѣняетѣ меня въ дружбѣ? Довѣренность, копорую два сердца имѣюпѣ одно къ другому. Пуспѣ гнуѣное злословіе всѣми спрѣлами своими язвилѣ опда-леннаго Пипіаса: Дамонѣ внимаепѣ клеветѣ и сѣ презрѣніемѣ опвергаепѣ ее (*). *И вѣтъ! я знаю моего*

(*) Дамонѣ и Пипіасѣ—славные друзья въ древности.

друга; гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе. Мелодоръ! для чего къ Провидѣнію не имѣшь намъ той довѣренности, которую два человека могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и въ твою душу ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ конечно обратишь все къ цѣли общаго блага.

Сія драгоценная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное спрашными феноменами на театръ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучъ утѣшенія кротко озаритъ мракъ души твоей! — Горе той философіи, которая все рѣшивъ хочетъ! Теряясь въ лабиринтъ неизвѣстныхъ запрудненій, она можетъ довести насъ до отчаянія, и тѣмъ скорбе, чѣмъ есте-

спвенно-добрѣ сердце наше. Иногда, признаюсь тебѣ, я самъ бываю слабъ и печаленъ; отвращаюсь отъ свѣта, отъ людей, и говорю съ Грессепомъ:

Je suis mal où je suis, & je veux
être bien ;

душа моя спремился во мракъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ лѣсовъ, во мракъ — самага ничпожеспва; но я спараюсь уменьшашь число такихъ минутъ въ жизни моей, оживляя въ душѣ мысль о всетворящемъ Божеспвѣ, Которое не еспь Божеспво Лукреціево, не еспь Божеспво Эпикурово. „Развѣ Оно не любилъ человѣка?“ думаю самъ въ себѣ: „развѣ Оно не печется о судьбѣ людей? Развѣ мръ нашъ не въ Его рукъ вмѣстѣ съ милліонами другихъ мировъ?“ . . . Думаю, взираю на сводъ лазоревый; возношусь духомъ выше, выше—и взоръ мой

проясняется ; опираю слезы — и мирюсь, съ судьбою, мирюсь съ человеческимъ родомъ. Иду въ пихій кабинетъ свой, читаю добрыхъ философовъ, ушѣшиителей ; размышляю — и сравниваю жестокія попрясенія въ нравственномъ мѣрѣ съ Лиссабонскимъ или Мессинскимъ землетрясеніемъ, которое свирѣпствовало, разрушало и наконецъ утихло ; на берегахъ Тага снова возвыщается великолѣпный городъ — и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнью.

Будемъ, мой другъ, будемъ и нынѣ ушѣшаться мыслию, что жребій рода человеческого не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда нибудь переспанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человеческомъ сердцѣ, и не исчезнетъ вѣвѣки ; рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилоны ; но рано или поздно наста-

нея́ благодѣшная весна, и сѣмя
распустился отъ живошворнаго
дыханія зефировъ.

Вѣрю, и всегда буду вѣрить,
что добродѣтель свойственна че-
ловѣку, и что онъ сошворенъ для
добродѣтели. Кто не плѣняется
описаніемъ злапаго вѣка, вѣка не-
винности? Кто не проливаетъ
слезъ умиленія, внимая повѣспво-
ванію о дѣлахъ великодушія и ге-
ройства? Кто не любитъ вообра-
жать себя добрымъ, благодѣш-
нымъ существомъ? Мой другъ! я
былъ среди такъ называемыхъ про-
свѣщенныхъ народовъ, былъ среди
народовъ дикихъ, и видѣлъ, что ве-
здѣ, во всѣхъ спранахъ, человекъ
дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицомъ,
а добро съ пріятною улыбкою! . . .
Сія черта нравспвенности любезна
философу.

Соглашаюсь съ побою, что мы нѣ-
когда излишно величали осьмойна-
десять вѣкъ, и слишкомъ много

ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидають насъ лучшія времена; что природа чело-вѣческая болѣе усовершенствуется — на примѣрѣ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ — нравственность болѣе исправится, — разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на успроеніе мирнаго блага жизни, и зло насюущее послужитъ къ добру будущему.

Что принадлежитъ до мизософовъ, мой другъ, поони никогда, никогда поржествовать не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе пому виною? Развѣ науки не служатъ напроивъ пого средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянiю заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія?

Развѣ не истина, развѣ ложь естъ
 существо наукѣ?— Разогнемѣ кни-
 гу Исторіи: за что не лилась кровь
 человѣческая? На примѣрѣ, распри
 суевѣрія вооружали сына противѣ
 опца, брата противѣ брата; но ка-
 кой безумецѣ вздумаецѣ обвиняетѣ
 шѣмѣ самую Религію? Напротивѣ
 того не она ли обезоружила нако-
 нецѣ сихѣ фанатиковѣ, озаривѣ свѣ-
 помѣ своимѣ, свѣпомѣ любви и кро-
 постии, ихѣ пагубныя заблужденія?
 Нѣтъ, мой другѣ, нѣтъ! я имѣю
 довѣренность къ мудрости Власти-
 пелей, и покоенѣ; я имѣю довѣ-
 ренность къ благости Всевышняго,
 и покоенѣ. Нѣтъ! свѣшильникѣ
 наукѣ не угаснетѣ на земномѣ ша-
 рѣ. Ахѣ! развѣ не онѣ служатѣ
 намѣ опрадою въ гореспяхѣ? Развѣ
 не въ ихѣ мирномѣ свящилищѣ укрываемся мы отѣ всѣхѣ бурь житей-
 скихѣ? Нѣтъ, Всемогуцій не ли-
 шитѣ насѣ сего драгоценнаго утѣ-
 шенія добрыхѣ, чувствительныхѣ,

печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благопворно ; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели , доказывая намъ пѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ , и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей ; просвѣщеніе есть лекарство для испорченнаго сердца и разума ; одно просвѣщеніе живодейственною теплою своею можетъ изсушить сію пину нравственности , которая ядовитыми парами своими мерзвитъ все изящное , все доброе въ мірѣ ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный анкидопъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества ! — Кипо скажетъ мнѣ : науки вредны , ибо осмойнадесять вѣкъ , ими гордившійся , ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами ; тому скажу я : „осмойнадесять вѣкъ не могъ именовать себя со всѣхъ сторонъ просвѣщеннымъ , когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами.

Мысли твои о вѣчномъ возвышеніи и паденіи разума человѣческаго кажутся мнѣ — извини искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ; я не вижу ихъ основанія. Положимъ, что въ древней Азіи были многочисленные народы; но гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенія? Испорія застала людей во младенческомъ, въ начальной перспективѣ, которая не совместна съ великими успѣхами наукъ. Даже и въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствія ума, первые магазины знаній, въ которыхъ легкія истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденіями. Самые Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были ничто иное, какъ — милыя дѣти! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человѣкъ удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго опрока. Читай вмѣстѣ Платона и Боннеша, Ари-

спопеля и Локка—я не говорю о Кантѣ—и по помѣ скажи мнѣ, что была Греческая Философія въ сравненіи съ нашею? —

Для чего и теперь не думаешь намъ, что вѣки служатъ разуму лѣспвицею, по которой возвышается онъ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ Греческаго и Римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ которомъ однакожь, опѣ времени до времени, сверкали блестящія, зрѣлыя идеи ума) не послужило ли *объломомъ* къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ пѣмъ лучезарнѣе, и пѣмъ благошворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, которые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣпиль-

ники разума въ Европѣ, наконецъ сами просвѣтились, и новый еиміамъ воспурился Музамъ на земномъ шарѣ. —

Нѣтъ, нѣтъ! Сизифъ съкамнемъ не можетъ быть образомъ челоѳтества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ; и безпрестанно измѣняется. Прохладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ Исторіи никакихъ повтореній. Всякой вѣкъ имѣетъ свой особый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все несправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не спрашивается времени; одна истина пребываетъ вѣки! —

Природа уже не веселишь тебя?.. тебя, моего добраго, моего любезнаго Мелодора? Нѣтъ! пока чувствительное сердце бьется въ груди твоей, люби Природу; утѣшайся ею; ищи радости въ ея объятіяхъ! Люди, по несчастному заблужденію, могутъ быть злы: Природа никогда! Нѣтъ, Мелодоръ! будемъ всегда нѣжными чадами нѣжной матери; будемъ наслаждаться ея благоспѣію и безчисленными красотою! Иногда жаркая слеза выкапится изъ глазъ нашихъ: крошкѣй зефиръ осушитъ ее.

Въ отвѣтъ на горестное заключеніе письма твоего скажу: — „если ужасное пробужденіе описаннаго побою несчастливца было ничто иное — какъ новый сонъ; если онъ вѣпорично опокроетъ глаза; если всѣ ужасы вокругъ его исчезнутъ; если Морфей унесетъ ихъ съ собою въ царство ничтожества и тѣней?“

Мелодоръ! намъ не вѣкъ жить
 въ семъ мѣрѣ. Ударилъ часъ, и все
 переѣмнися! Съ сею любовію къ
 добродѣтели, которая была, естъ
 и будеть вѣчнымъ характеромъ ду-
 ши швоей, падемъ въ могилу и за-
 кроемся тихою землею! . . .

*Тамъ, тамъ, за сивимъ океа-
 номъ,*

*Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
 шамъ вѣнецъ безсмертія и радости
 ожидаетъ земныхъ спужениковъ!*

Д Е Р Е В Н Я .

Благословляю васъ, мирныя сельскія пѣни, густыя, кудрявыя рощи, душистые луга, и поля, златыми класами покрытыя! Благословляю шебя, кропкая рѣчка, и васъ, журчащія ручейки, въ нее текущія! Я пришелъ къ вамъ искать вдохновенія.

Давно уже душа моя не наслаждалась такою тишиною, такимъ совершеннымъ уединеніемъ, такою совершенною свободою. Я одинъ — одинъ съ своими мыслями — одинъ съ Природою.

Какъ мила Природа въ деревенской одеждѣ своей! Ахъ! она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества, — лѣта, проведенныя мною въ тишинѣ сельской, на краю

Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспитывался духъ мой въ проспошѣ еспешвенной; великіе феномены Напуры были первымъ предметомъ его вниманія. Ударъ грома, скапившійся надъ моею головою съ небснаго свода, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ Міроправителя; и сей ударъ былъ основаніемъ моей Религіи. — —

Вижу садъ, алеи, цвѣтники — иду мимо ихъ — осиновая роца для меня привлекапельнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство прошивно. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ, лучше Французскихъ и Англійскихъ садовъ. Всѣ сіи маленькія дорожки, пескомъ усыпанныя, обсаженныя березками и липками, производяшъ во мнѣ какое-то прошивное чувство. Гдѣ видны прудъ и работа, шамъ нѣшъ для меня удовольствія. Дерево пересаженное, обрѣзанное, подобно невольнику съ золотою цѣпью. Мнѣ кажешся, что оно не

такъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человекомъ, которой смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкается безъ любви. Напура лучше нашего знаетъ, гдѣ распи дубу, вязу, липѣ; человекъ мудритъ и поршитъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею — пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличиваетъ духъ мой. Рощи мои будутъ цѣлы — пусть заросають онѣ высокою правою! Паспушка пойдетъ искапать заблуждающейся овцы своей, и проложитъ мнѣ пропинку. Къ тому же я люблю преодолевать затрудненія — люблю продираеться сквозь чащу кустарника и раздѣлять сросшіяся вѣтви. Ядовитая змѣя услышитъ шорохъ и удалится отъ ноги моей. Листья, къ которымъ дыха-

ніе челоѡвѣческое рѣдко прикасаешся, свѣжбе и бальзамичнбе.

Не хочу я имѣть въ деревнѣ большого, високаго дому; всякая огромность пропивна сельской простотѣ. Домикъ какъ хижина, низенькой, со всѣхъ сторонъ освняемый деревьями — жилище прохлады и свѣжести — вопъ чего желаю! Не будешъ виду изъ оконъ — правда — но его и не надбно. Еспльи я, сидя въ своей комнаѣ, вижу прелесные ландшафты, по мнѣ не такъ скоро захочешся иппи гулять. Нѣтъ, гораздо лучше смотрѣть на нихъ съ какого нибудь холма. Да и какъ улыбнущся передо мною долины и пригорки, когда я взгляну на нихъ, вышедши изъ моего сумрачнаго жилища! Въ комнаѣ надбно только опдыхашъ или работаъ, а наслаждаъ въ полѣ.

Д е н ь м о й.

И челоѡвкъ просыпаешъ сїи пор-

жественные часы утра, когда бѣлая облака на позлащенныхъ хребтахъ своихъ выносятъ изъ безднѣ океана свѣтлозарнаго жениха Напурры, привѣспивуемаго громкими хорами живаго шворенія! — Молчу, и покланяюсь! — Удивительно ли, что младенцы человѣчества, чада дикой Природы, просподушные народы древности обожали сіе великолѣпное свѣшило, на все жизнь и свѣтъ изливающее? Оно естъ покровъ и одежда невидимаго Божества.

Какая свѣжестъ въ воздухѣ! Моря благоуханій волнуются между небомъ и землею, какъ между двумя берегами, раздѣленными великимъ пространствомъ.

Уже спада разсыпаются вокругъ холмовъ; уже блистаютъ косы на лугахъ зеленыхъ, поющихъ жаворонокъ въешся надъ прудящимся поселениномъ — и нѣжная Лавинія

приготовляетъ завтракъ своему Палемону.

Гуляю среди полей разноцвѣтныхъ. Здѣсь серебрился растѣніе Азіи ; памъ желтѣетъ колосистая рожь ; пупъ зеленѣетъ ячмень съ острыми иглами своими. Живописецъ! кисть твоя никогда не изобразитъ всѣхъ опшѣнокъ сей прекрасной карпины!

Возвращаюсь въ свое тихое жилище. Стаканъ густыхъ, желтыхъ сливокъ ожидаетъ меня : какъ они пріятны послѣ упренней прогулки! — Теперь перебираю книги свои ; нахожу Томсона — иду съ нимъ въ роцу, и чинпаю — кладу книгу подлѣ малиноваго кусточка, смопрю на высокія дерева, на густую зелень вѣтвей, копорая, при мерцающемъ свѣтѣ солнца, изъ тѣни въ тѣнь переливается ; слушаю разногласный шумъ листьевъ, споль отличнѣйшій опъ городского, Парижскаго, Лондонскаго

шуму — погружаюсь въ задумчивость, и по шуму снова берусь за книгу.

Время лепитъ, и часы мои показываютъ полдень. Выхожу изъ роши — солнце льетъ на меня пламя — вѣтерокъ не дышетъ — сребрящіяся листочки осинника не колеблются, легкое перо лежитъ на муравѣ неподвижно — василекъ повѣсилъ свою головку: песпря Сильфида опдыхаетъ на немъ. Все молчитъ, кромѣ спрекозы, сидящей подъ помною правкою — пчела съ сладкимъ запасомъ своимъ сокрылась въ улей — селянинъ покоится на бальзамической правѣ, имъ скощенной. Рѣчка журчитъ и маниетъ меня къ берегамъ своимъ — подхожу — ея струи прельщаютъ, влекутъ меня — не могу пропивиться сему влеченію, и бросаюсь въ пекущій кристаллъ. Двѣ ивы сплетаютъ надо мною зеленую бѣдду — лучь солнечный едва, едва

проницаешь сквозь кровь ея, и пешришь осѣненную воду. Прохлада освѣжаетъ мое сердце... Ахъ! пошъ не знаетъ одного изъ живѣйшихъ чувственныхъ удовольствій, кто въ жаркое время никогда въ рѣкѣ не купался!

Обѣдъ мой гоповъ — два блюда, самыя просныя, составляющъ его. — Сажусь подъ тѣнью вяза, распущаго прошивъ самыхъ оконъ моихъ; читаю ла-Фоншена, Грессета — книга изъ рукъ моихъ выпадаетъ, и спонкая дремоша на нѣсколько минутъ покрываетъ глаза мои. Флеромъ — зефиръ свѣваетъ его — пробуждаюсь, и чувствую легкой жаръ въ моей внупренности — услужливой садовникъ приноситъ мнѣ корзинку съ благовонною маминою... Какъ пріясны, освѣжительны сии сочные плоды щедрой Намуры! Ахъ! можно ли не любить ее за все то, чѣмъ она шѣшитъ и нѣжитъ челоѣка!

Жаръ проходитъ — иду на лугъ ботанизировать, какъ маленькой Коммерсонъ — люблюсь правками и цвѣточками — разсматриваю ихъ тонкія жилочки, зубчатые краешки, пестренькіе листочки, будто бы изъ тончайшаго шелка сопканные, по гладкіе, по пушистые — удивляюсь равнодушнымъ испареніямъ, разносвойственнымъ сокамъ, варимымъ въ цвѣточныхъ чашечкахъ искусною Природою — удивляюсь тонкимъ сосудамъ, въ которыхъ сіи пипашельные соки обращаются, и которые втягиваютъ во внутренность расптвнн живительный воздухъ. Срываю — и каждую правку, каждый цвѣточекъ бережно завершываю въ особливую бумажку. Возвращаясь въ свою комнату, разбираю, кладу ихъ на солнце, и не будучи многоученымъ Ботаникомъ, на каждое расптвнн пишу крапкія примѣчанія. На прим. „Сіи бѣлые цвѣточки съ желтою

„опшбнкою, на гладкомъ, темно-
 „зеленомъ, сочномъ спелбъ, при-
 „япны для глазъ, но еще пріятнбѣ
 „для обонянія. Когда сокроепся
 „дневное свбшило и вечерній мракъ
 „сгустипся въ прбстранствб воз-
 „духа, поди въ темную рошу: тамъ
 „нервы твои запрепещутъ отъ
 „небеснаго благоуханія, и ты въ
 „сладостномъ упоеніи чувствб вос-
 „кликнешь: *Ангелъ на крылахъ но-*
 „*ти спустился въ рошу! Нбнб! сіе*
 „благоуханіе изливаепся изъ коло-
 „кольчиковъ, копорые бблбются
 „въ густой справб, и по спра-
 „ведливости называются *красо-*
 „*тою ного.*“

Я слышу свирбль паспуха —
 спадо возвращаетъ въ деревню,
 и каждая овечка находитъ дворъ
 свой; но селянинъ еще не возвра-
 тился съ поля. — Какъ пріятенъ
 чай на чистомъ воздухб! Вечерніе
 ароматы лбются ко мнб въ чашку.
 Но я спбшу видбть конецъ луче-

зарнаго дня — спѣшу на высокой песчаной берегѣ излучистой рѣчки. Тамъ обширной гладкой лугѣ предспавляется глазамъ моимъ — и за симъ лугомъ, по свѣплому небу, капится вечернее солнце, въ шихомъ велелѣпнн и въ кропкомъ величествѣ. Уже достигаепѣ оно до врапѣ запада — мерцаепѣ за понкимъ, заповолнующимся облакомъ — распопляепѣ его лучами своими — являепѣ снова во всей полнопѣ своей — бросаепѣ на землю блескѣ и сїаніе — и скрываетѣся. Вечерняя заря адѣепѣ шеперь на западѣ. — Такѣ мудрый и добродѣтельный мужѣ, котораго жизнь была благопворнымъ свѣпиломъ для нравственныхъ существѣ, собратїй его, тихо и великолѣпно приближаетѣся къ цѣли своего шеченїя. Пылкое воображенїе сѣ лѣшамн прохладаетѣся, но разумѣ не шемнѣепѣ и на западѣ жизни; спокойное величешво блиспаепѣ на

челѣ мудраго и въ самое по время, когда мрачная могила передѣ нимѣ разверзается ; послѣдній ясный взорѣ его естъ послѣднее благодѣяніе для человѣчества. Онѣ скрывается, но память его сіяетѣ въ мірѣ какѣ заря вечерня.— Я преклоняю колѣна. Всемогущій! сердце мое Тебѣ открыто : исполни его желаніе , дѣстойное человѣка!

Величественная ночь несется на черныхѣ орлахѣ своихѣ ; ея темная мантия развѣвается по воздуху , и все на землѣ засыпаетѣ.

Я одинѣ иду по тихой равнинѣ, въ молчаніи , въ глубокой задумчивости. Но вдругѣ душа моя содрогается отѣ внезапнаго блеска огненныхѣ лучей. Смопрю на воспочное небо — шамѣ въ сизыхѣ тучахѣ блискаетѣ молнія , и освѣщаетѣ передо мною развалины старой церкви и густою правою заросшия могилы. Съ другой стороны восходитѣ свѣтлая луна ; не-

бо вокругъ ея чисто.—Такъ мракъ
и свѣтъ, порокъ и добродѣтель,
буря и спокойствіе, скорбь и ра-
досць, совокупно владычествують
въ нашемъ мѣрѣ!

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ И НАРОД-
НОЙ ГОРДОСТИ.

Любовь къ отечеству можетъ быть
физическая, моральная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего
рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ
людей и народовъ; есть дѣло При-
роды, и должна быть названа *фи-
зическою*. Родина мила сердцу не
мѣстными красотою, не яснымъ
небомъ, не пріятнымъ климатомъ,
а плѣнительными воспоминаніями,
окружающими, такъ сказать, ут-
ро и колыбель человѣчества. Въ
свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни;
она есть первое щастіе — а на-
чало всякаго благополучія имѣетъ
для нашего воображенія какую-то

особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапланецъ, рожденный почти въ гробъ Природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ щастливую Ипалію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему опечесство! — Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ челоѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ Мѣдики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ жительство Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Уншервальденъ, въ суровой Гларисѣ, жи-

ваешѣ. Всякое распѣніе имѣешѣ болѣе силы въ своемѣ климатѣ : законѣ Природы и для человекѣ не измѣняется. — Не говорю, чѣобы еспешвенныя красоты и выгоды опчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкопорыя земли, обогащенныя Природою, могушѣ бышѣ шѣмѣ милѣе своимѣ жипелямѣ; говорю только, чѣпо сія красоты и выгоды не бываюшѣ главнымѣ основаніемѣ физической привязанности людей къ отеческву : ибо она не была бы тогда общею.

Сѣ къмѣ мы росли и живемѣ , къ шѣмѣ привыкаемѣ. Душа ихѣ *сообразуется* сѣ нашею ; дѣлаешѣ нѣкопорымѣ ея зеркаломѣ ; служипѣ предметомѣ или средспвомѣ нашихѣ моральныхѣ удовольствій , и обращаешѣ въ предметѣ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамѣ , или къ людямѣ , сѣ копорыми мы росли , воспшывались и живемѣ , еспѣ вторая или

моральная любовь къ отечеству, споль же общая, какъ и первая, мѣспная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣпахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единокотцевъ, которые въ чужой землѣ находясь другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единокотцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуя всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ

колецѣ или звеньевѣ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мѣрѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой Напурѣ, случилось мнѣ вспрѣшпшь Голландскаго Папріота, который, по ненависти къ Шпапгальшеру и Ораниспамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасной домикъ, физической Кабинетъ, библіотека; сидя подѣ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую карпину Природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Опвѣпъ Голландскаго флегмашика удивилъ меня своею живостію: „Никпо не „можетъ быть щаспливъ внѣ сво- „его отечества, гдѣ сердце его „выучилось разумѣть людей, и об- „разовало свои любимыя привычки. „Никакимъ народомъ не лзя замѣ- „нить согражданъ. Я живу не съ

„пѣми, съ кѣмъ жилъ до лѣтъ, и
 „живу не пакъ, какъ жилъ до лѣтъ:
 „спрудно пріучаю себя къ ново-
 „спямъ, и мнѣ скучно!“

Но физическая и моральная привязанность къ опечесиву, дѣйствіе Напуры и свойствъ чловѣка, не составляютъ еще поей великой добродѣтели, копорю славились Греки и Римляне. Папріопизмъ еспъ любовь ко благу и славѣ опечесива, и желаніе способствоватъ имъ во всѣхъ опношеніяхъ. Онъ пребуеетъ разсужденія — и по тому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая Философія еспъ та, копорая основываетъ должно-сти чловѣка на его щастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу опечесива, ибо съ нею неразрывна наша собспвенная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его пишина и добродѣтели служатъ щипомъ се-

мейспвенныхъ наслажденій ; что слава его есть наша слава ; и еспь-ли оскорбительно челоуѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, по не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго опечества. Такимъ образомъ любовь къ собспвенному благу производитъ въ насъ любовь къ опечеству, а личное самолюбие гордоспъ народную, копорая служитъ опорой Папріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами ; такъ Англичане, копорые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Папріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много Папріотовъ ; но мнѣ кажется, что мы излишно *смирены* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ— а смиреніе въ Политикѣ вредно. Кпо самого себя не уважаетъ, по-

го безъ сомнѣнія и другіе уважають не будущъ.

Не говорю, чшобы любовь къ отечеству долженствовала ослаблять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Руской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ щасливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; спанемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повспремъ его съ благородною гордостью.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чшобы возвысить наше происхождение; слава была колыбелю народа Рускаго, а побѣда вѣспницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легионы. Испорики Ви-

занпійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ , какъ о чудесныхъ людяхъ , копорымъ ничпо не могло пропи- вишься, и копорые опличались опъ другихъ Сѣверныхъ народовъ не полько своею храброспю , но и ка- кимъ по рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девяпомъ вѣкѣ иг- рали и забавлялись ужасомъ по- гдашней новой сполиты міра: имъ надлежало полько явипись подъ спѣнами Констанпинополя, чпобы взяшь дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Рускіе, всегда превосходные храброспю , не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи , имѣя по Религій пѣсную связь съ Ца- ремъ-градомъ, копорый дѣлился съ нами плодами учености ; и во время Ярослава были переведены на Сла- вянской языкъ многія Греческія книги. Къ чести швердаго Рускаго характера служипъ по, чпо Кон- станпинополь никогда не могъ при-

своишь себѣ полипическаго вліянія на опечество наше. Князья любили разумѣ и знаніе Грековѣ, но всегда гошовы были оружіемѣ наказашъ ихѣ за малѣйшіе знаки дерзоспи.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей пригословили шоржесшво Ченгисѣ-Хановыхѣ попомковѣ и наши долговременныя бѣдсшвія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамѣ рока, но и вѣ самомѣ нещасшіи являють свое величіе. Такѣ Россія, шерзаемая люпымѣ врагомѣ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное испребленіе спыду рабсшва. Жипели Владимира, Чернигова, Кіева принесли себя вѣ жершву народной гордоспи, и шѣмѣ спасли имя Рускихѣ опѣ поношенія. Испорикѣ, упомленный сими нещасшными временами, какѣ ужасною безплодною пуспынею, опдыхаешѣ на могилахѣ, и находипѣ оп-

раду въ шомъ, чшобы оплакивать смерть многихъ dospойныхъ сыновъ опечесшва.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ ухахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши успрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на пронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно опмспилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на пресполѣ рѣшительному, смѣлому Государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкопораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣспили свое пробужденіе.

Время Самозванцевъ предспае- ляетъ опять гореспную карпину мятежа; но скоро любовь къ опечесшву воспламѣняетъ сердца — граждане, земледѣльцы пребуютъ

военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служивъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни опечесвѣ, отдаетъ ему все, что имѣетъ. . . Древняя и новая Исторія народовъ не представлятъ намъ ничего прогипетельнѣе сего общаго, геройскаго Папріопизма. Въ царствованіе АЛЕКСАНДРА позволено желать Рускому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ опечесвѣ), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Руской Истории. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запрешилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ *С.Г.О. щастливое* время.

ПЕТРЪ Великій, соединивъ насъ

сѣ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизи́лъ народную гордоспъ Рускихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, лѣтѣли сражаться сѣ первую Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учипелей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто пвердятъ о своихъ ужасныхъ шпыкахъ, бѣжали въ Испаліи отъ перваго взмаха шпыковъ Рускихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужеспво еспъ

великое свойство души; народъ, имъ опличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались какъ нужнѣйшимъ для утверждения государственнаго бытія нашего; однакожь не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудросію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, копорыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, понѣ общества, вкусъ въ жизни, удивляющъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, копорый въ началѣ осьмаго-надесять вѣка считался варварскимъ.

Зависники Рускихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *перилитивость*; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго

образованія души? Сказываюшѣ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну *переизлишность*.

Въ Наукахъ мы споимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое соспояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на примѣръ, въ Германіи, Англии, и проч. Если бы наши молодые дворяне *угасъ могли доучиваться* и посвящали себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннеповъ. Успѣхи Липпературы нашей (которая пребуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя Науки) доказываюшѣ великую способносѣ Рускихъ. Давно ли знаемъ, что такое слоги въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ ше-

спомѣ - надесять вѣкѣ философ-
спововаль и писалъ Монпанъ: чудно
ли, что они вообще пишущѣ луч-
ше насъ? Не чудно ли, напропивъ
шого, что нѣкоторые наши произ-
веденія могутъ стоятъ на ряду съ
ихъ лучшими, какъ въ живоспи мы-
слей, такъ и въ оппѣнкахъ слога?
Будемъ только справедливы, лю-
безные сограждане, и почувствуемъ
цѣну собственнаго. Мы нико-
гда не будемъ умны чужимъ умомъ
и славны чужою славою: Француз-
скіе, Англійскіе Авторы могутъ
обойтись безъ нашей похвалы; но
Рускимъ нужно по крайней мѣрѣ
вниманіе Рускихъ. Расположеніе
души моей, слава Богу! совсѣмъ
прошивно сапирическому и бран-
ному духу; но я осмѣлюсь попе-
нять многимъ изъ нашихъ люби-
телей чтенія, которые, зная луч-
ше Парижскихъ жипелей всѣ про-
изведенія Французской Липпера-
шуры, не хопятъ и взглянуть на

Рускую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы уведомляли ихъ о Рускихъ паланшахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе крипическіе Журналы, копорые опдаютъ справедливостъ нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкопорымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламбершову мамку, копорая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала опъ другихъ, что онъ умной человекъ? Нѣкопорые извиняются худымъ знаніемъ Рускаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оспавимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ Дамамъ ушверждашь, что Руской языкъ грубъ и не пріятенъ; что *charmant* и *séduisant*, *expansion* и *vapeurs* не

(*) Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ Ломоносова Одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ.

могутъ быть на немъ выражены ; и что, однимъ словомъ, не споймъ пруда знашь его. Кто смѣетъ доказывать Дамамъ, что онъ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной Поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богаче гармонією, нежели Французской ; способнѣе для изліянія души въ стихахъ ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ : выгода, которую имѣютъ одни коренные языки ! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-Французски, и не думаемъ прудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка : мудрено ли, что не умѣемъ изяснять имъ нѣкоторыхъ поноспей въ разговорѣ ? Одинъ иностранной

Министръ сказалъ при мнѣ, что „языкъ нашъ долженъ быть весьма поменъ, ибо Рускіе, говоря имъ, по его замѣчанію не разумѣютъ другъ друга, и поспѣшъ должны прибѣгать къ Французскому.“ Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? — Языкъ важенъ для Папріота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хопятъ *свистать и шипѣть* по-Англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говоришь чужимъ языкомъ, извѣспнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человекъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую морально!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что шамъ носятъ, въ чемъ

бздяпѣ, и какѣ убираютѣ домы? Патриотѣ сѣбѣшнѣ присвоитѣ опечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетѣ рабскія подражанія въ бездѣлкахѣ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учитьсѣ; но горе и челѣвкѣ и народу, которыи будетѣ всегдашнимѣ ученикомѣ!

До сего времени Россія безпре-
спанно возвышалась какѣ въ поли-
пическомѣ, такѣ и въ моральномѣ
смыслѣ. Можно сказать, что Ев-
ропа годѣ отѣ году насѣ болѣе
уважаетѣ — и мы еще въ срединѣ
нашего славнаго печенія! Наблю-
дапель вездѣ видипѣ новыя *отра-*
сли и развитія; видипѣ много пло-
довѣ, но еще болѣе цвѣща. Сим-
волѣ нашѣ есть пылкѣи юноша:
сердце его, полное жизни, любитѣ
дѣятельность; девизѣ его есть:
труды и надежда! — Побѣды очи-
спили намѣ путь ко благоденствію;
слава есть право на щастіе.

пѣшь вражды Агамемноновой
 съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
 или, слѣдуя Виргилію,
 плышь отъ Трои разоренная
 съ хипрымъ сыномъ Афродипинымъ
 къ злачнымъ берегамъ Италіи.
 Не желаю въ Миѳологіи
 черпашъ дивныхъ, спраннымъ вы-
 мысловъ.

Мы не Греки и не Римляне;
 мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
 мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
 могъ любезнаго родителя
 преврапишь въ урода жалкаго;
 чтобы Леды были — курицы,
 и несли весною яйца;
 чтобы Поллуксы съ Эленами
 родились отъ бѣлыхъ лебедей.
 Намъ другія сказки надобны;
 мы другія сказки слышали
 отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
 Я намѣренъ слогомъ древности
 рассказать шеперь одну изъ нихъ
 вамъ, любезные чипапели,
 естли вы въ часы свободные

удовольствіе находише'
 въ Рускихъ басняхъ, въ Рускихъ по-
 вѣспяхъ,
 въ смѣси былей съ небылицами,
 въ сихъ игрушкахъ мирной празд-
 носпи,
 въ сихъ мечтахъ воображенія.
 Ахъ! не все намъ горькой истиной
 мучить помныя сердца свои!
 ахъ! не все намъ рѣки слезныя
 лишь о бѣдствіяхъ существенныхъ!
 На минупу позабудемся
 въ чародѣйствѣ красныхъ вымы-
 словъ!

Не хочу я на Парнасѣ иппи;
 нѣтъ! Парнасѣ гора высокая,
 и дорога къ ней не гладкая.
 Я видалъ, какъ наши выпязи,
 наши стихо-риемо-дѣтели,
 упиваясь одобріемъ,
 лѣзущъ на вершину Пиндову,
 обступаются и внизъ лепящъ,
 не съ вѣнцами и не съ лаврами,
 но съ ушами (ахъ!) ослиными,

для позорища насмѣшникамъ!
 Нѣмъ, любезные чипашели!
 я прошу васъ не пуда съ собой.
 Близъ моей смиренной хижины,
 на берегу рѣки прозрачныя,
 роща древняя, дубовая,
 насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
 Тамъ мой дѣдушка на староспи
 въ жаркой полдень опдыхалъ всегда
 на колѣняхъ милой бабушки;
 тамъ виситъ его пернапый шлемъ;
 тамъ виситъ его булапный мечъ,
 коимъ онъ враговъ опечеспва
 за гордыню ихъ наказывалъ —
 (кровь Турецкая и Шведская
 и шеперь еще видна на немъ).
 Тамъ я сяду на берегу рѣки,
 и подвѣвнью древъ развѣсиспыхъ
 буду повѣспъ вамъ рассказывать.
 Тамъ вы можепеш пихохонько,
 еспшли скучно вамъ покажешся,
 раза два зѣвнувъ, сомкнущъ глаза.

Ты, копорая въ подсолнечной
 всюду видима и слышима ;

пы, копорая какъ богъ Пропей
 всякой образъ на себя берешь,
 всякимъ голосомъ умѣешь пѣшь,
 удивляешь, забавляешь насъ, —
 все вѣщаешь, кромѣ --- истины;
 объявляешь съ газетпирами
 сокровенности полипики ;
 сочиняешь съ стихопворцами
 знашнымъ похвалы прекрасныя,
 величаешь Панпомороса (*)
 славнымъ, безпримѣрнымъ авпо-
 ромъ ;
 съ Алхимистпомъ открываешь намъ
 пайну камня философскаго ;
 изъясняешь съ системашикомъ
 связь души съ тѣлесной сущностью
 и свободы человѣческой
 съ непремѣнными законами ; —
 пы, копорая съ Людмилою
 нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
 мнѣ сказала : *я люблю тебя!*
 о богиня свѣта бѣлаго —
ложь, неправда, призракъ истины!

(*) То есть обер-дурака.

будь шеперь моей богинею,
 и цвѣтами луга Рускаго
 уברי героя древности,
 величайшаго изъ випязей,
 чудодѣя *Илью Муромца!*
 Я обѣ немѣ хочу бесѣдовать, —
 обѣ его безсмертныхъ подвигахъ.
 Ложь! съ побою не учишься мнѣ
 небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилось
 на лазури неба чистаго,
 и лучами злапа яркаго
 освѣщило рощу шихую,
 холмъ зеленый и цвѣпущій долѣ.
 Улыбнулось все пвореніе ;
 воды съ блескомъ заспруилися ;
 правки, ночью осѣбженныя,
 и цвѣпочки благовонныя
 растворили воздухъ упренній
 сладкимъ духомъ, аромашами.
 Всѣ кусточки оживилися,
 и пернапыя малюпочки,
 конопляночка съ малиновкой,
 вѣнѣжныхъ пѣсняхъ славишь **начали**

день, безопасность и спокойствие.
 Никогда въ Россійской области
 не бывало упродѣлнее
 веселѣе и прекраснѣе.

Кпо жь симъ упродѣлняется?
 Кпо на спашномъ соловомъ конѣ,
 черныи щипѣ держа въ одной рукѣ,
 а въ другой копье булачное,
 ѣдетъ по лугу какъ грозныи царь?
 На главѣ его пернапыи шлемѣ
 съ золопою, свѣсплой бляхою ;
 на бедрѣ его спяжелыи мечъ;
 лапы, солнцемъ освѣщенныи,
 сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
 Кпо сей вишязь, богапырь молодой?
 Онѣ подобенѣ Маю красному :
 розы алыи съ лилеями
 расцвѣпаютъ на лицѣ его.
 Онѣ подобенѣ миршу нѣжному:
 спонокѣ, прями и величавѣ собой.
 Взорѣ его быспрѣй орлинаго,
 и свѣсплѣе ясна мѣсяца.
 Кпо сей рыцарь?—Илья Муромецѣ.
 Онѣ пробхалѣ дикой шемной лѣсѣ,

и глазамъ его является
поле гладкое, обширное,
гдѣ Природою разсыпаны
въ изобиліи дары земли.
Випись Геснера не чипывалъ ;
но имѣя сердце нѣжное,
любовался красою дня;
пихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
и въ душѣ своей чувствительной
жертву упреннюю, чистую,
приносилъ Царю небесному.
„Ты, Которой украшаешь все,
„Руской Богъ и Богъ вселенныя!
„Ты, Которой надѣляешь насъ
„всѣми благами щедротъ Своихъ!
„будь всегда моимъ помощникомъ!
„Я клянуся вѣчно слѣдовать
„богашырскимъ предписаніямъ
„и усавамъ добродѣтели,
„быть защитникомъ невинности,
„бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ
вдовъ,
„и наказывать мечемъ своимъ
„злыхъ пирановъ и волшебниковъ,
„устрашающихъ сердца людей!“ —

Такъ герой нашъ размышлялъ въ
себѣ,

и повсюду обращая взоръ,
за кустами, впереди себя,
надъ спруями рѣчки бысприя,
видитъ свѣтло-голубой шаперъ,
видитъ ставку богатырскую,
съ золопою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
и спучитъ копьемъ въ желѣзный
щипъ;

но отвѣту богатырскаго
нѣтъ на спукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляетъ по лугу,
не осѣдланый, не взнузданный, —
щиплетъ правку ароматную,
и слѣды подковъ серебряныхъ
оспаляетъ на росѣ цвѣшовъ.
Не выходишь випязь къ випязю
поклонишься, ознакомишься.

Удивляется нашъ Муромецъ ;
смотря на небо и думаетъ :
„солнце выше горъ лазоревыхъ,
„а Россійской богатырь въ шапръ

„не уже ль еще покоится?“ —
 Онъ пускаетъ на зеленой лугъ
 своего коня надежнаго,
 и всупадаетъ смѣлой поспуью
 въ ставку съ золопою маковкой.

Для чего Природа дивная
 не дала мнѣ дара чуднаго
 нѣжной кистию прельщать глаза,
 и писать живыми красками
 съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
 Ахъ! тогда бы я представилъ вамъ,
 что увидѣлъ випязь Муромецъ
 въ ставку съ золопою маковкой.
 Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
 безпримѣрную красавицу,
 всѣхъ любезностей собраніе,
 рѣдкость милыхъ женскихъ преле-
 стей;
 вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли,
 какъ она пріяпнымъ, шихимъ сномъ
 наслаждалась въ голубомъ шапрѣ,
 размешавшись на цвѣпной правѣ:
 какъ ея густые волосы,
 свѣшлорусые, волнисшые,

и сѣдло съ блестящей осыпью
на правѣ лежали вокругъ ее.

Сердце швердое, геройское,
швердо въ битвахъ и сраженіяхъ
со врагами добродѣтели —
швердо въ бѣдспвіяхъ, опасностяхъ;
но не швердо прошивъ женскихъ
спрѣлъ,
мягче воску бѣлояраго
прошивъ нѣжныхъ, милыхъ преле-
стей.

Випязь зналъ красавицъ множество
въ безпредѣльной Руской области,
но такой еще не видывалъ.

Взоръ его не отвращается
отъ румянаго лица ея.

Онъ боится разбудить ее;
онъ досаждаетъ, что сердце въ немъ
бьется съ частымъ, сильнымъ пре-
петомъ;

онъ дыханіе въ груди своей
останавливать старается,
чтобы долѣ красавицу
безпрерывственно разсматривать

Но ему опять желается,
 чпобѣ красавица очнулась вдругѣ;
 ему хочется глаза ея —
 вѣрно свѣплые, любезные —
 видѣшь подѣ бровями черными;
 ему хочется внимать ея
 гласу шихому, пріятному;
 ему хочется узнать ея
 любопытную испорію,
 и откуда, и куда она,
 и за чѣмѣ дѣвица красная
 (випись думалѣ и угадывалѣ,
 чпо она была дѣвицею)
 вѣдиль по свѣпу геройствовать,
 подвергается опасностямѣ
 жизни прудной, жизни рыцарской,
 не щадя весеннихѣ прелестей,
 не бояся жара, холода.
 „Руки слабой, плѣнной женщины
 могутѣ шить серебромѣ и золотомѣ
 вѣ красномѣ и покойномѣ шеремѣ,—
 не мечемѣ и не копьемѣ владѣшь;
 могутѣ друга, сердцу милаго,
 жать свѣ любовью кѣ сердцу нѣж-
 ному,—

не гиганшовъ на поляхъ разить.
 Ешлы кпо изв злыхъ волшеб-
 никовъ
 вб плбнв возьметъ дбвицу юную :
 ахъ! чего злодбй безчувспвенной
 сб нею вб ярости не сдблаешъ?“—
 Такъ Илья сб собой бесбдуешъ,
 и взираешъ на прекрасную.

Время быспрою спрблой лешипъ;
 часъ проходимъ за минушми,
 и за ушромъ полдень слбдуешъ —
 незнакомка спипъ глубокимъ сномъ.

Солнце кб западу склоняешся,
 и сб ээирною прохлагою
 вечеръ сходитъ сб неба яснаго
 на луга и поле чистое —
 незнакомка спипъ глубокимъ сномъ.

Ночь на облакб спускаешся,
 и гуспыя пшмы покровами
 одбваешъ землю шихую ;
 слышно ручейковъ журчаніе,
 слышно эхо опдаленное,

и въ кусточкахъ соловей поетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Тщепно выпязь дожидается,
чтобы грудь ея высокая
вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
чтобы она рукою бѣлою
хотя разъ шихонько пронулась,
и открыла очи ясныя!
Незнакомка спитъ по прежнему.

Онъ садится въ голубомъ шапрѣ,
и взирая на прекрасную,
видитъ въ самой шемношѣ ночной
красоту ея небесную,
видитъ—въ пронушой душѣ своей,
и въ своемъ воображеніи;
чувствуеетъ ея дыханіе,
и не мысливъ успокоиться
въ часъ глубокія полуночи.

Ночь проходитъ, наступаетъ день;
день проходитъ, наступаетъ ночь—
незнакомка спитъ по прежнему.

Рыцарь нашъ сидитъ какъ вкопаной;
забываетъ пищу, нужный сонъ.
Всякой часъ, минуя каждую
онъ находилъ нѣчто новое
въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
и—недѣли цѣлой нѣтъ въ году!

Здѣсь, любезные чипапели,
должно будетъ изясниться намъ,
уничтоживъ возраженія
спрогихъ, блѣднлицыхъ крипи-
ковъ :

„какъ Илья, хопя и Муромецъ,
хоть и вишязь Руси древняя,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
не вставая, на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ ротъ не брать, дремы не чув-
ствовать?“

Вы слышали, какъ монахъ святой,
наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
райской песнрой конопляночки,
могъ безъ пищи и безъ сна про-
быть
не недѣлю, но сполѣтіе.

Развѣ г релеспи красавицы
 не имѣютъ чародѣйствія
 райской песпрой конопляночки?
 О друзья мои любезные!
 естли бѣ знали вы, чпо женщины
 могутъ дѣлать съ нами бѣдными!..
 Ахѣ! спросите спариковѣ сѣдыхѣ;
 ахѣ! спросите самого меня...
 и краснѣя, вамѣ признаюся,
 чпо волшебный видѣ прелестницы—
 не хочу шеперь назвашь ее! —
 былѣ мнѣ пищею небесною,
 Олимпійскою амброзіей;
 чпо я радѣ былѣ цѣлый вѣкѣ не
 спать,
 лишь бы видѣшь могѣ жестокую!..
 Но боюся говоришь обѣ ней,
 и къ Герою возвращаюся.

„Чпо за чудо! рыцарѣ думаетѣ:
 я слыхалѣ о богатырскомѣ снѣ;
 иногда онѣ продолжается
 при дни сѣ часомѣ, но не болѣе;
 а красавица любезная...“
 Тутѣ онѣ видитѣ муху черную

VII.

на ея устахъ малиновыхъ ;
 забываетъ разсужденія,
 и рукою богатырскою
 гонитъ злаго насѣкомаго ;
 машетъ пальцемъ указательнымъ,
 (гдѣ сіялъ большой златой перстень,
 съ палисманомъ *Велеславинымъ*) —
 машетъ, пихо прикасается
 къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
 и красавица любезная
 растворяетъ очи ясныя!

Кто опишетъ милый взоръ ея,
 кто улыбку пробужденія,
 ту любезность несказанную,
 съ коей, вставъ, она привѣтствуетъ
 незнакомаго ей рыцаря?
 „Долго бѣ спавъ мнѣ непрерыв-
 нымъ сномъ,
 юный рыцарь! (говоритъ она),
 естли бѣ ты не разбудилъ меня.
 Сонъ мой былъ очарованіемъ
 злаго, хитраго волшебника,
Серномора ненавистника.
 Вижу перстень на рукѣ твоей,

перспень добрыя волшебницы,
Велеславы благодѣтельной:
 онѣ своею пайной силою,
 прикоснувшись къ моему лицу,
 уничтожилъ заклинаніе
Черномора ненавистника.“

Випязъ снялъ съ себя пернапый
 шлемъ :

чернобархатные волосы
 по плечамъ его разсыпались.
 Какъ заря алѣетъ на небѣ,
 разливаясь въ морѣ розовомъ
 предъ восходомъ солнца краснаго :
 такъ румянецъ на щекахъ его
 разливался въ аломъ пламени.
 Какъ роса сіяетъ на полѣ,
 осребренная свѣтиломъ дня,
 такъ сердечная чувствительность
 въ маслѣ глазъ его свѣтилася.
 Спя съ видомъ милой скромности
 предъ любезной незнакомкою,
 тихимъ и дрожащимъ голосомъ
 онѣ красавицѣ отвѣщиваетъ:
 „даръ волшебницы любезныя
 милъ и дорогъ моему сердцу ;

я ему обязанъ щастіемъ
видѣшь ясный свѣтъ очей твоихъ“.—
Взоромъ нѣжнымъ, выразительнымъ
онъ сказалъ гораздо болѣе.

Тутъ красавица примѣшила,
что одежда полопняная
не шемница для красоты ея;
что любезный рыцарь-юноша
догадаться могъ легохонько,
гдѣ подъ нею что шайлося - - -
такъ сѣдый шуманъ, волнуясь
надъ долиною зеленою,
не совсѣмъ скрываетъ холмики,
посреди ея цвѣтушіе;
глазъ внимательнаго спранника
сквозь волненіе шуманное
видишь ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ пошупила —
закраснѣлася какъ маковъ цвѣтъ,
и взялась рукою бѣлою
за доспѣхи богатырскіе.
Рыцарь понялъ, что красавица

безъ свидѣтелей желается
 нарядиться юнымъ випяземъ.
 Онъ изъспавки вышелъ бережно —
 посмопрѣлъ на небо синее —
 прислонился къ вязу гибкому —
 бросилъ шлемъ пернапый на землю,
 и рукою подперъ голову.

Чшо онъ думалъ, — мы не скажемъ
 вдругъ;

но въ глазахъ его задумчивость
 почно такъ изображалася,
 какъ въ ручьѣ густое облако;
 томный вздохъ изъ сердца выле-
 шѣлъ.

Конь его, поварищъ вѣрный другъ,
 видя рыцаря, бѣжитъ къ нему;
 ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
 поднимая гриву бѣлую,
 извивая хвостъ изгибистый.

Но Герой нашъ нечувствивеленъ
 къ ласкамъ, къ радости поварища,
 своего коня надежнаго;
 онъ споишъ, молчитъ и думаетъ.
 Долго ль, долго ль думаешь Му-
 ромцу?

Нѣтъ, не долго: — раскрываюшся
 полы свѣшлоголубой спавки,
 и глазамъ его являешся
 незнакомка въ видѣ рыцаря.
 Шлемъ пернашый развѣвается
 надъ ея челомъ возвышеннымъ.
 Героиня подпираешся
 копіемъ съ булашнымъ остриемъ;
 мечъ блиспаешъ на бедра ея. —
 Въ ту минушу солнце красное
 возсіяло ярче прежняго,
 и лучи его съ любовію
 пролилися на красавицу.

Съ кропкой, нѣжною улыбкою
 смоприпѣ милая на выпязя,
 и движеньемъ глазъ лазоревыхъ
 говоришъ ему: — „мы можемъ
 съспѣ
 „на правѣ благоухающей
 „подъ сѣнистыми кусточками.“ —
 Рыцарь скоро приближается,
 и садится съ Героинею
 на правѣ благоухающей
 подъ сѣнистыми кусточками.

Двѣ минушы продолжается
ихъ глубокое молчаніе ;
въ шрешью чудо совершается ---

(Продолженіе впереди).

РАЗГОВОРЪ о ЩАСТІИ.

ФИЛАЛЕТЪ и МЕЛОДОРЪ.

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Нѣсколько минути смотрю на себя, и жалю, что я не живописецъ: не лзя найти лучшей модели для изображенія бога задумчивоспи.

М Е Л О Д О Р Ъ .

Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — *(Подаетъ ему руку).*

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Что, ежли смѣю спросить, занимаетъ пвое глубокомысліе? Философскій камень, безпреспанное движеніе, связь души съ тѣ-

ломъ, средство сдѣлать безумцевъ
умными : не правда ли ?

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ты почти угадалъ. Я думалъ...
о средствѣ быть щасливымъ въ
жизни. Это сѣище Философскаго
камня.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Съ нѣкоторой стороны.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезной другъ,
начпо мы спрудимся, учимся, чи-
шаемъ, пишемъ, споримъ—и Богъ
знаетъ, чего не дѣлаемъ—когда не
умѣемъ найти благополучія въ жи-
зни ? Я представляю себѣ здѣшній
свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на
поршикахъ, на периспиль, на колон-
нахъ, вездѣ сияетъ надпись: *Щастію!*
Вхожу во внутренность : гремятъ
хоры—*Щастію!* Вижу безчисленное
множество людей : спѣшатъ, пѣ-
снятся, проспираютъ руки — ко
Щастію, единственному божеству
храма ; но божество . . . невидимо!

Молясь съ усердіемъ, зовущъ его: оно не является! Герой манищъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, любовникъ мирноюю вѣпью, роскошной блескомъ сокровищъ своихъ : оно не является! Здѣсь проливаютьъ слезы, памъ другихъ заставляютьъ плакать — все для щасія ; но оно глухо, слѣпо — не слушаетъ моленій, не сморитъ на жертвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Довольно Поэзіи, но мало утѣшенія!

М Е Л О Д О Р Ъ.

Утѣшенія! гдѣ найши его въ эпомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я сморѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и гошовъ прыгнушь съ земнаго шара.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Друзья схватяютьъ себя за руку,

будутъ просить , кланяясь — и
нѣжной , снисходительной Мелодоръ
оспанется съ ними.

МЕЛОДОРЪ.

Развѣ только для нихъ ; а мнѣ
право уже наскучило бытъ Дон-
Кишотомъ , гоняясь за вообража-
емою Дульцинею , за пустою меч-
пою , и смѣшивъ холодныхъ лю-
дей моими пламенными вздохами.

ФИЛАЛЕТЪ.

Участь всѣхъ рыцарей въ наше
время!

МЕЛОДОРЪ.

Кто же не рыцарь счастья ? Но
оставимъ шутку , и поговоримъ съ
важностію о такомъ предметѣ ,
которой всего милѣе для нашего
сердца. Все великъ мнѣ разспаць-
ся съ прелестною надеждою ; но я
хочу знать свои мысли , и сравни-
ваю себя съ такимъ любовникомъ ,
которой видѣлъ , видѣлъ собствен-
ными глазами измѣну любовницы
своей , но все еще *хотѣлъ бы сомнѣ-*

вашься; ненавидишь свое увѣре-
 ніе, и говоря ей: *не оправдывайся!*
 слушаешь . . . ея оправданіе.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Я помню слова одного Философа.
 „Есть ли щастье?“ спросилъ у не-
 го любопытный человекъ. — Люди
 сначала міра ищутъ его, и по сіе
 время не нашли, отвѣчалъ онъ:
 слѣдственно. . . „Слѣдственно его
 „нѣтъ?“ сказалъ любопытный.
 — Однакожь, продолжалъ мудрецъ,
 еспьли бы оно было ничто иное,
 какъ пуспой фанпомъ, по люди
 давно бы уже перестали искать
 его; но какъ они все упорствуютъ
 въ своихъ мысляхъ, и все ищутъ,
 по надобно . . . „Чтось оно су-
 ществовало? Два противныя слѣд-
 ствія: копорое же справедливо?“
 спросилъ опять любопытный. —
 Рѣши самъ! отвѣчалъ Философъ;
 завернулся въ свою маншію и замол-
 чалъ.

М Е Л О Д О Р Ъ .

Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе эпова Философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по моему мнѣнію, истинное счастье въ мірѣ? можетъ ли человекъ найти его?

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

М Е Л О Д О Р Ъ .

Прекрасной отвѣтъ! онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Пивію, копорая всегда говорила: *да и нѣтъ! нѣтъ и да!* или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что онъ будетъ меньше и больше, ниже и выше Макбета.

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Если мы разумѣемъ подъ счастьемъ такое состояніе души, въ копоромъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями. . .

М Е Л О Д О Р Ъ .

Поперявъ всѣ чувства недостап-

ка, сливаясь, какъ сказать, совнѣшными предметами, какъ поны сливаются между собою въ гармоническомъ строѣ, и находя въ одномъ наслажденіи чувство бытія своего...

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно человекъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно рождаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и по, чѣобы всѣ они исполнились; на примѣръ: молодой Эрастъ, общій нашъ знакомецъ, спраспно влюбленъ въ Пльниру; ея сердце, ея рука, сдѣлаютъ его, какъ онъ говоритъ, совершенно блаженнымъ. Пусть рокъ соединитъ ихъ: Эрастъ, пообыкновенію всѣхъ щасливыхъ любовниковъ, скоро увидитъ ошибку свою; увидитъ, что Пльнира хопя мила, очень мила, однакожь не мѣшаетъ желать еще другихъ пріятностей въ жизни. Вообразимъ, что я Эра-

сповѣтѣ благодѣтельный и всемогущій Геній: чего онѣ желаетѣ, по вѣ минушю исполняю.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ты берешь на себя много работы. Онѣ желаетѣ, на примѣрѣ, богашства.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

И богашство печетѣ кѣ нему рѣкою, льетѣ на него золопымѣ дождемѣ.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Онѣ любитѣ обходиться сѣ просвѣщенными, знающими, оспроумными людьми —

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Предупреждаю его желаніе: всѣ Нѣмецкіе Профессоры, всѣ Французскіе *острумцы* скачутѣ кѣ нему на почповыхѣ.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Онѣ самѣ захочетѣ быть первымѣ умникомѣ вѣ свѣтѣ.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Даю ему разумѣ Фоншенеля, Вольпера, Руссо.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Захочетъ славы Героя —

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Лавровые вѣнки лепятъ къ нему
на голову.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Пожелаетъ —

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Конечно не того, чѣмъ бы два и два соспавили пяць : все прочее дѣлаю ; онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей ; осыпанъ всѣми дарами Природы и форпуны ; всѣ нервы его препещутъ въ живѣйшемъ воспоргѣ . . . Но что же ? Воспоргу его, по свойству, образованію души человѣческой , минуца отъ минуцы должно *ослабѣвать* ; каждая секунда уноситъ съ собою нѣпокорую часль его *способности наслаждаться* ; каждое мгновение умираетъ, какъ сказанъ, его щастіе. Нѣтъ предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды!

Эрастѣ все имѣетѣ, кромѣ . . . блаженства.

МЕЛОДОРЪ.

Но онѣ можетѣ еще желатѣ, чпобы душа его, наслаждаясь, не шупѣла въ своихѣ чувстввахѣ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Вѣ такомѣ случаѣ онѣ пожелатѣ бы, чпобы два и два соспавили пять: по крайней мѣрѣ физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихѣ чувстввахѣ бываетѣ всегда самое живѣйшее; всякое повпореніе дѣйствуетѣ слабѣе — и попому чловѣкъ въ 30 лѣтѣ, при всемѣ совершенствѣ органовѣ своихѣ, радуется уже менѣе шѣми предметами, копорыми восхищался онѣ въ 25 лѣтѣ.

МЕЛОДОРЪ.

Слѣдствіе . . .

ФИЛАЛЕТЪ.

Слѣдствіе то, чпо Богу не угодно было дароватѣ чловѣку совер-

VII.

20

шеннаго блаженства въ здѣшней жизни ; оно невозможно по образованію души нашей. Но . . .

МЕЛОДОРЪ.

Посмотримъ, что скажешь намъ въ упѣшеніе!

ФИЛАЛЕТЪ.

Но естли щаспье состоипѣ въ помѣ, чпобы находипѣ въ жизни многія испинныя пріятности, не скучашъ ею, не ропшашъ на судьбу, быпѣ довольнымъ: по оно возможно и дано человѣку.

МЕЛОДОРЪ.

Какъ же я буду доволенъ, когда . . .

ФИЛАЛЕТЪ.

Будешъ, повинуясь сердцу и разсудку. Первое велипѣ искапѣ удовольспвій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольспвій, согласныхъ съ законами Природы и мудрости. Сердце еспѣ младенецъ, которой бросаешъ на все сладкое ; но въ сладкомъ бываешъ иногда ядовитое.

Разсудокъ долженъ говорить ему :
это вредно — оставь! это не вредно
— наслаждайся!

МЕЛОДОРЪ.

Но естли послѣдняго такъ мало, чпо бѣдное сердце безпре-
 спанно должно себѣ опказывать;
 естли почти всѣ удовольствія
 споянѣ намъ слишкомъ дорого;
 естли на каждую пріятность мо-
 жно считаешь по ету непріятно-
 стей; естли всѣ спраси пагуб-
 ны, какъ упверждали Споики;
 естли вѣчное сраженіе съ чув-
 ствами естѣ для насъ законъ
 мудрости: вѣ такомъ случаѣ, какъ
 бѣдно пвое возможное щасъе! и
 начпо родиться человѣку?

ФИЛАДЕТЪ.

Нѣшѣ, я не люблю Споиковѣ,
 которые чернымъ сукномъ одѣва-
 юшѣ всю Природу, и заранѣе кла-
 душѣ сердце вѣ холодную могилѣ.
 Нѣшѣ, нѣшѣ! Природа любишѣ одѣ-
 вавъся зеленью и цвѣтами; она

дала намъ чувства для того, чтобы услаждать ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбиратьъ лучшія наслажденія; дала спраспи для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и моральномъ мірѣ.

МЕЛОДОРЪ.

Ты хочешь быть Панегириспомъ спраспей: но я укажу тебѣ на мысъ Левкадской, на пепелъ гордовѣ, на высокіе бугры, соспавленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство — и скажу: *вотъ дѣятельность страстей!*

ФИЛАЛЕТЪ.

Дѣятельность ихъ заблужденія. Спраспи въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

МЕЛОДОРЪ.

Кому же назначать предѣлы?

ФИЛАЛЕТЪ.

Я сказалъ: разсудку. Спраспи для сердца есть ничто иное, какъ

живое чувство удовольствія; но разсудокъ находилъ, что удовольствіе есть только *приманка*; что Напура скрываетъ подъ нимъ нѣчто важнѣйшее: пользу. Тутъ спавилъ онъ пограничной сполъ, и говорилъ сердцу: *не далѣе!* Когда чувствительной паспухъ видилъ и любилъ милую паспушку; вздыхаетъ, краснѣется передъ нею; ласкаетъ ея овечекъ; усыпаетъ цвѣтами пропінку, по которой она часто ходилъ; играетъ на свирѣли нѣжную пѣсню, между тѣмъ какъ паспушка сидитъ на берегу ручейка, и задумчиво смотрится въ зеркало воды кристальной: тогда я вижу намѣреніе Природы — она говоритъ въ его сердце; она хочетъ, чтобы паспухи любились, и чтобы нѣжные плоды взаимной склонности играли на колѣняхъ паспушекъ. Для того рука ея украсила розами любовь Аркадскую. Но можетъ ли Природа хотѣть,

чтобы Сафы падали на землю отъ звуковъ Фаонова голоса, препепали всегда, какъ вдохновенные Квакеры, и наконецъ . . . упопали въ пучинѣ Левкадской? Тупѣ нѣпѣ никакой цѣли: одно разрушеніе, пропивное намѣренію любви, копорой поручено, пакъ сказапъ, храненіе челоѣческаго рода. Лезбійская Героиня служипѣ неестеспвеннымъ примѣромъ заблужденія въ еспеспвенной и самой щаспливой склонности.

М Е Л О Д О Р Ъ .

Но развѣ паспушокъ пвой не можепѣ быпѣ нещаспливѣ въ любовной своей Идилліи? На примѣрѣ, онѣ вздыхаепѣ, краснѣепся, а егѣ не примѣчаютѣ; гладипѣ любимыхъ паспушкиныхъ овечекъ, а егѣ не благодаряпѣ взоромъ; усыпаепѣ пропинки цѣпями, играепѣ на свирѣли, а егѣ . . . не любяпѣ! Чпо, еспѣли нашѣ Дафнисѣ, попереявѣ надежду, вздумаепѣ груспишѣ, по-

сковать, не глядѣть на свѣтъ Божій? Жестокій человѣкъ! можешь ли ты не пожалѣть объ немъ? Можешь ли не осудить Природы, которая говорила въ его сердцѣ для того, чѣобы сказаъ ему: *будь несчастливъ!*

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Нѣтъ, я не позволяю посковать паспушку моему. Пусть онѣ вздохнетъ два, при раза — не больше — и поидетъ искаъ другой, благосклоннѣйшей красавицы.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Прекрасно, но возможно ли, когда спроситъ завладѣла всѣмъ сердцемъ, всюю душею?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Натура того не хочетъ, и предостерегаетъ насъ отъ излишностей чувствомъ спраданія. Разсудокъ велитъ *умѣрять* любовь, когда она *мучитъ* сердце и можетъ погубить его.

МЕЛОДОРЪ.

Голосъ разсудка въ такомъ случаѣ не подобенъ ли крику ворона, копорой предвѣщаетъ намъ бурю, но не можетъ отвратить ея?

ФИЛАЛЕТЪ.

Всегда можетъ, пока говоритъ; человѣку оспается покорить ему волю свою, принявъ его совѣты. На примѣрѣ: мнѣ очень нравилась женщина; я чувствую, что могу полюбить ее спрасно. Что совѣтуетъ благоразуміе? Увѣришься въ ея взаимной любви, или . . . удалишься отъ опасной Цирцеи. Благодѣтельная Природа образовала наше сердце такъ, что мы не можемъ сильно любить безъ надежды и взаимности. Надежда часто обманываетъ: но отъ чего же? Отъ безумнаго, вѣтреннаго самолюбія, копорое полкуетъ въ свою пользу всякой взоръ, всякое слово, и слышитъ *да!* гдѣ говорятъ *нѣтъ!* или ничего не говорятъ. Заблуд-

ждение открывається : что дѣлать?
Проклинаешь судьбу, боговъ и чув-
ствительность!

МЕЛОДОРЪ.

А непостоянство, измена—

ФИЛАЛЕТЪ.

Бываютъ только въ слабыхъ,
или, лучше сказать, въ мнимыхъ
привязанностяхъ; но два сердца,
образованные для истинной, взаим-
ной любви, никогда не могутъ раз-
статься въ жизни; всякой день
утверждаетъ связь ихъ, наслажде-
ніемъ, воспоминаніемъ, чувствомъ
благодарности, разсужденіемъ, и
наконецъ золотую цѣпью привычки.
Непостоянный есть такой чело-
вѣкъ, который никогда не любилъ
и никогда (что все одно) не былъ
любимъ.

МЕЛОДОРЪ.

Однакожь N., мой пріятель,
ославленный своею красавицею,
былъ въ опчаяніи и хотѣлъ застрѣ-
литься.

VII.

21

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Не сердце, а гордость его была въ опчаяніи, копорое и продолжалось, кажеться, не болѣе семи дней. Онъ перзался мыслию, что красавица предпочла ему друга. Ахъ! я увѣренъ, что и нѣжная, пламенная Сафо не бросилась бы съ Левкадскаго мыса безъ помощи раздраженнаго самолюбія, а можетъ бытъ и суепнаго желанія, еще болѣе прославишь себя въ Исторіи пакимъ героическимъ дѣломъ. — Однимъ словомъ, съ оспорожностію, съ благоразуміемъ, любовь дѣлаеть насъ только щасливыми. — То же можно сказать о другихъ природныхъ спрасяхъ: онъ нужны и пріяпны въ чиспотѣ своей, подъ руководствомъ ума. На примѣрѣ—

М Е Л О Д О Р Ъ.

Имѣй сердце похвалишь корыстполюбіе!

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Да, и корыстполюбіе херошо въ

своемъ источникѣ, когда оно естъ ничпо иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, гоповящихъ запасъ на зимнее время. Природа хопѣла, чпобы мы не шерпѣли недоспашка въ нужномъ и для шого собирали: вопѣ чпо еспеспвенно въ корысплюбіи и согласнѣ сѣ умомъ!

М Е Л О Д О Р Ъ .

Но еспѣли оно заспавишѣ меня присвоивашѣ себѣ чужое, мучишѣ людей для умноженія моихъ сокровищѣ? . . .

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Тогда Природа и разумокъ опспуняшѣ опѣ Мелодора. Первая говоришѣ: *собирай*; а впорой договариваетѣ: „хорошими средствами, „для собственной швоей пользы. „Какъ поступаешѣ въ опношеніи „къ другимъ, такъ другіе имѣютѣ „право поспупишѣ въ опношеніи „къ тебѣ. Возьмешѣ чужое, возъмшѣ швое — и вмѣспо шого,

„чтобы обезопасить жизнь свою,
будешь всегда въ опасности.“

М Е Л О Д О Р Ъ.

Я угадываю, что ты скажешь о
чесплюбіи.

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

То, что оно есть самая благо-
роднѣйшая нравственная спрасть,
собственно чловѣку данная; дру-
гія живошныя, по грубому образо-
ванію души ихъ, не знаюшъ ея
прекрасныхъ движеній. Не говори
мнѣ о Героспрахахъ, Алексахъ,
Аяпилахъ: они служатъ только
примѣромъ развращеннаго чесп-
любія; но истинное, природное,
есть ничто иное, какъ желаніе нра-
виться подобнымъ себѣ нравствен-
нымъ существамъ, заслужишь ихъ
доброе мнѣніе, почтеніе, любовь.
Эта спрасть болѣе всего прива-
зываетъ насъ къ общежитію, един-
ственной сценѣ ея; она источникъ
многихъ добрыхъ дѣлъ—и Натура,
вселивъ ее въ наше сердце, утвер-

ждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ челоѳчество, заспавляетъ насъ быть благодѳтельными, — такъ какъ нѳтъ инова надежнѳшаго средспва заслужить добрую славу.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Вопъ хорошая спорона спрашей! Соглашаюсь. Но для чего же, любезной другъ, для чего Природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяетъ челоѳку засорять ихъ свѳшлой испочникъ, и вмѳсто добра, вмѳсто пріяшностей, изливать на мѳръ сполько зла и горя?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту минушу, когда приноситъ жершву разуму на счетъ своихъ слабостей! Кто имѳетъ сполько швердоспи и силы, чшобы

повиноватися закону мудрости, закону ума, пошв благодаритв Природу за данную намв волю слбдовать ему или не слбдовать. Напура упопрбила св своей спороны всв средства удержатъ наши спраспи вв еспешвенномв или (чпо все одно) вв благомв ихв пещеніи, соединивв св истиннымв путемв живое удовольствіе, а св заблужденіемв горе и спраданіе. Кпо забываешв цблв врожденныхв склонностей, копорая вв жипейскомв мореплаваніи должна всегда, какв Фаросв, сіять передв нами; кпо выходитв изв черпы, обводимой разсудкомв вокругв природнаго дбйствія спраспей; кпо искусшвенно расправляетв вв себв ихв чувствво, безумно предаешя ихв бурному спремленію, и хочешв, пакв сказатв, цблой мірв попипь вв своихв живыхв удовольствіяхв: пошв, гоняясь за призракомв блаженства, бываешв гонимв

существенною шоскою, пьеть соленую воду для уполенія жажды, и за минупные воспорги плашипъ долговременною мукою—воспорги, копорые дѣлаюшся рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряюшъ душу, и усиливая въ ней *ажность къ наслажденіямъ*, ослабляюшъ ея *способность наслаждаться*. Нещасной Ганталъ ешь образъ человѣка, копорой служипъ такъ называемымъ *сильнымъ страстямъ*, искуспвеннымъ фаншомамъ нашего воображенія; копорой, на примѣръ, какъ Сафо хочеть любить съ изспупленіемъ, не для природной цѣли любви, не для того, чшобы найши вѣрную, кропкую сопупницу въ жизни, но для безпреспаныхъ воспорговъ; копорой, пришупивъ чувспва свои однимъ предметомъ, спѣшипъ оживипъ ихъ другимъ; или копорой, имѣя ненасыпное честолюбіе Александра, лепипъ за лаврами на край сѣвша, черезъ

кровавыя рѣки, черезъ трупы людей, вмѣсто того, чѣмбы заслу-жишь истинную, надежную славу благодарніями, добродѣтельною жизнью, памъ, гдѣ Судьба произвела его на свѣтъ; или копорой собираешъ не для того, чѣмбы жить, но живешъ для того, чѣмбы собрать; опказывается опъ на-споящихъ удовольствій для буду-щихъ, опъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуюя приобрѣщеніемъ обезпечить жизнь свою, наполняешъ ее заботами для приобрѣщеній. — Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, еспли мы несчастливы, и врожденныя склонности, испочникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ испочникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. „Человѣкъ „долженъ бытъ пворцомъ своего „благополучія, приводя спраспи „въ щасливое равновѣсіе, и обра- „зуюя вкусъ для истинныхъ насла- „жденій.“

МЕЛОДОРЪ.

Но еспьли я не нахожу для себя *хорошей пищи*, то съ самымъ *прекраснымъ вкусомъ* могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей пемной, смрадной избѣ, или Камчадалъ, копорой вокругъ себя не видипъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхаепся отъ дыму, не можепъ найпи много удовольспвій въ жизни.

ФИЛАЛЕТЪ.

Однакожь находипъ ихъ. Крестьянинъ любипъ свою жену, своихъ дѣтей; радуепся, когда идепъ дождь во-время, радуепся благополучному ведру, полнопъ жишницъ своихъ и щедрой наградѣ за шруды его. У Камчадала шакже еспъ сердце, копорому извѣспны пріятныя движенія чувспвительности; онъ любипъ своихъ домашнихъ, любипъ звѣриную ловлю, и съ удовольспві-

емѣ капишся домой на обледѣ-
 лыхъ лыжахъ своихъ, воображая
 тепло, опдыхъ, поцѣлуй жены
 и . . . рыбій жиръ на сполѣ. — Ис-
 шинныя удовольствія равняють
 людей. Великій Моголъ и послѣд-
 ній рабъ его уполяютъ голодъ и
 жажду съ одинакою пріятностію.
 Богачъ изъ огромныхъ палатъ сво-
 ихъ, гдѣ великолѣпіе и скука упо-
 мили душу его, сходитъ по мрамор-
 ной лѣсницѣ отдохнуть на зе-
 леномъ лугу, на чиспомъ воздухѣ,
 и взглянуть на алую вечернюю за-
 рю; онъ садится на правѣ . . .
 подлѣ бѣднаго земледѣльца, копо-
 рой также покоится, также легко
 дышетъ, и тѣми же предметами
 наслаждается: они оба теперь
 равны. — Арисъ, молодой вельмо-
 жа, говоритъ: „первая блаженная
 минула въ жизни моей!“ Чшо при-
 вело его въ такое восхищеніе? Онъ
 спойтъ на колѣняхъ передъ обо-
 жаемою имъ женщиною, и въ пер-

вой разъ услышалъ отъ нее магическое слово: *люблю!* Въ самую пору же минушу какой нибудь сельской красавецъ щаспливъ нѣжнымъ признаніемъ какой нибудь сельской красавицы, признаніемъ въ ея взаимной къ нему склонности. Чувства знашнаго любовника и молодого крестьянина пеперь одинаковы. — Ты знаешь Клеона, копорой испощаеиъ всѣ хипроси роскоши для того, чпобы менѣе скучать въ жизни; копорой спитъ на розахъ и просыпаеиъ отъ звуковъ Гайденовой музыки: часпо, завернувшись въ плащъ, украдкою выходитъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому и бѣгаеиъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льеиъ изъ облаковъ рѣками— для чего? чпобы успавъ и промокнувъ насквозь, возвраиъться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: „какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!“ Въ самой потъ же

часъ бѣдной дровосѣкъ сушится передъ огнемъ въ хижинѣ своей, и чувствуетъ его пріятность не менѣе Клеона. — Вся розница состоитъ въ нѣкоторыхъ опшѣнкахъ; но Провидѣніе и Нашура въ общемъ раздѣлъ истинныхъ удовольствій никого не одбляютъ. Знаешь ихъ цѣну, ешь искусство и вѣнецъ науки жить! Не все по легку, что кажется просто; и часно всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ оставляетъ шихой, родительской кровью, свое опечесство — спрансвуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные Океаны, чтобы наконецъ очутился опять на милой своей родинѣ, и сказать: „щасливъ, щасливъ шотъ, кто умираетъ, гдѣ родится,

Sans changer de toit, ni
d'amour!“

Натура и сердце — вопль гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно бытъ общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять Небо приспращіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію, не всѣмъ можно владѣть надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы моднымъ красавицамъ; не для всякаго работають въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ мирсахъ Альцибіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо возможное щастіе для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ маше-

ринскою нѣжностію пипаетъ она ппенцовѣ и человѣка ; всякой можетъ имѣть свѣплую хижину , доброе имя , покойную совѣсть ; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ , семейство , друзей : вотъ истинное благополучіе , которое соединяетъ всѣхъ людей ; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать , что они братья , дѣти одного Отца , рожденные съ одинакими сердцами , съ одинакими способностями для наслажденія !

М Е Л О Д О Р Ъ .

Философія пвоя довольно утѣшительна ; только ей не многіе повѣрятъ .

Ф И Л А Л Е Т Ъ .

Думаю ; но истина останеся въ своей цѣнѣ — истина , что всѣ особенныя , случайныя , искусственныя удовольствія не споятъ общихъ , природныхъ ; и что можно быть щасливымъ и нещасливымъ во всѣхъ состояніяхъ , пѣмъ

и другимъ опъ себя, опъ умбня или неумбня пользоваться жизнію, опъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца. Напура позволяепъ Искусству, какъ своему Министру, раздавапъ нбкопорыя легкія пріяноспи людямъ; но сущеспвенныя, и самыя живбйшія, раздаепъ она сама — Царица.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Положимъ, что во всякомъ состояніи человекъ можетъ найпирозы удовольствія; но гдб же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыпъся опъ тернія гореспей, опъ ббдспвій, неразлучныхъ съ жизнію?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Сущеспвенныхъ ббдспвій въ самомъ дблб очень немного: шблеспное спраданіе, потеря физической вольноспи, и болбе ничего вообразипъ не умбю. Трезвоспъ, умбреноспъ можетъ насб предохранипъ опъ болбзней; а честная, нравспвен-

ная, благоразумная жизнь отъ темницы. Ты скажешь, что самые презвые люди бывающъ подвержены болѣзнямъ, самые добродѣтельные заключающяся иногда въ цѣпи: согласишь, что это чрезвычайность — въ такомъ случаѣ оспаеться намъ перпѣшь, надѣяшься и взирашь на небо, гдѣ живеть нашъ общій, нѣжный Опець: Онъ видѣтъ спраданіе дѣпей Своихъ, и не позволишь ему превзойти мѣру перпѣнія. Къ тому же . . . ты удивишья; но я скажу по чувству души моей . . . скажу, что въ самомъ несчастіи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогаешь болѣзнь плесную; покойною ясностію сердца освѣщаешь мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, крохко восхипительное. . . Минихъ, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ, благодарилъ Небо за твердость души своей, и про-

ливалъ слезы умиленія , которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. — О какихъ другихъ вещахъ будешь говорить мнѣ? О бѣдности? Но у меня есть руки и сердце : я найду себѣ пропитаніе , найду удовольствія , неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи. Сколько людей съ поперью имѣнія выучились наслаждаться жизнью, собою , своими душевными и тѣлесными силами, гораздо болѣе, нежели прежде? Я недавно читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ объ одномъ Французскомъ Эмигрантѣ, который былъ нѣкогда знаменъ и богатъ въ своемъ отечествѣ , а теперь . . . шептъ башмаки въ Веймарѣ. Жалѣть ли объ немъ? Нѣтъ, онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, работаетъ прилѣжно, весело, поетъ *водевили* и философствуетъ какъ Сократъ о пріятности шрудолубія. — Мы, мы са-

ми составляемъ пысячу оправдъ для жизни своей; смопримъ въ микроскопъ на всякую неприятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдспвіями. Я видѣлъ N. погруженнаго въ самую глубокую печаль опъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо—M. двѣ ночи не спалъ, два дни не говорилъ веселаго слова, опъ того, что одна гордая свѣтская женщина назвала его скучнымъ—Спихопрорецъ Ф. едва не бросился въ воду, опъ того, что одинъ строгой Журналистъ нашелъ въ его спихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имбюпъ ли право винить Напуру и судьбу человѣческую? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли назвапъ его бѣдспвіемъ, неразлучнымъ съ жизнію?

М Е Л О Д О Р Ъ .

Но лишипсья того, что дѣлало меня испинно - щаспливымъ, не

есть ли бѣдствіе? На примѣрѣ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь-моя осиротѣетъ...

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Горестъ тогда необходима; но она есть для души поже, что болѣзнь для тѣла: душа всячески спремится выпти изъ такого чрезвычайнаго положенія, и наконецъ выходитъ. Не только безконечная, но и продолжительная горестъ не естественна, вопреки всѣмъ пиписическимъ элегіямъ. Природа милоспивѣ Спихопворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность; но въ ея лексиконѣ нѣтъ эпова слова. Видя оскорбленную нѣжность, она потчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), копорой извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быспрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горестъ, глубокая, испинная горестъ есть чрезвычайной феноменъ: рѣд-

ко дѣлаетъ она людей несчастными. Но обыкновенной бичь сердца естъ *дурной нравъ* и скука.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Что разумѣешь ты подѣ дурнымъ нравомъ?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Какое-то мрачное расположение души, копорое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнью, и копорое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ—отъ презрѣнія къ тому, что у насъ естъ. Истинной Философъ или (что все одно) истинно-благоразумной человекъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на копорое онъ поставленъ судьбою, ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подѣ рукою; знаетъ, что всякое соспояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно осматривается въ своемъ, не завидуя ни-

кому; знаетъ, что Тиберій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ несчастливѣе Камчадала (*); знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ какія чувства, и дурной нравъ переспанетъ темноту предмешы вокругъ насъ!

М Е Л О Д О Р Ъ.

А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, которые по связямъ гражданскаго общества выходятъ изъ-подъ закона естественнаго. Напу-

(*) Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ:
 „О чемъ пишешь къ вамъ, отцы
 „именимые? и какъ? самъ не знаю;
 „и лучше хотѣлъ бы спрадать, не
 „жели чувствовать такое разслаб-
 „леніе, такое . . . но я ничего не
 „чувствую.“

ра даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; гоповишь, шакъ сказать, для жизни человѣческой только первые матеріалы, чтобы мы сами ихъ обрабатывали. *Трудись, живи и наслаждайся*, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуетъ ему, работаетъ и не знаетъ скуки; *трудъ, отдыхъ, забава*, какъ три главные эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишество всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ пропивъ своего назначенія, пропивъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое превозмимъ, томимъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою.

кою. Чпобы избавишься опѣ пакой мучительной болѣзни, они должны возврапиться къ Природѣ, и произвольно опдашься подѣ ея законѣ, копорой велипѣ *житъ и работать*; надобно, чпобы *трудѣ, отдыхѣ, забава*, были шакже шрема главными эпохами жизни ихѣ. Всякой занимайсь чѣмѣ нибудѣ; избери для себя должность въ общешипи, сѣ копорою сопряжена дѣяшельность; или прудись по волѣ, сообразно сѣ своимѣ вкусомѣ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую нибудѣ пользу, шакѣ какѣ Напура не дѣлаепѣ ничего безѣ цѣли. Работа ешь соль удовольствій, и безѣ будней нѣпѣ праздника. Упошребивѣ на шрудѣ пяшь, шестѣ часовѣ въ день, мы живо чувствуемѣ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружешкой бесѣды, веселаго разговора, забавы, чпенія, музыки, прогулки. Кпо всякой день пользуешсь своими фи-

зическими и душевными силами; всякой день дышетъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоны Напуры, Изящныя Искусства, книги: потъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Дѣятельность, отдыхъ, забава*: вотъ мой девизъ!

М Е Л О Д О Р Ъ.

Ты говоришь, что во всякомъ состояніи можно быть щасливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственной волѣ, если бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребіи?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Самое ближайшее къ Природѣ: состояніе независимаго земледѣльца, которой умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанія, но и нѣкоторыя удобства въ жизни; могъ бы имѣть свѣтлую хижинку, маленькой садикъ, умъ для вниманія

кѣ премудрымъ дѣйствіямъ Напурь и чувствительное сердце для любви кѣ милой подругѣ. Но какѣ, по перешедшему учрежденію гражданскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искать такихъ земледѣльцевъ: по самое лучшее есть для меня среднее состояніе, между изобиліемъ и недостаткомъ, между знатностію и униженіемъ — швое, мое. Смотри на великолѣпныя палаты, думаю: „здѣсь чувство слишкомъ изнѣжено для сильнаго наслажденія!“ Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ: „здѣсь чувство слишкомъ грубо для нѣжныхъ наслажденій!“ Но красивой, чистенькой домикъ всегда представляеть моему воображенію картину возможнаго счастья, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣты, а подѣ окномъ . . . милостивую женщину, за рукодѣльемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажешся мнѣ, живеть любовь и дружба,

спокойствіе и душевная веселость; тамъ умбють наслаждаться Природою, Искусствомъ и всѣми истинными земными благами.

М Е Л О Д О Р Ъ.

Еще одно возраженіе: можетъ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмъ нибудь, тогда, какъ вокругъ его свирѣпствуютъ развращенныя страсти, пороки и злоба? Ты оправдываешь Напугу, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитъ насъ, въ основаніи своемъ хороши и щастливы; но къ чему же люди обращаютъ ихъ? . . . Могу ли я, на примѣръ, восхищаться великолѣпною карпиною упря и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетъ миллионы изверговъ, которые въ теченіе дня будутъ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неоспорныхъ, чувствительныхъ? . . . Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ;

спремляюся къ нимъ душею... но
вспрѣчаю злодѣевъ, и долженъ ихъ
ненавидѣть! Одна эта мысль не
есть ли горькая оправа для всѣхъ
удовольствій добраго сердца?

Ф И Л А Л Е Т Ъ.

Любезной другъ! чернишь нрав-
ственной мѣрѣ, изливаешь на людей
желчь ненависти, многіе почи-
паютъ Философіею; но сохрани насъ
Богъ отъ язвы, голода и такой Фило-
софіи! Люди дѣлаютъ много зла—
безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало;
заблужденіе сердца, безразсудность,
недоспашокъ въ просвѣщеніи, виною
дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку
быть щасливымъ и добрымъ, или
быть щасливымъ и злымъ: кто
не изберетъ перваго? Слѣдственно
добро само по себѣ любезно всѣмъ
сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, на-
дѣясь имѣть черезъ то нѣкошорыя
выгоды въ жизни; но премудрой
Творецъ соединилъ съ нимъ вну-
реннее неудовольствіе, спыдъ,

спрахъ, которыя вмѣшивающъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочной боишься, чѣмбы его не узнали; долженъ безпреспанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредъ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріателемъ: и пакъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть щасливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только *ошибкою*, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человекъ есть несчастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенной злодѣй, или человекъ, которой любимъ зло для того, что оно зло, и ненавидимъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная пищическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище внѣ Природы, существо неизяснимое по естественнымъ законамъ.

Вопль мое заключение, вся моя
 система въ короткихъ словахъ :
 „Возможное земное щасіе состо-
 „итъ въ дѣйствіи врожденныхъ
 „склонностей, покорныхъ разсудку
 „— въ нѣжномъ вкусѣ, обращен-
 „номъ на Природу — въ хорошемъ
 „употребленіи физическихъ и ду-
 „шевныхъ силъ. Безпрестанное на-
 „слажденіе ш а к ж е невозможно,
 „какъ безпрестанное движеніе ;
 „машину надобно заводитъ для хо-
 „да, а работа заводитъ душу для
 „чувства н о в ы х ъ удовольствій.
 „Быть щасливымъ, есть быть
 „вѣрнымъ исполнителемъ есте-
 „ственныхъ мудрыхъ законовъ; а
 „какъ они основаны на общемъ добрѣ
 „и прошивны злу, по *быть щастли-*
 „*вымъ есть . . . быть добрымъ.*“

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

Письмо къ Издателю Журнала.

Признаюсь вамъ, государь мой, что я не читаю вашего Журнала, а желаю, чтобы вы помѣстили въ немъ мое письмо. Для чего? самъ не знаю. Болѣе сорока лѣтъ живу на свѣтѣ, и никогда еще не давалъ себѣ опчепа ни въ желаніяхъ, ни въ дѣлахъ своихъ. Великое слово *такъ* было всегда моимъ девизомъ.

Я намѣренъ говорить о себѣ: вздумалъ и пишу—свою исповѣдь, не думая, пріятна ли будетъ она для Читателей. Нынѣшній вѣкъ можно назвать вѣкомъ *откровенности* въ физическомъ и моральномъ смыслѣ: взгляните на милыхъ нашихъ

красавицъ!.. Нѣкогда люди пряпались въ темныхъ домахъ и подвщипомъ высокихъ заборовъ. Теперь вездѣ свѣтлыя дома и большія окна на улицу: просимъ смотрѣть! Мы хотимъ жить, дѣйствовать и мыслишь въ прозрачномъ стеклѣ. Нынѣ люди путешествоуютъ не для того, чтобы узнать и вѣрно описать другія земли, но чтобы имѣть случай поговорить о себѣ; нынѣ всякой сочинитель Романа сѣвнитъ какъ можно скорѣе сообщивъ свой образъ мыслей о важныхъ и неважныхъ предметахъ. Сверхъ того сколько выходитъ книгъ подвщипуломъ: *мои опыты, тайный журналъ моего сердца!* Что за перо, то и за искреннее признание. Какъ скоро нѣтъ въ чловѣкѣ старомоднаго варварскаго стыда, то всего легче быть *Асторомъ исповѣди*. Тутъ не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однакожь не думайте, чптобы я хопѣлъ оправдываться примѣрами: нѣпѣ, пакая мысль оскорбительна для моего самолюбія. Слѣдую только собственному движенію, и замѣчаю мимоходомъ, что оно нѣкопорымъ образомъ согласно съ общимъ; но сохрани меня Богъ казаться рабскимъ подражателемъ! Для того, въ прошивность всѣмъ *исповѣдникамъ*, напередъ сказываю, что *признанія мои* не имѣютъ никакой моральной цѣли. Пишу—*такъ!* Еще и другимъ опличусь опѣ моихъ собратій-Авпоровъ; а именно, краткостію. Они умѣютъ расплодить самое ничто: я самые важные случаи жизни своей опишу на листочкѣ.

Начну увѣреніемъ, что Напура произвела меня совершенно особеннымъ человекомъ, и что Судьба всѣ случаи жизни моей запечатлѣла какою-то опмѣнною печатію. На примѣръ, я родился сыномъ бога-

шаго, знашнаго господина, и выросъ шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы, и не былъ сѣченъ! выучился по Французски, и не зналъ народнаго языка своего! игралъ десяти лѣтъ на пеапрѣ, и въ пятнадцатъ лѣтъ не имѣлъ идеи о должностяхъ чловѣка и гражданина!

На шестнадцатомъ году дали мнѣ изрядной чинъ и опправили меня въ чужіе края, не сказавъ, для чего. Правда, что со мною поѣхалъ Гофмейстеръ, Женевецъ (прошу замѣшпшь, а не Французъ, по тому что въ это время Французскіе гувернеры въ знасныхъ домахъ нашихъ выходили уже изъ моды), копорому даны были всѣ нужныя наспавленія. Господинъ Мендель зналъ, къ чему по большей части гоповишся знашною молодой чловѣкъ, а всего болѣе зналъ свои выгоды — и поступалъ со мною въ слѣдствіе своего благоразумнаго плана. Надобно отдашь ему

справедливість : онъ любилъ искренность, и немедленно со мною объяснился. „Любезной Графъ!“ сказалъ мнѣ Гофмейстеръ : „Природа и Судьба уговорились сдѣлать тебя образцомъ любезности и счастья ; ты прекрасенъ , уменъ , богатъ и знаменъ : довольно для блестящей роли въ свѣтѣ! все прочее не стоить труда. Мы ѣдемъ въ Лейпцигской Университетъ ; родители твои , слѣдуя обыкновенію , желаютъ , чтобы ты украсилъ разумъ свой знаніями , и поручили тебя моему смотрѣнію : будь спокоенъ! я родился въ Республикѣ и ненавижу пиранство! Надѣюсь только , что моя снисходительность заслужишь со временемъ твою признательность.“ Я обнялъ его, и обѣщавъ ему такую пенсію, которая не всегда дается и Министру за долготѣвшую службу.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, мы спѣшили познакомиться со всѣми слав-

ными Профессорами—и Нимфами. Гофмейстеръ мой имѣлъ великое уваженіе къ первымъ и маленькую слабость къ послѣднимъ. Я взялъ его себѣ за образецъ — и мы однимъ давали обѣды, другимъ ужины. Часы лекцій казались мнѣ минуною, опъ того, что я любилъ дремать подъ каедрою Докторовъ, и не могъ ихъ послушаться, опъ того, что никогда не слушалъ. Между шѣмъ Господинъ Мендель всякую недѣлю увѣдомлялъ моихъ родителей о великихъ успѣхахъ дражайшаго сына ихъ, и цѣлыя страницы наполнялъ именами наукъ, которымъ меня учили.

Наконецъ, проживъ три года въ Лейпцигѣ, мы опправились путешествовать, нанявъ Секретаря для описанія любопытныхъ предметовъ, ибо Г. Мендель былъ лѣниивъ. Родители мои изъ каждаго города получали опъ насъ толстые пакеты, не могли нарадоваться умными за-

мѣчаніями своего сына, и съ гордо-спію чипали ихъ нашимъ родспвенникамъ. Я не виноватъ былъ ни въ одной спрокѣ, уполномочивъ Секрепаря своего философспвовашь вмѣсто меня (къ щаспью, рука его совершенно на мою походила); но къ нѣкопорымъ его описаніямъ прибавлялъ отъ себя выразипельныя каррикашуры: произведепіе единспвеннаго таланта, даннаго мнѣ Напурою!

Однакожь я надѣлалъ много шуму въ своемъ пушешеспвіи—шѣмъ, что прыгая въ конспрдансахъ съ важными дамами Нѣмецкихъ Княжескихъ Дворовъ, нарочно ронялъ ихъ на землю самымъ неблагоприспойнымъ образомъ; а всего болѣе шѣмъ, что съ добрыми Каполиками цѣлуя шуфель Папы, укусилъ ему ногу, и заспавилъ бѣднаго спарика закричать изо всей силы. Эша шушка не прошла мнѣ даромъ, и я высидѣлъ нѣсколькo дней въ крѣпости

Святаго Ангела. Обыкновенная же забава моя дорогою была — спрѣляпъ бумажными шариками, изъ духоваго писполеша, вѣспину поспильйонамб!

Вѣ Парижѣ я вошелъ вѣ связь со многими изъ первокласныхъ вѣпрениковѣ, и нашелъ способъ удивиль ихъ какъ смѣлою своею философіею, такъ и всѣми понкоспиями *языка повѣсѣ*, всѣми его пехническими выраженіями, заимспвованными мною по большей часпи опѣ Господина Менделя, который служилъ нѣкогда домашнимъ Секретаремъ Герцогу Ришелье. Будучи введенъ вѣ нѣкоторые хорошіе дома, я имѣлъ случай узнать и славнѣйшихъ Французскихъ оспроумцевѣ; слышалъ однажды чпеніе Лагарповой Меланіи, хвалилъ безъ памяти палантѣ Авпора, и послѣ свѣдалъ, что онѣ вѣ письмѣ своемъ къ одному знапному челоувку вѣ П* (безъ сомнѣнія изъ

благодарности) описывалъ меня рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ, рожденнымъ для чести и славы опечесства. Я имѣлъ щастіе быть представленъ Герцогу Орлеанскому, ужиналъ съ его избранными друзьями и раздѣлялъ забавы ихъ, доспойныя кисти новаго Пепронія.

Надобно было видѣть Англію: подобно Альцибіаду, я спалъ другимъ человѣкомъ въ другой землѣ, и пилъ такъ усердно съ Брипанцами, что черезъ мѣсяць слегъ въ постелю. Пользуясь временемъ моего выздоровленія, я сдѣлалъ каррикашуры на всю Королевскую фамилію — и Лондонскіе Журналы говорили объ нихъ съ великою похвалою.

Возвращеніе силъ моихъ было гореспно для Господина Менделя: мнѣ вздумалось сполкнуть его съ лѣсницы, за то, что ему вздумалось приласкаться къ моей Дженни. Нѣжная Англичанка упала въ обмо-

рокъ, между пѣмъ, какъ мой Гофмейстеръ считалъ головою спупени. Однакожь увѣряю Чипапеля, что сердце мое совсѣмъ не способно къ ревности : это минувшее движеніе было конечно слѣдствіемъ моей болѣзни. Господинъ Мендель разстался со мною. Мы оба увѣдомили моихъ родителей о нашемъ разрывѣ : онъ называлъ меня шалуномъ, а я описывалъ его недостойнымъ имени Гофмейстера. И то и другое могло быть справедливо ; но мапушка одному мнѣ повѣрила, а бапюшка согласился съ нею.

Наконецъ я возвратился въ опечесство, гдѣ лавры и миршы ожидали меня. Въ головѣ моей не было никакой ясной идеи, а въ сердцѣ никакого сильнаго чувства, кромѣ скуки. Весь свѣтъ казался мнѣ безпорядочною игрою Кипайскихъ пѣней, всѣ правила уздою слабыхъ умовъ, всѣ должности несноснымъ

принужденіемъ. Ласки родителей не сдѣлали въ холодной душѣ моей никакого впечатлѣнія; но зная выгоды челоѣка, образованнаго въ чужихъ земляхъ, я сѣвшилъ паразитъ умы соопечесивенниковъ разными спранносіями, и сѣ удовольствіемъ видѣлъ себя истиннымъ законодательемъ столицы. Мореплавапель во время бури не смотритъ сѣ шакимъ вниманіемъ на магнитную спрѣлку, сѣ какимъ молодые люди на меня смотрѣли, чпобы во всемъ соображаться со мною. Я вездѣ какъ въ зеркалѣ видѣлъ себя сѣ ногѣ до головы: всѣ мои движенія были срисованы и повпорены сѣ величайшею вѣрностію. Это забавляло меня до крайности. Но главнымъ моимъ предметомъ были женщины, которыхъ лестное вниманіе открывало мнѣ обширное поле дѣятельности. Здѣсь не могу удержаться спѣ нѣкоторыхъ философическихъ разсужденій. *Влюблен-*

кость — извините новое слово: оно выражаетъ вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодѣтельное изобрѣненіе для свѣта, которъй безъ нее походилъ бы на монашья Лапрапскій. Но съ нею молодые люди наипрекраснѣйшимъ образомъ занимаютъ пустоту жизни. Открывая глаза, знаешь, о чемъ думаешь; являясь въ общесѣвахъ, знаешь, кого искаешь глазами; все имѣешь цѣль свою. Правда, что мужья иногда досаждаютъ; что жены иногда дурачатся отъ ревности; но мы заняты — а это главное! Съ одной стороны искусство нравиться, съ другой искусство припворяться и самого себя обманывать, не дають засыпать сердцу. Часно выходитъ безпорядокъ въ семействвахъ; но онъ имѣетъ свою пріятность. Сцены обморока, опчаянія, для запаковъ живописны. *Sauve qui peut!* всякой о себѣ думай — и довольно!

Будучи моднымъ прелеспникомъ, я имѣлъ щаспіе поссорить многихъ коропкихъ пріятельницъ между собою, и развести не одну жену съ мужемъ. Всякая соблазнительная испорія болѣе и болѣе прославляла меня. О характерѣ моемъ говорили ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое дѣйствуетъ весьма живо и сильно въ женскомъ сердцѣ. Система моя въ любви была самая надежная: я пиранилъ женщинъ, по холодностію, по ревностію; являлся не прежде десяти часовъ вечера на *любовное дежурство*, садился на *оттоманѣ*, эбвалъ, пилъ Гофмановы капли, или начиналъ хвалишь другую женщину; тайная досада, упреки, слезы веселили меня, недѣль шесть, иногда гораздо долѣе; наконецъ слѣдовалъ разрывъ связи—и новый миршовый вѣнокъ падалъ мнѣ на голову. Справедливостъ пребуешь опъ меня признанія, что не всѣ

красавицы были моими Дидонами: нѣпѣв, одна изъ нихъ, вышедши изъ перпѣвнїа, осмѣлилась указать мнѣ двери. Я былъ въ опчаянїи, и на другой день представилъ ее въ живой каррикапурѣ: заспавилъ всѣхъ смѣяться, и самъ ушѣшился.

Вдругъ пришло мнѣ на мысль жениться, не сполько въ угожде-нїе мапери (опца моего уже не было на свѣшѣ), сколько для того, чпобы завести у себя въ домѣ благородной спекпакль, копорый могъ служить для меня прїяпнымъ разсѣвнїемъ среди прудныхъ обя-занноспей моднаго чеповѣка. Я выбралъ прекрасную небогашую дѣ-вушку (хорошо воспитанную въ одномъ знапномъ домѣ), надѣясь, чпю она изъ благодарности оспави-пѣв мепя въ покоѣ, и въ сихъ мы-сляхъ обѣщался на другой день ужи-напѣ, по обыкновенїю, съ глазу на глазь съ рѣзвою Алиною, копорая погда занимала мепя своею любез-

носпію. Вышло напротивъ: Эмилія изъ благодарности считала за долгъ бытъ нѣжною, спраспною женою; а нѣжность и спраспъ всегда ревнивы. Философія моя заспапляла ее плакать, рваться: я вооружился перпѣніемъ, смопрѣлъ, слушалъ равнодушно; игралъ ея шалью— и зѣвалъ, воображая, что бури не продолжительны, особливо женскія. Въ самомъ дѣлѣ Эмилія мало по малу приходила въ разсудокъ, упихала, и спановилась гораздо милѣе; шомные взоры ея развеселялись, и легкіе упреки произносились уже въ полголоса, даже съ улыбкою. Наконецъ я совершенно увѣрился въ исправленіи жены моей, видя вокругъ нее толпу искапелей. Домъ нашъ сдѣлался опѣ того гораздо пріятнѣе: Эмилія переспала грубнѣе молодымъ женщинамъ, и всячески спаралась заслужитъ имя любезной хозяйки. Мы набрали къ себѣ въ домъ Ипа-

ліянскихъ Каспрашовъ; играли Оперы, Комедіи; давали маленькіе балы, большіе ужины— подписывали счешы, но никогда не считали— занимали деньги, и никогда не имѣли ихъ— однимъ словомъ, жили прекрасно!

Одна мапъ моя, у которой опѣ спаросши испорпился нравъ, была недовольна, и часпо упрекала меня вѣпреною безразсудностію; говорила, что мы разоряемся; говорила даже, что Эмилія дурно ведетъ себя! Но я—зѣвалъ, и, какъ должно хорошему сыну, совѣщовалъ ей беречь свое здоровье, то ешь, не сердись. Она не хотѣла послушаться, и прежде времени опправила на пошъ свѣпъ. Бѣдная! Мы пожалѣли объ ней— шѣмъ искреннѣе, что ея смерть на нѣсколько мѣсяцевъ распростила наши спектакли.

Скоро въ хозяйствѣ нашемъ опкрылись маленькія непріятности:

иногда, накануне большого ужина, дворецкой сказывалъ мнѣ, что у него нѣтъ ни рубля на расходъ, и что онъ нигдѣ не могъ занять денегъ. Въ такомъ случаѣ я обыкновенно выгонялъ его изъ комнапы— и ужинъ бывалъ прекрасной. Являлись добрые люди съ поварами: одни продавали мнѣ на вексель, другіе въ шу же минушу покупали у меня на чистыя деньги, и дѣло было съ концомъ. Но время отъ времени вспрѣчалось болѣе трудностей, и часпо за вексель въ тысячу рублей давали мнѣ только дюжинъ шесть помады! Увѣдомляю Чипапеля, что искусные люди, копорыхъ профаны называютъ респовщиками, знаютъ наизусть всѣ нужды и всѣ коммерческіе способы богатыхъ моповъ; взявъ карандашъ въ руку, они въ минушу исчислятъ, во сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, дней и часовъ пакой-по оспа-нется безъ души Христіанской;

по сему вѣрному расчету служатъ ближнему дѣятельно, усердно, и рѣдко обманываются. Наши опечесивенные лихоимцы прежде всѣхъ другихъ оставляютъ человека на славномъ и широкомъ пути разоренія, подобно меланхолическимъ Докторамъ, которые слишкомъ рано осуждаютъ больныхъ на смерть; они отдають его на руки иностраннымъ ростовщикамъ: Нѣмцы уступаютъ мѣсто Французамъ, Французы Испаліанцамъ, Испаліанцы Грекамъ: въ эту послѣднюю эпоху рубль мопы ходилъ уже въ копѣйкѣ. Я спокойно прошелъ сквозь всю Жидовскую фалангу, и споялъ уже на послѣдней ступени. Имѣніе мое записывали, продавали съ публичнаго торгу; но я все еще не унывалъ, и въ самой пошлѣй день, какъ меня выгнали изъ дому, думалъ играть главную роль въ Комедіи *Безпечнаго*. Жестокіе заимодавцы не хотѣли видѣть спектакля—и мнѣ

надлежало искать убѣжища въ домъ одного моего родственника.

Есѣли Чипапелъ удивился, что семь или восемь тысячъ душъ моихъ такъ скоро исчезли съ дымомъ, то онъ безъ сомнѣнія не знаеиъ умножительной силы долговъ, считаемихъ не должникомъ, а заимодавцами; векоели какъ пледы чудеснымъ образомъ пледяпся, есѣли завѣса безопасности скрываетъ слѣдствія онъ глазъ разсудка. Къ тому же всякой почпенной мотъ находилъ вѣрныхъ соприудниковъ въ своихъ управителейъ и дворецкихъ, копорые всячески облегчаютъ бремя господскаго имѣнія, примѣшивъ, что оно угнетаетъ господина. — Я назвалъ мотъ *постеннымъ*, и спѣшу оправдаться. Онъ есѣ благодѣтель общества и народа, раздѣляя съ обществомъ свое богатство. Собирапелъ подобенъ жадной рѣкѣ, копорая течетъ въ прямой лини, гло-

таешъ ручейки и попоки, влажитъ полько берега свои и сушишъ окрестности; но распочипеля можно сравняшъ съ рѣкою щедрою, которая дѣлился на пысячу рукавовъ, сообщаешъ влагу свою великому пространству, и мало помалу исчезая, дѣлается жерпвою благошворипельности.

Кому угодно, попъ можетъ вообразитъ меня спокойно и даже гордо идущаго по улицѣ; два человека несли за мною двѣ корзины, наполненныя любовными женскими письмами: единспвенное сокровище, которе заимодавцы позволили мнѣ вынести изъ дому! Родспвенникъ принялъ меня холодно и съ упреками. Эмилия прѣехала къ нему въ слѣдъ за мною, и забывъ, что мы вмѣспѣ проживали имѣние, осыпала меня жестокими укоризнами; объявила поржеспвенно, что союзъ нашъ разрывается; сѣла въ карету, и скрылась. Я летѣлъ къ

женщинѣ, которая за день передъ тѣмъ увѣряла меня въ любви своей: меня не приняли — лепѣлъ ко многочисленнымъ друзьямъ моимъ: однихъ не было дома; другіе вздумали чипашь мнѣ наизусть книжныя наставленія, какъ должно бытъ умѣреннымъ и благоразумнымъ въ жизни! Имъ надлежало бы говорить о томъ, когда я угощалъ ихъ. — Въ прибавокъ ко всему меня выгнали изъ службы какъ распущнаго человѣка.

Такіе случаи и непріянности могли бы огорчить друга; но я родился Философомъ — сносилъ все равнодушно, и пвердилъ любимое слово свое: *Китайскія тѣни!* *Китайскія тѣни!* Всего хуже было то, что заимодавцы, недовольные оспашками моего имѣнія, грозились посадить меня въ пюрью. Признаюсь, что мысль о темной конуркѣ пугала и самую мою философію.

Мѣсяца черезъ два прїѣхалъ ко мнѣ одинъ богатой Князь, съ пребованіемъ, чпобы я подписалъ нѣкопорую бумагу, и съ обѣщаніемъ удовольствовашъ моихъ кредиторовъ; по естъ, мнѣ надлежало взвеспи на себя небылицу, копорая давала Эмилиі право избрать другога мужа. Я сперва захохопалъ, а послѣ задумался, воображая съ одной спороны ужасы темницы, а съ другой злыя насмѣшки людей. Между тѣмъ Князь говорилъ о своей благодарности; признался, чпо онъ намѣренъ жениться на Эмилиі, желая спаспи ее отъ бѣдспвій нищеты; предлагалъ мнѣ свою дружбу; увѣрялъ, чпо домъ его будетъ моимъ домомъ; даже звалъ мѣня жить къ себѣ. Тутъ *щастливая мысль* пришла мнѣ въ голову: я подписалъ бумагу.

Эмилиа краснорѣчивымъ письмомъ извѣвила мнѣ свою признательность (она вышла за Князя,

который немедленно выкупилъ мой вексели), и въ заключеніе говорила: „Мы не умѣли бытъ щаспливыми супругами : будемъ по крайней мѣрѣ нѣжными друзьями! Мужъ мой клянется любить васъ какъ брата.“ — Я спѣшилъ увѣрить ее въ своей чувствительности — и съ того времени поселился у Князя ; обѣдалъ, ужиналъ съ Эмилиєю; казался помнымъ, печальнымъ, и оспаваясь наединѣ съ нею, говорилъ со слезами о прежней своей безразсудности, о моемъ сердечномъ раскаяніи, о потерянномъ навѣки щастіи, по ешь имени супруга любезнѣйшей женщины въ свѣтѣ. Сперва она шутила ; но мало помалу начала слушать меня съ важнымъ видомъ и задумываться. Надобно знать, что Князь былъ челоуѣкъ пожилой и весьма непріятный наружноспію. Часто глаза ея пихонько сравнивали насъ, и съ выраженіемъ горести пошуплялись

въ землю. Эмилія нѣкогда любила меня; переспавъ бытъ ея мужемъ, я казался ей тѣмъ любезнѣе. Боясь свѣта, копорый громко осуждалъ ея впорое замуштво, она вела уединенную жизнь; уединеніе же, какъ извѣсно, питаеть спрости. Женщина, самая романическая, въ нѣкоторыхъ обспояпельствахъ можетъ прельспиться богатствомъ; но богатство перяеть для нее всю свою цѣну при первомъ движеніи сердца. Не хочу помить Чипапеля долгимъ пригопвлениемъ. *Планъ мой* щасливо исполнился. Мы изъяснились. Эмилія опдалась мнѣ со всѣми знаками живѣйшей спрости; а я черезъ минуту едва могъ удержаться отъ смѣха, воображая спранность побѣды своей и новостъ пакой связи. — Спарый мужъ опмспилъ новому; но мнѣ еще не довольно было воспорговъ Эмиліи, шайныхъ свиданій, нѣжныхъ писемъ: я хошлъ громкой

славы! и предложилъ своей женѣ-любовницѣ уйти со мною. Она испугалась — описывала наше положеніе самымъ щасливымъ (ибо Князь спыдился ревнованъ ко мнѣ) — предвидѣла ужасъ свѣта, есѣли мы опважимся на пакой неслыханной примѣрѣ разврата — и заклинала меня со слезами сжалишься надъ ея судьбою. Но женщина, копорая преспутила уже многія (по словамъ Моралистовъ) должноти, не можетъ ни въ чемъ опвѣчать за себя. Я хотѣлъ непременно, пребовалъ, грозилъ (помнился) застрѣлить себя — и черезъ нѣсколько дней мы очутились на Мо**ской дорогѣ.

Торжествое мое было совершенно: я живо предспавлялъ себѣ изумленіе бѣднаго Князя и всѣхъ честныхъ людей; сравнивалъ себя съ романтическими Ловеласами, и спавилъ ихъ подъ ногами своими: они увозили любовницѣ, а я увезъ бывшую

жену мою опѣ впораго мужа! Эмилія грустила, но упѣшалась мыслію, что она слѣдуетъ движенію-непобѣдимаго чувства, и что любовь ея ко мнѣ есть героическая: упѣшеніе, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ женщины въ заблужденіяхъ спраши или воображенія!

Въ М**ѣ знапные мои родственники не хотѣли пустишь меня въ домъ, а набожныя пепки и бабушки, вспрѣчаясь сомною на улицѣ, крестились опѣ ужаса. За то нѣкопорые молодые люди удивлялись смѣлости моего дѣла, и признавали меня своимъ героемъ. Я покоился на лаврахъ, не боясь никакихъ слѣдствій: ибо доброй Князь, заключивъ горестъ въ сердце, не жаловался никому, и говорилъ своимъ знакомымъ, что онъ самъ опправиль жену въ М**у для экономіи. Эмилія продала свои брилліаншы, и мы жили не дурно;

но она жаловалась иногда на мое равнодушіе, и наконецъ, узнавъ, что я вошелъ въ связь съ одною извѣстною въпренницею, слегла въ постелю; сказала мнѣ, что, бывъ женою, она могла сносить мои невѣрности; но сдѣлавшись любовницею, умираетъ отъ нихъ. Эмилія сдержала слово—и при смерти своей говорила мнѣ такія вещи, отъ которыхъ волосы мои спали бы дыбомъ, ешьли бы, къ несчастью, была во мнѣ хопя искра совѣсти; но я слушалъ холодно и заснулъ спокойно; только въ ту ночь видѣлъ страшный сонъ, который безъ сомнѣнія не сбудется въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Не хочу говорить о дальнѣйшихъ моихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя не имѣли въ себѣ никакого особеннаго блеска, хопя мнѣ удалось еще разорить двухъ или трехъ женщинъ (правда, не молодыхъ). Видя наконецъ, что лѣта и

невоздержность кладуѣ на лицо мое угрюмую печать свою, я рѣшился взять другія мѣры, сдѣлался росповщикомъ, и сверхъ того забавникомъ, шупомъ, повѣреннымъ мужей и женъ въ ихъ маленькихъ слабоспяхъ. Мудрено ли, что мнѣ снова опворенъ входъ во многіе имениные дома? Такіе люди нужны на всякой случай. Однимъ словомъ, я доволенъ своимъ положеніемъ; и видя во всемъ дѣйствіе необходимой судьбы, ни одной минушы въ жизни моей не омрачилъ гореспнымъ раскаяніемъ. Еспьли бы я могъ возвращить прошедшее, то думаю, что повпорилъ бы снова всѣ дѣла свои: захопѣлъ бы онять укусить ногу Папѣ, распущспвовать въ Парижѣ, пить въ Лондонѣ, играшь любовныя Комедіи на Театрѣ и въ свѣтѣ, промолать ямѣніе и увезти жену свою опѣ впораго мужа. Правда, что нѣкоторые люди смотряѣ на

меня съ презрѣніемъ , и говорящъ , что я оспыдилъ родъ свой ; что знапная фамилія естъ обязанность быть полезнымъ челоукомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ опечесствѣ . Но повѣрю ли имъ , видя съ другой спороны , какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соопечеспвенниковъ старающа подражащъ мнѣ , живущъ безъ цѣли , жениащъ безъ любви , разводящъ для забавы , и разоряющъ для ужиновъ ? Нѣтъ , нѣтъ ! я совершилъ свое предопредѣленіе , и подобно спраннику , копорый , споя на высотѣ , съ удовольспвіемъ обнимаешъ взоромъ пройденныя имъ мѣспа , радоспно воспоминаю , что было со мною , и говорю себѣ : *такъ я жилъ !*

Графъ N. N.

О ЛЕГКОЙ ОДЕЖДѢ МОДНЫХЪ КРА-
САВИЦЪ ДЕВЯТАГО-НАДЕСЯТЬ ВѢКА.

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была *скромность*. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худаго, ни добраго: ибо домашняя жизнь (свердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинствъ, непроницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красою и любезностію; въ немъ печется о супругѣ и дѣтяхъ; въ немъ услаждаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили восточные мудрецы, есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, уводящій отъ неосторожныхъ воз-

ровъ желанія. Такія мысли ввели въ употребленіе покрывало: символъ женской скромности и щипъ прелестей, извѣстныхъ одному щастливому супругу!

Теперь въ публичномъ собраніи смогру на молодыхъ красавицъ девятого-надесять вѣка, и думаю: гдѣ я? въ Мильпоновомъ ли раю (въ кошоромъ милая напура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетѣ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина порпрета во весь ростъ?

Дѣйствіе всесильной моды, кошорую, подобно форпунѣ, должно писать слѣпою! Наши спыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную спыдливость свою, единственну для того, что Француженки не имѣютъ ее, безъ сомнѣнія тѣ, кошорыя прыгали конпрдансы на могилахъ родипелей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужа-

сами Революціи и перенимаемъ моды ея! Знаемъ, что нынѣшній Парижскій свѣтъ состоиптъ изъ людей безъ всякаго воспитанія, безъ всякаго нѣжнаго чувства, и, слѣдующа спарой привычекъ, хопимъ согласашься съ его новыми обыкновеніями! Нѣкогда Парижъ въ самомъ дѣлѣ могъ назвашься столицею вкуса: ибо упоженіе свѣтскихъ пріятностей было единственнѣмъ дѣломъ его въ печеніе двухъ вѣковъ. Но это время прошло, и долго, долго не возвращишья, не смотря на желаніе Консула Бонапарте воскресить Французскую любезность, которая — естли не умерла, то по крайней мѣрѣ заснула глубокимъ сномъ Эпименида на развалинахъ Бурбонскаго шрона и на кипарисахъ Революціи. Какія женщины дають нынѣ понѣ въ Парижѣ? Роскошныя супруги Банкировъ и *подрядчиковъ* (*fournisseurs*), обогащенныхъ народною каз-

ною — женщины низкаго состоянія, не имѣющія идеи о любезности прежнихъ знашныхъ Француженокъ, копорыя всего болѣе отличались игрою ума и *кокетствова-ли*, пакъ сказать, нѣжнымъ чувствомъ пристойности. Мудрено ли, что сіи новыя, молодыя Аристократки — сіи цвѣтны, копорыя выросли и распустились на землѣ облившей кровію несчастныхъ жерпѣвъ гильотины — не имѣютъ никакого чувства истинныхъ женскихъ достоинствъ, и, спараясь нравиться, упошребляють способы Парижскихъ Лаисъ, единственныхъ образцевъ своихъ? Но мудрено по, что въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе и правила, женщины, вообще любезныя, слѣдуютъ модѣ Парижскихъ мѣщанокъ! Онѣ безъ сомнѣнія съ великимъ прудомъ побѣждаютъ милую стыдливость; безъ сомнѣнія долго сражаются съ нею при сво-

емъ, такъ-называемомъ *Греческомъ уборѣ*, копорый скорѣе можно назваць Американскимъ. Кпочипалъ древнихъ Авторовъ или хопя Анахарсиса, попѣ знаетъ, что Гречанки были скромны. На древнихъ женскихъ статуяхъ обнажены нѣкопорыя прелести; но художники слѣдовали не обыкновенію опечесства, а желанію доказаць свое искусство въ изображеніяхъ Напурь, отдаваясь на судъ супругамъ или юнымъ друзьямъ Аспазій. Художники и Поэты имѣютъ право снимать съ красоты покрывало; но теперь имъ мало труда!

Я увѣренъ въ невинности многихъ, и, еспѣли угодно, всѣхъ нашихъ красавиць; но что подумаесть объ нихъ—на примѣрѣ, какой нибудь добродушной, но грубой Сибирякъ, прѣхавшій въ столицу и во многочисленномъ собраніи видящій сію прелестную *откровенность женскихъ сердець*? Увѣримъ ли его,

что наши молодяя супруги, въ полурайской зефирной одеждѣ, не имѣютъ никакихъ намѣреній, оскорбительныхъ для свяности супружества? Онъ вѣрно засмѣется и скажетъ съ Гиперборейскою грубостію: „Оправьте же ихъ скорѣе домой; онъ безъ сомнѣнія лунашики, сонныя вышли *изъ спальни* и сонныя сюда пріѣхали!“ Если будемъ извѣснять ему сей феноменъ дѣйствіемъ Французской моды, то онъ вообразитъ, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы *обезьянство* (Сибирское названіе моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!

Если красавицы по справедливости вѣрятъ болѣе Медикамъ, нежели Моралистамъ (которые всѣ Сибиряки своею неучпиво-стію), то скажемъ съ важностію Гиппократовъ и Галеновъ, что въ

сѣверномъ климатѣ эпа мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красопы! Уже къ нещасію могли бы мы наименовать двѣ или три жершвы ея, всѣмъ извѣспныя; но избѣгая личностей, говоримъ только о возможномъ. Натпура не предвидѣла сего обыкновенія, и надѣясь на вѣрную зашщипу одежды, образовала женскія прелести такъ нѣжно, что прикосновение грубаго воздуха для нихъ бѣдственно, особливо послѣ нашихъ баловъ, которыя споятъ труда всѣхъ Греческихъ Аплеповъ! Не хочу живо расписывать слѣдствій и представлять въ красавицѣ зарождение ужасной, смерпельной болѣзни, которая, постепенно изглаживая всѣ ея прелести, ведетъ ее тихими или быспрыми шагами ко гробу.

Эпо сильно; но слѣдующія правила школьной Репорики, самое сильнѣйшее убѣждение сохранили

мы для конца. Вопшъ оно : воображеніе естъ самой льспивой живописецѣ : оно пипаетъ спраспи ; но глаза ослабляютъ уже его дѣйствіе ; я не воображаю шого , чпо вижу ; а видя нынѣ и завпра , привыкаю , и часѣ опѣ часу смотрю равнодушнѣ. Вамѣ конечно нѣтъ дѣла до меня , красавицы (ибо мнѣ уже гораздо за семдесятъ лѣтъ) ; но такѣ самые молодые люди чувствуютъ , и Жанѣ Жакѣ Руссо , по справедливости любезный всякому нѣжному сердцу , вамѣ по же скажетъ , естли заглянете въ Эмиля. Вы конечно прелеспны , и живописцы ходятъ за вами съ кистію ; но испинная польза *милой страсти* , которая соспавляетъ главное дѣло вашего , иногда слишкомѣ чувствивпельнаго сердца , пребуетъ покрывала!

Еще одно замѣчаніе. Въ мое время женщины хвалили Вертера , которой сказалъ , чпо жена его ни-

когда не будешь *вальсировать*; это чувство казалось имъ нѣжнымъ. Въ все время мужа и любовники бывали ревнивы: теперь они конечно исправились отъ сего порока. Любовь нынѣ, кажется, гораздо перплывѣ и покойнѣе; шѣмъ лучше для семейственнаго мира, но — шѣмъ хуже для живости спраспей; шѣмъ хуже для милой власпи женскаго пола!

В. Мулатовъ.

ОТЪ ЧЕГО ВЪ РОССІИ МАЛО АВТОРСКИХЪ ТАЛАНТОВЪ?

Естьли мы предложимъ сей вопросъ иностранцу, особливо Французу, то онъ не задумавшись будетъ отвѣчать: „отъ холоднаго климата.“ Со временъ Монпешкье всѣ феномены умственнаго, политическаго и моральнаго міра извѣщаются климатомъ. Ah, mon cher Monsieur, n'avez-vous pas le nez gelé? сказалъ Дидеротъ въ Петербургѣ одному земляку своему, который жаловался, что въ Россіи не чувствуютъ великаго ума его, и который въ самомъ дѣлѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ ознобилъ себѣ носъ.

Но Москва не Камчатка, не Ла-

пландія ; здѣсь солнце такъ же лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ ; пакже естъ весна и лѣпо, цвѣты и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжипельнѣе ; но можешъ ли дѣйствіе его на чело-вѣка, споль умѣренное въ Россіи придуманными способами зацщпы, вредипшь дарованіямъ ? И вопросъ кажется смѣшнымъ ! Скорѣ жаръ, расслабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшипшь шу силу мыслей и воображенія, копорая соспавляетъ талантъ. Давно извѣспно Медикамъ-наблю-дателямъ, что жипели сѣвера долговѣчнѣе жипелей юга : кли-матъ, благопріятный для физиче-скаго сложенія, безъ сомнѣнія не гибеленъ и для дѣйспвій души, копорая въ здѣшнемъ мірѣ споль тѣсно соединена съ тѣломъ. — Еспьли бы жаркой климатъ про-изводилъ таланты ума, то въ Ар-хипелагѣ всегда бы курился чистый

еиміамъ Музамъ, а въ Италіи пбли
Виргиліи и Тассы; но въ Архипе-
лагѣ курятъ . . . табакъ, а въ Испа-
ліи поютъ . . . Каспраты.

У насъ конечно менѣе Авпор-
скихъ паланшовъ, нежели у дру-
гихъ Европейскихъ народовъ; но
мы имѣли, имѣемъ ихъ, и слѣд-
ственно Природа не осудила насъ
удивляться имъ полько въ чужихъ
земляхъ. Не въ климатѣ, но въ
обстоятельстввахъ гражданской жи-
зни Россіянъ надобно искать оп-
вѣта на вопросъ: „для чего у насъ
рѣдки хорошіе Писатели?“

Хотя паланшъ есть вдохновеніе
Природы, однакожъ ему должно
развишься ученьемъ и созрѣшь въ
постоянныхъ упражненіяхъ. Авпо-
ру надобно имѣть не полько соб-
ственно такъ называемое дарова-
ніе—по есть, какую-то особен-
ную дѣятельность душевныхъ спо-
собностей—но и многія истори-
ческія свѣдѣнія, умъ образованный

Логикою, понкою вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени попребно единспвенно на по, чшобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольперъ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ Рускимъ еше болѣе пруда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Монпаня, Паскаля, 5 или 6 Авпоровъ вѣка Лудовика XIV, Вольпера, Руссо, Томаса, Мармоншеля (*), можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множесство церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только маперіальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ опъ художника. Испинныхъ Писателей было у насъ

(*) Какъ сочиншеля единственныхъ сказокъ.

еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцовъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской *Кандидатъ Авторства*, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершенно узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски! Милыя женщины, которымъ надлежало бы только подслушать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, щастливыми выраженіями, плѣняятъ насъ не Русскими фразами. Чужеземца дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучший выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но споль искусно, чтобы обмануть чашапелей и скрыть отъ

нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкопорохъ Рускихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой прудности, и что свѣпскія женщины не имѣютъ перпѣнїя слушапъ или читапъ ихъ, находя, что пакъ не говоряпъ люди со вкусомъ? Еспь ли спросите у нихъ: какъ же говорить должно? по всякая изъ нихъ опвѣчаепъ: „не знаю; но эпо грубо, несносно!“ — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и пѣнїями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Руской шолъко опчаспи; Французы пищупъ какъ говоряпъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить пакъ, какъ напишепъ человѣкъ съ паланпомъ.

Бюффонъ страннымъ образомъ извясняепъ свойство великаго паланпа или Генїя, говоря, что онъ еспъ *терпѣнїе въ превосходной степе-*

пени. Но естли хорошенько подумаемъ, шо едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго перпѣнія Геній не можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства*; охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо пѣвнютъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ еще ихъ самихъ, чего имъ споила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, естли и самое щасливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, спираемую единственно постоянной работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось чтонибудь лучшее? **Въ**

Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: шупъ время иппи въ службу, время искашь чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа бышь предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чпеніе; имя хорошаго Авпора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявишь другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ пому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авпорская любитъ частое уединеніе. — Молодые люди средняго состоянія, копорые учатся, также *спѣшатъ* выпити изъ школы или Университета, чпобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а пѣ немногіе, копорые оспаютъ въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ — безъ чего шрудно Писателю образовашь

вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ понкоспи и пріяпноспи въ слогъ, *переправляли*, такъ сказать, школьную свою Репорику въ свѣтѣ, наблюдая, что ему нравится, и по чему? Правда, что онъ, будучи школою для Авпоровъ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но опни-маетъ прудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щасливъ, кто, слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при однихъ куплетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общесство — непременно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта — но жить въ кабинетѣ.

Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ Авпоровъ въ Росіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ,

или между учеными болѣе свѣпскихъ людей. Теперь палантъ образуется у насъ случайно. Напура и характеръ прошиваясь иногда силѣ обспоятельствѣ и спавяптъ челоѣка на пупь, копорого бы не надлежало ему избиратьъ по расчешамъ обыкновенной пользы, или опѣ копорого судьба удаляла его: пакъ Ломоносовъ родился креспьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Липшерапурѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, еспѣ безъ сомнѣннн природная, ибо всегда рано открываешся, прежде нежели умъ можешъ соединяптъ съ нею виды корыспи. Сей младенецъ, копорый на всѣхъ стѣнахъ черпиптъ углемъ головы, еше не думаешъ о томъ, что живописное искусство доставляештъ челоѣку выгоды въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ стихи, бросаештъ игрушку, и хочештъ говорить приемами. Какой хорошій Авпоръ въ

дѣятельствѣ своемъ не сочинялъ уже сапирѣ, пѣсенѣ, романовѣ? Но обспояпельства не всегда уступаютъ природѣ; естли они не благопріятельствуютъ ей, то ея дарованія по большой часпи гаснутъ. Чему бытъ трудно, то бываетъ рѣдко — однакожь бываетъ — и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязываютъ иногда человекъ къ тихому кабинету, и заспавляютъ его находить неизвѣстную прелесть въ трудахъ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онъ думаетъ — желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самого себя — думаетъ, говорю, что трудъ его не бесполезенъ для отечества; что Авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить*; что всѣ великіе народы любили и любятъ шаланпы;

что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Немцы, не славились бы умомъ своимъ, естли бы они не славились паланпами; что достоинство народа оскорбляется безсмыслиемъ и косноязычьемъ дурныхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сапиръ на вкусъ народа; что образцы благороднаго Рускаго краснорѣчя едва ли не полезѣ самыхъ классовъ Латинской Элоквенци, гдѣ полкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патристическіе и моральные предметы, можетъ благопворить нравамъ и питать любовь къ отечеству. — Другіе могутъ думать иначе о Липпературѣ: мы не хотимъ теперь спорить съ ними.

МЫСЛИ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красочность для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическія и нѣжныя. Имя уединенія принадлежитъ къ симъ магическимъ словамъ. Назови же его — и чувствительный воображаетъ любезную пущину, густыя сѣни деревъ, помное журчаніе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость съ своими горестными и сладкими воспоминаніями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненіе надеждъ своихъ, такъ и самое уединеніе не отвѣп-

спвуеть ихъ ожиданіямъ; цѣлпы его благоухаютъ въ воображеніи, и вянутъ въ грубомъ элементѣ существе нности.

Быть щасливымъ или довольнымъ въ *совершенномъ* уединеніи можно только съ неиспощимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденій и въ опсупствіи всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе въ насъ; а человекъ отъ первой до послѣдней минуты бытія есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствоватъ съ другими и наслаждаться ихъ наслажденіемъ. Опдѣляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно расптнію, лишенному живописныхъ вліаній солнца.

Чувствительный воображаетъ благопріятнымъ для уединенія то время, когда человекъ, сто разъ обманутый въ своихъ милыхъ надеждахъ, перестаетъ наконецъ желать и надѣяться: тогда уедине-

ніе кажется единственною егоопрадою, единственнымъ вѣрнымъ приспанищемъ на Океанѣ безпкойной жизни; тамъ, въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувспвовать съ одною природою; тамъ, съ горестію вспоминая жестпокую холодноспть людей, онъ утѣшйпся мыслію, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не лдовитъ: въ немъ нѣтъ дыханія пррковъ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувспвительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, копрыхъ предметъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ опношеній къ миру нравспвенному не имѣютъ ни-

нилъ — и добродушный пустыникъ или возвратившися въ свѣтъ, или за упрямство будетъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человекъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можетъ передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣтъ, антидотъ тамъ же. Одинъ уязвляетъ ядовитою спрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но *временное* уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ убѣжищахъ Напуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ отсутствіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ опдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить

кистию, такъ наблюдатель удаляется иногда отъ свѣта, чптобы пѣмъ вѣрнѣе и живѣе представилъ его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо оставилъ городъ, чптобы въ густыхъ лѣсахъ Парка размышляя объ измѣненіяхъ челоѡка въ гражданской жизни, и слоѡ его въ семъ пвореніи имѣетъ свѣжестъ Природы.

Временное уединеніе естъ пакже необходимостъ для чувспвительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, лѣняется созерцаніемъ внупреннаго своего богатства; углубляется въ самое себя; оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединеніе, чптобы, насладившись блаженствомъ, въ крошкѣ покоѡ

души насладиться еще его воспоминаніемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, копорую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ въ уединеніе, копорое своими размышленіями и мечтами питаешь спраши.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательной, сказалъ, что одинъ злой человекъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ-Жака. Нѣтъ, уединеніе есть худой товарищъ для нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, копорая есть прелесть уединенія. Чтобы прилично бесѣдовать съ собою, надобно быть добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души, копорая не совмѣстна съ ядовитою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкопо-

рою особенною живостию воображенія, всѣмъ *Эпикурейцамъ чувствительности*; совѣшную иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенія, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. На примѣръ, кто осмѣляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Деліля, *блистаютъ красотой, одеждою, шумомъ*, выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тогда чувствуетъ въ себѣ какую-то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его сценами. Такія противоположности разительны, и могутъ быть испочникомъ живыхъ удовольствій.

„Величественный шумъ деревьевъ,
 „качаемыхъ вѣтромъ надъ моею го-
 „ловою (говоритъ одинъ Писатель)
 „есть мистическій языкъ Напуры,
 „который бываетъ для меня свя-
 „щеннѣе *послѣ городского шума.*“

Скажемъ наконецъ, что уедине-

ніе подобно п'бм'б людям'б , с'б ко-
порыми хорошо и пр'япно вид'б'ться
изр'бдка , но с'б копорыми жип'ь
всегда пягоспно уму и 'сердцу!

А Н Е К Д О Т Ъ .

Шесть человекъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ пріятелей, сидѣли за ужиномъ въ пракширѣ Кресповскаго острова въ П — ъ. Въ числѣ ихъ былъ Ліодоръ, Секретарь Графа N. N., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. Они веселились безъ памяти, спучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ за нихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодость опкровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У каждого было сердце на языкъ; всякой рассказывалъ о своихъ желаніяхъ, надеждахъ, успѣхахъ и неудачахъ.

VII.

28

Ліодоръ наименовалъ Эмилию — и всѣ закричали: „какъ ты щаспливъ, еспьли она тебѣ любитъ!“ Эмилиа была одною изъ первыхъ Мо — скихъ красавиць. Ліодоръ вынулъ изъ записной книжки порптретъ ея съ девизомъ: *твоя до гроба!* Воскли- чанія: „какъ ты щаспливъ!“ повпо- рялись. „Ахъ! благодарю Судьбу!“ сказалъ онъ: „кто имѣетъ преле- спную невѣспу, вѣрнаго друга, доб- рыхъ пріяпелей и 24 года отъ роду, пому не чего болѣ желать въ свѣ- стѣ!“ Ліодоръ, говоря такимъ обра- зомъ, съ горячностію обнималъ Ми- лона, нѣжнаго друга своего. . . . Ме- жду стѣмъ свѣчи догорѣли; самое ве- селъе утомило молодыхъ людей: надлежало разспапьяся, впредъ до скорого и радоспнаго свиданія.

Ліодоръ и Милонъ побѣхали вмѣ- стѣ на лодкѣ. Упрення весенняя заря красила небо, отсѣвчиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Ліодоръ былъ въ самомъ щаспливѣйшемъ распо-

ложеніи , и говорилъ съ психимъ воспоргомъ : *Какъ мила жизнь ! какъ все хорошо въ свѣтѣ ! Никогда еще душа моя не чувствовала такой живой благодарности къ Творцу !* — На берегу друзья проспились ; имъ надлежало ийти въ разныя спороны . Людоръ оспановился , взглянулъ назадъ , и видя , что Милонъ также спойпъ на одномъ мѣстѣ и смотрипъ на него , бросился еще разъ обнять друга ; глаза его наполнились слезами , радостными и сладкими Предчувствіемъ бѣдствія называемъ мы обыкновенно уныніе и поску безъ извѣстной причины ; но иногда пайпся оно въ какомъ-то необыкновенномъ и неизяснимомъ сердечномъ удовольствіи . Щасъе , гошовясь оспавить насъ , представляется сердцу во всей красотѣ своей и ласкаетъ его съ опмѣнною живостію . Судьба , поднимая руку съ мечемъ , другою сыплетъ цѣпы на жертву

свою. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ сей феноменъ.

Людоръ нашелъ дома письмо изъ Мо — вы, въ копоромъ уведомляли его объ Эмилиной скоропоспижной смерти! . . . ЕСТЬ горести, копорыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ своей чувствительности можетъ вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Нецаспный молодой человекъ наконецъ опомнился — и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не присылалъ объ немъ навѣдашья. Такая безпечная холодность казалась Лидодору пресупленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ побѣжалъ къ нему, чшобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: „я въ опчаяніи, а ты не знаешь!“ — У воротъ дому встрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана,

а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на сполѣ: онъ умеръ наканунѣ!...

Ліодоръ казался швердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный пруръ съ горячностію—и спѣшилъ къ своему начальнику, Графу N. N., которій, взглянувъ на него, ужаснулся: на Ліодоръ не было лица человѣческаго. Онъ пребовалъ своей опспавки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, что умъ его въ безпорядкѣ, и совѣщовалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Ліодоръ улыбнулся.... Сія усмѣшка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую ту минуту вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Ліодоръ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, — былъ такъ веселъ и щасливъ!... Онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Ліодоръ

уѣхалъ изъ П — а, съ намѣреніемъ, которсе для него самого было не ясно; онъ чувствовалъ только, что ему надобно переѣхать мѣсто, когда судьба его такъ ужасно переѣнилась. — Открылась М — ва, въ которую воображеніе и сердце его такъ часто лепало, и куда онъ надѣялся возвратиться за шѣмъ, чтобы навѣки соединиться съ Эмилиєю! . . . Лѣодоръ велѣлъ ѣхать прямо въ До — ской монастырь. Начинало смеркаться: въ стѣнахъ его царствовала глубокая тишина, разительный образъ спокойствія могилъ, которыми онъ наполненъ. Въ семь истинномъ жилищѣ мертвыхъ не видно было ни одного живаго существа; одни монументы представлялись взору, столь ужасные для того, кто еще ничего любезнаго не опдавалъ смерти, и столь привѣтливые для горестныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію есть какая-

по симпатіа Ліодоръ былъ шамъ нѣкогда съ Эмилиєю и вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ ея матери: подлѣ сего монумента лежалъ новый камень . . . Сердце несчастнаго любовника запрепело; онъ бросился на колѣни — цѣловалъ, омывалъ слезами Эмилину могилу — говорилъ съ мертвою какъ съ живою — описывалъ ей отчаяніе любви своей — душа его дѣлилась между небомъ и землею, спремься къ оспашкамъ плѣннаго бытія любовницы и къ тому, что составляло жизнь и красоту его . . . Въ сіи минушы, когда сердце рвется къ милымъ усопшимъ, подымаются нѣкопорымъ образомъ паинспвенная завѣса вѣчности: мы чувствуемъ дыханіе безсмертныхъ — осязаемъ, кажемся, эирное существо ихъ. Живость сихъ воспорговъ заспавляетъ насъ думать, что они не совсѣмъ мечпательны, и что смерть не есть совершен-

ный разрывъ сердець, копорыя жили однимъ чувствомъ. Есльи мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранишь память любезныхъ, по не уже ли они въ другой сферѣ бышя совсѣмъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непостоянству? какіе законы не уступятъ силѣ любви, когда надобно упѣшишь милаго? и что останеться неплѣннаго въ душѣ, есльи въ ней любовь исчезаеть? . . . Но сіи воспорги не продолжительны; душа низпадаетъ въ горестную существенность и не находить вкругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ своихъ одинъ слабый лучъ надежды.

Въ семъ монастырѣ и въ сей вечерѣ Ліодоръ видѣлъ одного старца, копораго Христіянская бесѣда чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старець, говоря о сущѣ

міра, указывалъ на гробы!.. Онъ утѣшалъ молодаго челоуѣка, но единспвенно такъ, какъ утѣшаепѣ Религія — не мечпами, не видами новыхъ удовольспвій вѣ жизни, а необходимоспію покоряпѣ спайнспвенной волѣ Всевышняго.

Ліодорѣ побѣхалъ вѣ свою деревню вѣ Во — ской Губерніи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко опшуда еспѣ монастырь, основанный (какъ говоришѣ преданіе) вѣ шестомѣ-надесять вѣкѣ однимѣ нещаспнымѣ опцомѣ и супругомѣ, копорый служилъ вѣ войскѣ Царя, возврапился вѣ свое помѣспье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣтей: они сторѣли во время его опсупспвія. Онъ поспроилъ монастырь и былъ вѣ немѣ первымѣ монахомѣ. Ліодорѣ рѣшился слѣдовапѣ его примѣру и навѣки опказался опѣ міра. Начальникѣ памошняго Духовен-

спва, мужъ благоразумный, совѣщавалъ ему прежде испытать сердце свое, и назначилъ для него три года искуса. Молодой человекъ поселился въ сей уединенной обители, и два года служилъ примѣромъ спрогой жизни древнихъ Христіанскихъ опшельниковъ. Господинъ П * * * (который рассказывалъ своимъ пріятелямъ сей анекдотъ) видѣлъ его въ исходѣ впораго года: Ліодоръ казался въ душѣ и въ сердцѣ мертвымъ для свѣта; на блѣдномъ лицѣ его изображалось какое-то величественное спокойствіе; онъ не хотѣлъ даже говорить о своихъ несчастіяхъ и потеряхъ.— Господинъ П * * * увидѣлся съ нимъ въ другой разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: Ліодоръ обрадовался ему, повелъ его гулять въ лѣсъ, и закрѣпившись указалъ ему на одномъ деревѣ имя Эмили. Слезы полились изъ глазъ его; онъ началъ говорить объ ней; рассказывалъ всѣ

обстоятельствъ своей исторіи съ великою живостію, и слушалъ съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П * * *, удивленный его переменною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. „Нѣтъ!“ отвѣчалъ молодой человекъ: „я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ. — Вотъ гробъ мой!“ примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П * * * узналъ, что Лѣодоръ умеръ, *будучи выгнанъ изъ монастыря за некрестованныя поступки*, которыхъ я не хочу описывать! ! . . . Вотъ феноменъ человѣческаго сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ несчастливъ, когда угодно Провидѣнію опни-
маемъ у насъ радости, но оспанемся на сценѣ до послѣдняго дѣйствія — оспанемся въ училищѣ горестей до той минушы, какъ шаин-

спвенный звонокъ перезовепъ насъ
 въ другое мѣсто! — А вы, моло-
 дые люди, въ несчастіяхъ и въ по-
 теряхъ своихъ не обманывайте
 себя мыслию, что рана ваша неиз-
 цѣлима: нѣтъ! юное сердце, пы-
 лая жизнь, излечается опъ горе-
 спей собственною внутреннею си-
 лою — и сіе выздоровленіе обнов-
 ляепъ его чувствительность къ
 удовольствіямъ жизни. — Иное дѣ-
 ло, когда человекъ, подобно вечер-
 нему солнцу, приближается къ сво-
 ему западу: тогда единственно
 утрапы бываюпъ невозвратимы;
 но и тогда, чтобы не дѣйствовашъ
 вопреки плану Напуры, не должно
 умирапъ для свѣта прежде смер-
 ти. Если между гробомъ и нами
 нѣтъ уже никакого земнаго жела-
 нія; если не можемъ наконецъ
 быть дѣятельны для своего щастія,
 то будемъ дѣятельны хотя для раз-
 сѣянія, хотя для удовольствія дру-
 гихъ людей, опираясь на якорь Ре-

лиги, которая, подобно надеждѣ,
бросаетъ его чловѣку въ бѣдспві-
яхъ, но не обманываетъ чловѣка
шакъ, какъ надежда, ибо ничего не
обѣщаетъ ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ И ЛЮБВИ КО ЧТЕНІЮ ВЪ РОССІИ.

За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, копорыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуеетъ.

Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распроспранителемъ книжной торговли. Взявъ на опкупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, опда-

валъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то естъ, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: Г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богачѣ содержаніемъ, прибавилъ къ полипическимъ разныя другія спашья, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское Чтеніе, которое новоспію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, несмотря на ученической переводъ многихъ піесъ, нравилось Публикѣ. Число Пренумерантовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000. Съ 1797 году газеты сдѣлались важны для

Россіи Высочайшими Императорскими приказами и другими государственнымъ извѣспіями, въ нихъ вносимыми; и теперь расходится Московскихъ около 6000: безъ сомнѣнія еще мало, когда мы вообразимъ величіе Имперіи, но много въ сравненіи съ прежнимъ расходомъ; и едва ли въ какой нибудь землѣ число любопытныхъ такъ скоро возраспало, какъ въ Россіи. Правда, что еще многіе дворяне, и даже въ хорошемъ состояніи, не берутъ газетъ; но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ. Самые бѣдные люди подписываются, и самыя безграмотныя желаютъ знать, *что пишутъ изъ тужихъ земель!* Одному моему знакомцу случилось видѣть нѣсколько пирожниковъ, копорые, окруживъ чпеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между Австрійцами и Французами. Онъ спросилъ и узналъ, что пяперо изъ нихъ скла-

дываются и берутъ Московскія газетны, хопя чепверо не знають грамошы ; но пяшой разбирають буквы, а другіе слушають.

Наша книжная порговля не можетъ еще равняться съ Нѣмецкою, Французскою или Англійскою ; но чего не лзя ожидать опъ времени, судя по ежегоднымъ успѣхамъ ея? Уже почти во всѣхъ Губернскихъ городахъ есть книжныя лавки ; на всякую ярманку, вмѣстѣ съ другими поварами, привозятъ и богапства нашей Липпературы. Такъ на примѣрѣ сельскія дворянки на Макарьевской ярманкѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде поргаши ѣзжали по деревнямъ съ леншами и перспнями: нынѣ ѣздятъ они съ *угенымъ товаромъ*, и хопя по большой часпи сами не умѣють чипать, но желая прельспить охопниковъ, рассказываютъ содержаніе романовъ и комедій, правда по-своему и весьма

забавно. Я знаю дворянъ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 500 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, *библіотетки*, радуются ими, и между тѣмъ, какъ мы бросаемъ, куда попало, богатые изданія Вольпера, Бюффона, они не дадутъ упастъ пылинкѣ на самага Мирамонда; читаютъ каждую книгу нѣсколько разъ, и перечипываютъ съ новымъ удовольствіемъ.

Любопытный пожелаетъ, можетъ быть, знать, какого роду книги у насъ болѣе всего расходящіяся? Я спрашивалъ о томъ у многихъ книгопродавцевъ, и всѣ не задумавшись отвѣчали: „романы!“ Не мудрено: сей родъ сочиненій есть безъ сомнѣнія самый любопытнѣйшій для большей части Публики, занимая сердце и воображеніе, представляя карпину свѣта и подобныхъ намъ людей въ любопытныхъ положеніяхъ, изображая сильнѣйшую и при томъ самую обы-

кновенную спрасць вѣ ея разнообразныхъ дѣйствіяхъ. Не всякой можетъ философствовать или спасти себя на мѣстѣ Героевъ Истории; но всякой любитъ, любилъ или хотѣлъ любить, и находилъ въ романическомъ Герое самого себя. Чипапелю кажется, что Авторъ говоритъ ему языкомъ собственнаго его сердца; въ одномъ романѣ пишетъ надежду, въ другомъ приятное воспоминаніе. Въ семъ родѣ у насъ, какъ извѣстно, гораздо больше переводовъ, нежели сочиненій, и слѣдственно иностранные Авторы перебиваютъ славу у Рускихъ. Теперь въ спрашной модѣ Коцебу — и какъ нѣкогда Парижскіе книгопродавцы требовали *Персидскихъ писемъ* отъ всякаго Сочинителя, такъ наши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самыхъ Авторовъ Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, естъли на пишущемъ имя славнаго Коцебу!

Не знаю, какъ другіе, а я раду-
юсь: лишь бы только чипали! И
романы, самыя посредственныя, —
даже безъ всякаго таланта писан-
ныя, способствуютъ нѣкоторымъ
образомъ просвѣщенію. Кто плѣ-
няется *Миканоромъ*, *злѣшастнымъ*
дворяниномъ, попѣ на лѣсницѣ ум-
ственного и моральнаго образованія
споймѣ еще ниже его Автора, и
хорошо дѣлаемъ, что чипаемъ сей
романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія
чему нибудь научаемся въ мысляхъ
или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро
между Авторомъ и чипателемъ
велико разстояніе, то первый не
можетъ сильно дѣйствовать на по-
слѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни
былъ. Надобно всякому что нибудь
поближе: одному Жанъ-Жака, дру-
гому Никанора. Какъ вкусъ физи-
ческой вообще увѣдомляетъ насъ о
согласіи пици съ нашею попребно-
спію, такъ вкусъ нравственный оп-
крываетъ человѣку върную анало-

гію предмета съ его душею ; но сія душа можеѣ възвыситься поспепенно— и кпо начинаеѣ *Злощастнымъ дворяниномъ*, не рѣдко доходитѣ до Новой Элоизы.

Всякое пріятное чпеніе имѣеѣ вліяніе на разумѣ, безѣ котораго ни сердце не чувспвуетѣ, ни воображеніе не предспавляетѣ. Въ самыхѣ дурныхѣ романахѣ еспѣ уже нѣкопоя Логика и Репорика : кпо ихѣ читаеѣ, будеѣ говориѣ лучше и связнѣ совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалѣ книги. Кѣ пому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторѣ, вздумавѣ написаѣ при или чепыре пома, прибѣгаеѣ ко всѣмѣ способамѣ заняѣ ихѣ, и даже ко всѣмѣ наукамѣ: по описываетѣ какой нибудь Американской оспровѣ, испощая Бишинга; по извясняетѣ свойспво шамошнихѣ распѣній, справляеѣ съ Бомаромѣ; такимѣ обра-

зомъ чипапгель узнаешъ и Географію и Натуральную Испорію; и я увѣренъ, что скоро-въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ романѣ новая Плана Пиацци будетъ описана еще обспояпельнѣе, нежели въ Пешербургскихъ Вѣдомоспяхъ!

Напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для нравспвенности; всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную цѣль или представляютъ моральное слѣдспвіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бывають вмѣспѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойспвами, которыми Авторъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдспвенно добро и въ самомъ злѣ поржеспвуешъ. Нравспвенная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся? обыкновенно чув-

спвипельные; слезы, проливаемые чипапелями, пекушъ всегда отъ любви къ добру и пипающъ ее. Нѣшъ, нѣшъ! дурные люди и романовъ не чипающъ. Жесткая душа ихъ не принимаетъ кропкихъ впечатлѣній любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжноспи. Гнусный корысполюбецъ, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелеспномъ романическомъ Героѣ? а что ему нужды до другихъ? Неоспоримо то, что романы дѣлающъ и сердце и воображеніе... *романически мѣ*: какая бѣда? шѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жипелей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣнія не романическія сердца причиною того зла въ свѣшъ, на которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то естъ совсѣмъ имъ противоположныя! Романическое сердце огоргаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои

огорченія, и не опдаспѣ ихъ за самыя удовольствія эгоисповѣ.

Однимъ словомъ: хорошо, что наша Публика и романы читаетъ!

О СЛУЧАЯХЪ И ХАРАКТЕРАХЪ ВЪ
РОССІЙСКОЙ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ
МОГУТЪ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМЪ ХУДО-
ЖЕСТВЪ.

Письмо къ Господину N. N.

Мысль, задавашь художникамъ пред-
меты изъ опечесшвенной Исто-
ри, доспойна вашего Папріопизма,
и еспь лучшей способъ оживить
для насъ ея великіе характеры и
случаи, особливо пока мы еще не
имѣемъ краснорѣчивыхъ Испори-
ковъ, копорые могли бы поднять
изъ гроба знаменитыхъ предковъ
нашихъ и явить пѣни ихъ въ лу-
чезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту
Рускому всего ближе и любезнѣ
прославлять Руское, въ шо щасп-
ливое время, когда Монархъ и Са-
мое Провидѣніе зовушъ насъ къ

VII.

50

испинному народному величію. Должно приучить Россіянь къ уваженію собспвеннаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній Арписпа и сильныхъ дѣйствій Искусства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ, но и живописецъ и ваятель бывають органами Папріюпизма. Есльи историческій характеръ изображенъ разипельно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлаеця для насъ и въ самыхъ лѣпописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать испочникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человека, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю шой любви къ опечеспву, которая презираетъ его лѣпописи, или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣніе опрошедшемъ.

Вы говорите о прехъ историческихъ карпинахъ, уже написанныхъ въ нашей Академіи Художествъ: содержаніе ихъ достойно похвалы. *Взятіе Казани, избраніе Михаила Теодоровича и Полтавское сраженіе* предспавляющъ намъ важныя эпохи Россійской Истории. Разрушеніе Казанскаго царства запечатлѣло независимость Россіи, славно освобожденной отъ ига Тапартскаго дѣдомъ Царя Іоанна Васильевича, испинно великимъ Княземъ Іоанномъ. Сь воцареніемъ Романовыхъ опечество наше — говоря проспыми Рускими словами — *увидѣло свѣтъ*: мяшежи прекрапились, и Россія начала возрастать въ величїи и славѣ сь какою-то удивительно спройною посшеленноспїю. А Полспавкое сраженіе ушвердило или, лучше сказать, основало первенство Россіи на сѣверѣ. Я надѣюсь, чшо художники, почпивъ пакиммъ образомъ сїи при важныя

эпохи, удовлетворили и всѣмъ особеннымъ пребываніямъ Искусства въ изображеніи дѣйствія.

Зная совершенно Исторію нашу, имѣя вкусъ просвѣщенный и любовь къ художествамъ, которая уже предполагаетъ основательныя свѣдѣнія въ ихъ правилахъ и красотахъ, вы еще хопите совѣтоваться съ другими въ разсужденіи дальнѣйшаго выбора предметовъ для живописцевъ и ваятелей. Мнѣ остается быть благодарнымъ за честь вашей довѣренности — и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пущей учтивости отдаю вамъ на судъ нѣкоторыя мысли свои, не вмѣшиваясь въ права художниковъ, а говоря единственно какъ любитель опечесивенной Истории, имѣющей полько самую легкую идею о красотахъ Искусства.

Я желалъ бы видѣть на картинахъ самое начало Россійской Истории, то есть, призваніе Варяж-

скихъ Князей въ Славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить прехъ славныхъ брагъевъ съ поварищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянѣ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляеиъ ихъ говорить Неспорѣ. Рюрику, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ (или, справедливѣе, Триворнѣ) совѣшуются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ поварищей занимаются ловлею; другіе, узнавъ о прибытіи Славянѣ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ Варяжскихъ Князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею Славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Худож-

никъ опличитъ лица Славянскія отъ Варяжскихъ : первыя должны бытъ нынѣшнія Рускія , а за образецъ послѣднихъ надобно взять Шведскія, Норвежскія или Дапскія. Варяги были Норманцы : симъ общимъ именемъ назывались , какъ извѣстно , жипели упомянутыхъ трехъ земель.

Есшли бы Госпомыслъ былъ въ самомъ дѣлѣ историческимъ характеромъ , то мы конечно бы захопѣли его изображенія ; но Неспоръ не говоритъ объ немъ ни слова ; а всѣ другія лѣтописи слишкомъ новы , баснословны и списаны съ Польскихъ , также весьма новыхъ и баснословныхъ. Я бьюсь объ закладъ , что прежде іб вѣка , или прежде Сприковскаго , нигдѣ не упоминалось о Госпомыслѣ ; Неспоръ жилъ въ первомъ-надесяти и не имѣлъ объ немъ идеи. Это кажется мнѣ рѣшипельнымъ. — Вадимъ *храбрый*

принадлежитъ пакже къ баснословію нашей Исторіи.

Олеги, побѣдитель Грековъ, героическимъ характеромъ своимъ можетъ воспламенить воображеніе художника. Я хотѣлъ бы видѣть его въ ту минушу, какъ онъ прибываетъ щитъ свой къ Цареградскимъ ворошамъ, въ глазахъ Греческихъ вельможъ и храбрыхъ его поварицей, копорые смотряютъ на сей щитъ какъ на вѣрную цѣль будущихъ своихъ подвиговъ. Въ эту минушу Олеги могъ спросить: *кто болѣе и славнѣе меня въ свѣтѣ?*

Сей же Князь можетъ быть предметомъ карпины другога роду — *философической*, естли угодно. Во всякихъ старинныхъ лѣтописяхъ есть басни, освященныя древноспію и самымъ просвѣщеннымъ Историкомъ уважаемыя, особливо, естли онъ представляющъ *живыя терты времени*, или заключающъ въ себѣ мораль, или оспроумны. Та-

кова есть басня о смерти Олега-
 вой. Волхвы предсказали ему, что
 онъ умретъ отъ любимаго коня
 своего. Геройство не спасало по-
 гда людей отъ суевѣрїя: Олегъ,
 повѣривъ волхвамъ, удалилъ отъ
 себя любимаго коня; вспомнилъ объ
 немъ черезъ нѣсколько лѣтъ —
 узналъ, что онъ умеръ — захотѣлъ
 видѣть его кости — и полкнувъ
 ногою черепъ, сказалъ: „это ли для
 меня опасно?“ Но змѣя скрывалась
 въ черепъ, ужалила Олега въ ногу,
 и Герой, побѣдитель Греческой Им-
 перїи, умеръ отъ насѣкомаго. Впе-
 чатлѣніе сей картины должно
 быть (какъ я сказалъ) философиче-
 ское, моральное: *помни тлѣнность*
тѣловѣческой жизни! Я изобразилъ бы
 Олега въ то мгновеніе, какъ онъ
 съ видомъ презрѣнія опшлкиваетъ
 черепъ; змѣя выставляетъ голову,
 но еще не ужалила его: чувство
 боли и выраженіе ея неприяны
 въ лицѣ геройскомъ. За нимъ спо-

побѣдѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи можно предсавить одного изъ волхвовъ, который смотритъ на Олега съ видомъ значительнымъ.

Ольга есть Героиня нашихъ древнихъ лѣтописей, которыя разсказываютъ чудеса объ ея хитрости. Художнику должно воспользоваться симъ знаменитымъ историческимъ характеромъ: ему остается выбрать любое изъ десяти возможныхъ *представленій*. Захочетъ ли онъ изобразить Ольгу въ ту минуту, какъ она, пылая местию въ сердцѣ за убіеніе супруга, и скрывая гнѣвъ свой подъ видомъ ласки, принимаетъ у себя въ теремѣ пословъ Древлянскихъ; или когда на могилѣ Игоровой отправляетъ призывъ (что подаетъ художнику случай предсавить древніе обряды язычества); или когда она, среди торжественнаго великолѣпія Греческой Религіи, крестится въ

VII.

31

Царѣ - Градѣ. Но я знаю, что художники не любящѣ старыхъ женскихъ лицъ: а Ольга въ это время была уже не молода. И такъ они могутъ изобразить ея стоворѣ. На примѣрѣ: Олегъ подводитъ ее къ молодому Игорю, копорой съ восхищеніемъ радостнаго сердца смотритъ на красавицу, невинную, спыдливую, воспипанную въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ. За нею спойитъ мать ея, о копорой нѣтъ хопя ни слова въ лѣтописяхъ, но копорая присутвіемъ и благороднымъ видомъ своимъ должна дать намъ хорошую идею о нравспвенномъ образованіи Ольги: ибо во всякомъ вѣкѣ и соспоаніи одна нѣжная родипельница можетъ наилучшимъ образомъ воспипать дочь. Живописецъ изобразитъ пригошовленія къ стовору по своей фанпазіи. Одинъ почтенный Россіянинеъ думаетъ, что Славяне не имѣли жрецовъ: не смѣю

противорѣчитьъ ему, и знаю, что Неспоръ обѣ нихъ не упоминаетъ, говоря только о волхвахъ; однакожь Архиспъ могъ бы представитъ на сей карпинѣ священныхъ служителей Лады и Полели, чтобы обогатить ея содержаніе.

Никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Святославъ, не только храбрый вѣспязь, не только ужасъ Грековъ (которые спращали дѣшей своихъ именемъ *Сфендосолава*: такъ они называли его), но и прямодушный рыцарь. Еще дѣтскою рукою бросивъ копье въ Древянъ, убійцъ его родителя, онъ не только всю жизнь свою провождалъ въ полѣ, дѣлилъ нужду и труды съ вѣрными шоварицами, спалъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ; но, любя, славу любилъ и спрогую воинскую честность. Неспоръ,

скупой на слова, не забылъ сей великой черпы характера его: *Святославъ никогда не хотѣлъ нападать нечаянно, но всегда напередъ объявлялъ войну* (что, въ погдашнія варварскія времена, было безпримѣрно). Сей Герой любезенъ намъ и по тому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Рускихъ Князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иностранцы; Святославъ родился отъ Славянки. Художникъ, знакомый съ *мысленнымъ образцемъ* Геройства и съ духомъ времени, представитъ намъ, какъ сей древній Суворовъ Россіи, привыкнувъ надѣяться на судьбу, видитъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ Греками. Вѣрная дружина его, изумленная ихъ безчисленнымъ множествомъ, въ первый разъ уныла: побѣда казалась ей наконецъ невозможною. Святославъ говоритъ рѣчь, достойную Спартанца или

Славянина : рѣчь, копорую всѣ наши Испорики хотѣли украсишь, но копорая прекрасна только въ Неспорѣ, и безъ сомнѣнія не естъ выдумка : ибо сей доброй спарецъ не умѣлъ бы такъ хорошо выдумать. Князь, сѣзавъ : *ляжемъ здѣ костьми ; мертвые бо срама не и.мутъ*, обнажаеиъ мечъ свой : вопи минупа для живописца ! Свяпославовы выпязи (копорыхъ онъ изобразилъ, сколько хочеть) въ быспромѣ движеніи геройскаго вдохновенія также извлекаюиъ мечи, машуиъ копьями, гремяиъ щитами, и проч. Вдали можно предстапипъ Греческій необозримый спанъ. — Думаю, что искусный Арпистъ найдетъ способъ оживипъ сію картину.

Владиміра хотѣлъ бы я видѣшь въ шо мгновение, какъ Епископъ Корсунскій, возложивъ на него послѣ крещенія руку, возвращаетъ ему зрѣніе. Сею картиною ознаме-

новалась бы великая эпоха въ нашей Истории : введеніе Христіанской Религіи , и художникъ могъ бы обнаружити весь свой талантъ въ выраженіи лицъ Владиміра, Царевны Анны , и въ щасливомъ расположеніи другихъ фигуръ : Греческихъ вельможъ , Духовныхъ, и Владиміровыхъ полководцевъ. Въ разсужденіи Царевны я замѣнилъ бы одно : лицо ея должно сіять только небесною , благочестивою радостію ; она выходила за Владиміра не по земной любви , а желая единственно обратити его въ Христіанство.

Кто безъ жалостнаго чувства можетъ вообразити прекрасную и несчастную Рогнеду , названную отъ великихъ горестей ея прогашельнымъ именемъ *Гориславы* ? Владиміръ разорилъ опечество ея , умертвилъ родителей , братьевъ , и , къ довершенію своихъ жесто-

костей (*), женился на сей опчаянной плѣнницѣ. Онѣ могѣ бы еще вѣрною любовію примиришь съ собою нѣжное сердце женщины; но, увлеченный спраспи, Князь хочещь удалишь супругу. Тогда оскорбленная любовь возобновляещь въ памяти свей всѣ злодѣянія жестокаго и неблагодарнаго Владимира, и Горислава, подкрѣпляемая учениемъ языческой вѣры, которая спавила мечь въ число добродѣтелей, рѣшился умертвить его. Онѣ въ послѣдній разѣ приходилъ къ ней и засыпаещь въ ея перемѣ: Рогнада берещь ножъ — медлишь — и Князь, просыпаясь, вырываетъ смертоносное оружіе изъ дрожащихъ рукъ ея. Тупъ Горислава, въ изступленіи опчаянія, исчисляещь всѣ свои оскорбленія и его

(*) Это было до его крещенія. Святая Религія еще не дѣйствовала въ немъ своею благодатию.

жестокости. . . . Я, кажется, вижу передъ собою изумленнаго и наконецъ пронухаго Владиміра ; вижу несчастную, вдохновенную сердцець Гориславу, въ безпорядкѣ ночной одежды, съ распрепанными волосами . . . Комната освѣщена лампадою; видны только самыя простыя украшенія и рѣзный образъ Перуна, спящій въ углу. Владиміръ приподнялся съ ложа и держитъ въ рукѣ вырванный имъ ножъ ; онъ слушаетъ Рогнѣду съ такимъ вниманіемъ, которое доказываетъ, что ея слова уже глубоко проникли къ нему въ душу. — Мнѣ кажется, что сей предметъ прогапеленъ и живописенъ.

Бой славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ опрока Переяслава съ Печенѣжскимъ силачемъ достоинъ искусной кисти. Художникъ самъ выбралъ *моментъ* (*): изобразилъ

(*). Слово техническое, котораго смыслъ едва ли можно выразить *мгновеніемъ*.

ли ихъ въ усиліяхъ борьбы, въ напряженіи всѣхъ мускуловъ, или въ то мгновеніе, какъ Руской ударилъ головою Печенѣга, и какъ сей падаешъ? Эта побѣда была спасительна для опечесства: Владимірѣ, въ честь опрока, назвалъ его именемъ новый городъ Переяславль. Кажется, что надобно предсавить только двухъ свидѣтелей сего поединка: Князей Печенѣжскаго и Рускаго, которые берутъ въ немъ живое участіе. Художникъ могъ бы показать великое искусство въ выразительной игрѣ ихъ лица и движеній. — Въ семъ же родѣ можно написать еще двѣ картины: бorenіе Мспислава, Князя Тмушараканскаго, съ Касожскимъ Княземъ Редедю, великаномъ и богатыремъ (копораго онъ, послѣ многихъ щепныхъ усилій, наконецъ ударивъ объ землю, спунилъ ему ногою на горло), и поединокъ — правда, баснословный — Влади-

міра Мономаха съ Генуэзскимъ (Кафинскимъ или Феодосійскимъ) воеводою, копораго онъ махомъ копыа *изъ сѣдла высадилъ*, и, связавъ, привелъ вооруженнаго къ своему войску (*).

Ярославъ, сынъ Владиміровъ, хотѣлъ просвѣтити Россію, учреждалъ школы, давалъ законы, велѣлъ перевести многія книги на Славянскоу языкъ. Вотъ мысль для карпины: „Ярославъ одноу рукоу „развертываетъ свитокъ законовъ, „а въ другой держитъ мечъ, гоповый наказатъ пресупника. Вель „можи Новгородскіе спановятся на „колѣна и съ видомъ смиренія при „емлютъ ихъ опъ Князя и меча „его. За Ярославомъ споятъ мо „нахи съ переведенными книгами, „въ знакъ того, чпо онъ въ нихъ

(*) Несторъ не говоритъ о томъ. Даже и Генуэзцевъ еще не было тогда въ Тавриѣ.

„почерпнулъ нѣкоторыя идеи для „своего законодательства.“ — Хорошо также изобразить Ярослава молящагося въ полѣ передъ сраженіемъ съ лютымъ Святополкомъ, на восходѣ солнца, и на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь святаго Бориса, за которую Ярославъ хотѣлъ быть мстипелемъ.

Нѣкоторые изъ Крипиковъ Россійской Исторіи не хотѣли вѣрить, чѣобы Генрихъ I, Король Французскій, былъ женихъ на Ярославовой дочери Аннѣ, по тому, что лѣтописи наши молчатъ о семъ бракѣ; что опдаленная Франція не имѣла тогда никакой связи съ Россією, и что различіе вѣрѣ должно сповало быть препятствіемъ для такого союза. На сію крипику возражаемъ: 1) что наши лѣтописи весьма не полны; 2) что всѣ Французскія согласно называютъ супругу Генриха *Рускою Принцессою Анною*, дочерью Ярослава (имена,

которыя безъ сего случая едва ли могли бы имъ бытъ извѣстны); 3) что еще гораздо прежде (въ девятомъ вѣкѣ, по лѣтописямъ Бертинскаго монашья) были уже во Франціи послы Рускіе; что войны и практапы нашихъ Князей съ Конспаншинополемъ, съ Польшею и Венгріею, распространяли ихъ славу въ Европѣ; 4) что Полиппика могла заставить и Генриха и Ярослава войти въ сей союзъ, и что привязанность одного къ Восточной, а другога къ Западной Церкви, долженствовала уступить государственной пользѣ: ибо люди едва ли не всегда предпочипали земныя выгоды небеснымъ. Однимъ словомъ, замужство Анны Ярославны имѣетъ всю историческую достоверность — и я хотѣлъ бы оживить на полоннѣ сію любезную Россіянку; хотѣлъ бы видѣть, какъ она со слезами принимаетъ благословеніе Ярослава,

опдающаго ее Посламъ Французскимъ. Это занимательно для воображенія и прогашельно для сердца. Оспавить навсегда опечештво, семейспво и милые навьки скромной дѣвической жизни, чпобы ѣхашь на край свѣта, съ людьми чужими, копорые говорили непоняннымъ языкомъ и молились (по погдашнему образу мыслей) другому Богу! . . . Здѣсь чувспвительность должна быть вдохновеніемъ Арписпа. . . Князь хочеть казашься швердымъ ; но горячность родипельская вѣ сію минушу превозмогаешь Полипику и чесплюбіе; слезы гоповы излишья изъ глазъ его Несчастная машь вѣ обморокѣ.

Послѣ Владиміра Мономаха видимъ уже менѣ великихъ людей на Княжескихъ пронахъ Россіи. Внутренніе раздоры занимають воинскую и полипическую дѣятельность Владѣтелей. Но художе-

ство найдеть еще богатые для себя предметы, и должно ознаменовать — на примѣръ — важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олегъ основалъ ее, недостойна никакого вниманія. Онъ шелъ изъ Новагорода къ Кіеву прямо черезъ Смоленскъ и не могъ безъ всякой нужды углубиться въ лѣвую сторону, гдѣ встрѣпили бы его болопа и пустыни, копорья не представляли ему ни добычи, ни славы побѣдъ. Вообще надобно замѣнить, что сіи древніе завоеватели, пролагая себѣ пути къ извѣстной цѣли черезъ мѣста мало извѣстные, старались всегда слѣдовать за печеніемъ большихъ рѣкъ, для того, чтобы не имѣть нужды въ водѣ, и что большія рѣки, вбирая въ себя влажностъ окресныхъ мѣстъ, не даютъ образоваться непроходимымъ для войска болопамъ. Такимъ образомъ Днѣпръ привелъ Олега отъ Смоленска къ Кіеву. Въ

наше время Испорикамъ уже не позволено бытъ Романистами и выдумывать древнее происхождение для городовъ, чшобы возвысить ихъ славу. Москва основана въ половинѣ вшорато-надесять вѣка Княземъ Юриемъ Долгорукимъ, храбрымъ, хитрымъ, власполюбивымъ, иногда жес:покимъ, но до старости любилелемъ красоты, подобно многимъ древнимъ и новымъ Героямъ. Любовь, копорая разрушила Трору, построила нашу споллицу — и я напомню вамъ сей анекдотъ Руской Испории. Прекрасная жена Дворянина Кучки, Суздальскаго Тысяцкаго, плѣнила Юрия. Грубые тогдашніе вельможи смѣялись надъ мужемъ, копорый, пользуясь опсуспвиемъ Князя, увезъ жену изъ Суздаля и заключилъ съ нею въ деревнѣ своей, шамъ, гдѣ Неглинная впадаетъ въ Москву-рѣку. Юрий, узнавъ о томъ, оставилъ армию и спѣшилъ освободить

красавицу изъ започенія. Мѣсто-положеніе Кучкина села, украшенное любовью въ глазахъ спрашнаго Князя, опмѣнно полюбилось ему: онъ жилъ тамъ нѣсколько времени, веселился, и началъ строити городъ. — Мнѣ хотѣлось бы предспавити начало Москвы *ландшафт-омъ* — лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: дерева падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей — небольшое селеніе дворянина Кучки, съ маленькою церковью и съ кладбищемъ — Князя Юрія, который, говоря съ Княземъ Святославомъ, движеніемъ руки показываеетъ, что туиъ будетъ великой городъ — молодые вельможи занимающа ловлею звѣрей. Художникъ, наблюдая спрогую нравственную приспойность, долженъ за бытъ прелестную хозяйку; но вдали, среди крестовъ кладбища, можетъ изобразити человека въ глубокихъ, печальныхъ размышле-

ніяхъ. Мы угадали бы, кпѣ онѣ—вспомнили бы прагическій конецъ любовнаго романа—и пѣнь меланхоліи не испортила бы дѣйствія карпины.

Но я нечувствительнѣе написалъ довольно страницъ; на сей разъ могу кончить, съ живымъ удовольствіемъ воображая себѣ цѣлую картинную галлерію опечесвенной Истори и дѣйствіе ея на сердце любителей Искусства. Руской, показывая чужестранцу достойные образы нашихъ древнихъ Героевъ, говорилъ бы ему о дѣлахъ ихъ, и чужестранецъ захопѣлъ бы читать наши лѣтописи — хопя въ Леекѣ!

Мы приближились въ историческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ бѣдсвеннымъ временамъ Ресіи; и еспьли живописецъ положишь киспъ, по ваятель возьметъ рѣзецъ свой, чшобы сохранишь память Рускаго геройства въ несчастіяхъ,

которыя болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ людей и народовъ. Тѣмъ предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принявъ цѣпи отъ Монгольскихъ варваровъ, ожидаютъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обогренномъ ихъ кровію. Можетъ ли искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величій древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ Патриотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владимірѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, ко-

порою ихъ жипели прославили
 себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Но-
 вѣгородѣ глаза мои ищущи спашуи
 Минина, который, положивъ одну
 руку на сердце, указываетъ дру-
 гою на Московскую дорогу. Мысль,
 что въ Рускомъ, отдаленномъ отъ
 столицы городѣ, дѣши гражданъ бу-
 дущъ собираются вокругъ мону-
 мента славы, читають надпись и
 говорятъ о дѣлахъ предковъ, ра-
 дуется мое сердце. Мнѣ кажется,
 что я вижу, какъ народная гор-
 досць и славолубіе возраспаютъ
 въ Россіи съ новыми поколѣніями!..
 А тѣ холодные люди, которые не
 вѣрятъ сильному вліянію *Изящ-*
наго на образование душъ, и смѣютъ
 (какъ они говорятъ) надъ *ро-*
маническимъ Патріотизмомъ, до-
 стойны ли отъ нихъ? Не отъ нихъ
 опечесство ожидаетъ великаго и
 славнаго; не они рождены сдѣлать
 намъ имя Руское еще любезнѣе и
 дороже. — Повторимъ истину не-

сумнительную: въ девятомъ-надесять вѣкѣ одинъ попу народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, копорый благородными Искусствами, Литтературою и Науками способствуетъ успѣхамъ челоѳчества въ его славномъ печеніи къ цѣли умственнаго и моральнаго совершенства!

О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖѢ ВЪ ЦАР-
СТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛО-
ВИЧА.

Кровопрولیпіе, мятежи и бѣдствія
соспавляюшѣ главную и, кѣ не-
щаспью, любопышнѣйшую часпѣ
всемірныхѣ лѣпописей; но Испо-
рїя нашего опечеспва, подобно дру-
гимѣ описывая жестокїя войны и
гібельные раздоры, рѣдко упоми-
наепѣ о буншахѣ пропїивѣ Власпей
законныхѣ: что служипѣ кѣ вели-
кой чеспїи народа Рускаго. Онѣ,
кажеспя, всегда чувспвовалѣ необ-
ходимоспѣ повиновенїя и шу ис-
спїну, что своевольная управа гра-
жданѣ еспѣ во всякомѣ случаѣ ве-
ликое бѣдспвіе для государспва.
Такимѣ образомѣ народѣ Москов-
скїй великодушнѣ шерпѣлѣ всѣ ужа-

сы временъ Царя Ивана Васильевича, всѣ неисповсхва его Опричныхъ, копорые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами пронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, предспавляетъ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа. . . Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Рускихъ Писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оспавляетъ для потомства благодѣтельную

ное нравоученіе, по мы вздумали собрать разсѣянные извѣстія о семъ бѣдствѣнномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за досто-
вѣрныя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ прогапельною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоуспривомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ несчастію, Борисъ Ивановичъ Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Папріарха Филарета, который былъ истиннымъ Реніемъ-хранителемъ

и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистию, корыстолюбіемъ и приспращіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Θεодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой полишки сего великаго челоѵка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ Папріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы (*), разслалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и приспращилъ его къ охотѣ, чтобы отвести отъ дѣлъ

(*) Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакавъ родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: тронъ до того спомалъ его доброму сердцу.

государственныхъ : ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись прудолюбия Монарховъ. Наконецъ , къ убѣнчанію своихъ хитроспешей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго ; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ , Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшей сестрѣ , надѣясь пшломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Меншора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною ; ихъ судящъ жестоко, ибо судьею бываетъ зависъ , кошерую прудно обезоружить и добродѣтели. Морозова уважали , но не першбли : Бояре за его самовластіе , а народъ за разныя новыя подати и опкупы , тогда введенныя. Говорили , что онъ убѣдилъ Царя возвысить цѣну на соль и

отдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Числову, и что первый Бояринъ выдумываетъ пакія монополіи для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклеименныхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя (*), не

(*) За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть шугоспна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клеименныхъ аршиновъ было нужно для отращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались прешупленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они спали гораздо меньше покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испоршилось множество рыбы отъ недосоленія.

могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Ил' : Даниловичъ Милославской хопя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатыи дворянинъ; сдѣлавшись песцемъ Государя, осыпанный вдругъ Его благодѣянїями и возведенный на спепень Боярина, онъ спарался обратишь милоспъ Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родспвенниковъ, копорые скоро заняли важнѣйшія мѣспа государспвенныя. Морозовъ охотно способспвовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честпъ и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ. Сїи люди, по большей часпи весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовашп богатымъ, съ перемѣною судьбы своей не перемѣнились душею: хопбли только наживашпся и не имѣли гордаго честполубїя древнихъ фамилїй Боярскихъ; не

зная спыда, ужаснаго только для сердець благородныхъ , не знали и спраха: ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойспвенникомъ и покровишелемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леоншій Плещеевъ и шуриновъ его Троханіоновъ. Первый нача шспвовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то естьъ уголовномъ и гражданскомъ судѣ сполиты, и жершвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безспыдшвомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣришь рассказамъ о дѣлахъ сего челошвка (*). Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подѣ спражу, заключалъ въ шемницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Троханіоновъ, будучи гла-

(*) Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

вою Пушкарскаго Приказа, имѣль въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье масперовымъ людямъ, копорые на нихъ работали; но Троханіоновъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и пирански мучилъ работниковъ, копорые смѣли усиленно требовать платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оспавалось умереть съ голоду. — Напрасно упѣсненные искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, копорые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу предспавляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость пѣмъ живѣе, что благодатное царствование Михаила приучило

ихъ къ царству милости и правосудія ; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, опдѣленный опѣ народа высокою Кремлевскою стѣною , не зналъ , что дѣлается за нею , и не слышалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Троханіоновъ его слышали , но презирали , вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безопасно въ новыхъ Кремлевскихъ палапахъ своего родспвенника Милославскаго (*). Морозовъ наслаждался любовію молодой , прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власпи . Гроза висѣла надъ его головою ; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ , и зная неограниченную къ себѣ милость Царя , не могъ вообразить никакой бѣдспвенной перемѣны своего жребія .

(*) Царь подарилъ ему домъ въ Кремль ; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый .

Народъ полпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами, совѣщаясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, если бы зналъ, что шерпяшъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли Государи хотѣть народнаго пригнѣсенія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Истории. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щаспіе. Личное благо людей, самыхъ значнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человекъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели — и сей человекъ есть Монархъ самодержавный. — Народъ

ныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Рускимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвратити мяшежь, и спарались, можетъ быть, только закрыть сію пучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе властителей бываетъ всегда предпечю государственныхъ бѣдствій. Сіи Бояре могли бы укротити народъ опсравкою Плещеева и Троханіопова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и людей своей фамиліи явно признавъ недоспойными чиновниками. Такія ничпожныя побужденія бывають для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главные обстоятельство погдашняго времени, безъ которыхъ не лзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, при-

спушаемъ къ горестному описанію мяпежа и крайностей народнаго изсшупленія.

23 Іюня 1648 году (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, опслушавъ памъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился. . . Граждане молили его бытъ опцемъ своего народа; рассказали все, что они шерпяпъ отъ судьи неправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго человѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слу-

(*). То есть, въ шретій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

шалъ съ удивленіемъ и милоспиво
отвѣтспвовалъ, что граждане мо-
гутъ бытъ покойны; что онъ самъ
изслѣдуетъ дѣло и накажетъ ви-
новнаго. Народъ громогласно избъ-
явилъ благодарность Монарху, и
восклищанія: *здравія и многія лѣта*
нашему Царю-Государю! провожали
его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кон-
чипсь мирно, законно и благопо-
лучно. Еще народъ не былъ пре-
спупникомъ: онъ пожаловался шоль-
ко своему опцу и Монарху на судію
недостпойнаго; желалъ единспвен-
но опспавки Плещеева: не пре-
бовалъ даже и его наказанія; умол-
чалъ о всѣхъ другихъ неудоволь-
спвіяхъ своихъ и людяхъ, ему не-
нависпныхъ. Такая умѣренность
предвѣщала ли злодѣйства, кото-
рымъ надлежало совершипсь въ
сей день, бѣдспвенный для Мос-
квы и цѣлой Россіи?.. Къ нещастію,
нѣкопорые чиновники, прискакавъ

за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вспутились за Леонція Плещеева, начали укоряпть гражданъ мяшежною дерзостію—даже бишь ихъ, поппашъ лошадыми.... Тупъ искры бунта воспылали. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную праву. Спрашный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Спрѣльцы съ великимъ прудомъ могли оспановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и пысячи голосовъ пребуюпъ; чпобы имъ выдали Плещеева... Бояринъ Морозовъ выходилъ на красное крыльцо, и говорилъ народу именовъ Монарха, что Царь общалъ имъ правосудіе и сдержилъ слово свое, . . . Напрасно; мяшежники кричашъ ему: „намъ и шебя надобно; мы хошимъ

и пвоей головы! “. . . Едва онѣ могѣ спаспись отѣ ихѣ злобы во дворецѣ Государевѣ. Они бросились въ Кремлевскій домѣ Морозова; опбили воропа; умертвили вѣрнаго слугу, копорый хощѣлъ имѣ пропивипсья, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина. . . Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отѣ неистовыхѣ; но они не пронули ее и сказали: *благодари Бога, что Царица сестра твоя! . . .* Такимѣ образомѣ и въ самомѣ бунтѣ народѣ не забывалѣ уваженія къ Царской фамили. . . . Въ нѣсколько минутѣ домѣ Боярина былѣ разграбленѣ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полѣ, серебряная посуда выброшена изѣ оконѣ на улицу; жемчугѣ выносили въ шапкахѣ и за ничто продавали. Грабители дер-

знули даже прикоснуться и къ святынь образѣ и сняли съ нихъ богатыя ризы ; извѣстно , что въ старину сіи драгоценныя оклады сосставляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ , оквантый серебромъ и внутри обитый золопою парчею съ собольею опушкою : народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій , по словамъ одного иноспраннаго Писателя , *обратился въ колодезь* , Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбиныхъ бочекъ.

Мяшежники , опустошивъ домъ перваго Боярина , раздѣлились на многія полпы : однѣ пошли къ Думному Дьяку Чиспову , ненавистному въ столицѣ за соляный опкупъ ; другія къ Плещееву , Троханіопову , къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ , Князьямъ Никипѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ до-

махъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслися бѣгствомъ; но Чисповъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался (*): невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые пирански умерщвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, зная лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человекомъ суровымъ и корыстолобивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ сполицу въ жерпву, можетъ быть, горсти бунповщиковъ: ибо конечно

(*). *Подъ вѣниками*, говоритъ Олеарій.

не весь народъ участвоваль въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, сильный въ щасіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думаль уже не совѣповаль Царю, а единспвенно спасать жизнь свою, какъ спасають ее люди недоспойные власпи—по еспь бѣгспѣомь. Кпо родился.управлять народомъ, попъ предупреждаетъ опасность мудростію или опражаетъ ее великодущіемъ, или гибнетъ, держа пвердою рукою жезлъ правленія. . . Юный Монархъ, оспавленный своимъ главнымъ совѣпникомъ, избвляль нерѣшипельность. Онъ повелѣль только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Кипаю и Бѣлому городу.

На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершипъ свое мщеніе. Тогда Государь приказаль собратъся въ Кремль войску иноспранному. Нѣсколькo сопъ Нѣмцовъ, подъ на-

чальствомъ Офицеровъ своихъ, щли
вооруженные сквозь шолпы народа,
копорый издавна не любилъ ихъ и
часто оскорблялъ грубыми насмѣш-
ками ; но шущь онъ свободно далъ
имъ дорогу и говорилъ ласково :
*добрыя Явмцы! не троньте насъ ; а
мы впрелдъ будемъ жить съ вами
дружно.* Для нихъ отворили Спас-
скія ворота : никто изъ мяпежни-
ковъ не дерзнулъ ишши въ Кремль
за ними. Офицеры иноспранные
разставили караулы у всѣхъ ба-
шенъ и вокругъ дворца, гдѣ собра-
лися вѣрные Бояре , гоповые уме-
реть за Царя и опечесиво. Знап-
нѣйшій между ими былъ Никипа
Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ , Дво-
рецкій Государя и ближній его род-
спвенникъ , человекъ умный, но
безпечный ; благодѣпель всѣхъ бѣд-
ныхъ въ столицѣ , покровитель ино-
спранцевъ и *новыхъ обычаевъ*, копо-
рыми Папприархъ часто укорялъ
его въ бесѣдахъ , но дружески и

ласково : ибо всѣ знатные и незнапные любили сего именипаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностию лѣтъ расположенный къ средствамъ крошкимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу (*), копорый, окруживъ его толпами, кричалъ : *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностью извѣявилъ гражданамъ, сколь приѣкорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщані-

(*) Въ сей піесѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ отъ слова до слова повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

VII.

34

емъ разсмотрѣть ихъ жалобы, самовольно присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впади въ преступленіе; что Государь впорично даетъ имъ слово наказать всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ. . . . Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Троханіоповъ, не будутъ ему выданы и наказаны. . . . Никита Ивановичъ Романовъ извѣщаетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя кляпвенно, что Морозова и Троханіопова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ пребываетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и идетъ назадъ въ Кремль. . . .

Здѣсь Рускій Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтивъ, что оно перешло за границы государственнаго блага, которое въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ : рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Спрѣльцовъ и ропы иноспранныя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, если они не захопятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леоншій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и *другіе* также, если они будутъ пойманы. . . . Черезъ нѣсколько минушъ въ самомъ дѣлѣ

опворились Кремлевскія воропа, и народъ увидѣлъ сего нещаснаго : палачъ велѣ его ; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мяшежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ люпостию расперзали челоѡвка, нѣкогда для нихъ спрашнаго. . . . Въ по же время Государь опправиль Князя Семена Пожарскаго въ слѣдѣ за Троханіоповымъ; его догнали близъ монаспыря Троицкаго, заключили на нѣсколькo часовъ въ шемницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня.— Сии двѣ жершвы усмирили народъ. Ему извѣсно было, что Морозовъ дѣйствительнo искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить; но онъ усккалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и шихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мяшежники, полагая, что сего Бо-

ярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказать его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю благодарность за Его правосудіе, они разошлись по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ при дни жертвою мятежа и страха. . . .

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ инаго роду. Въ 10 часовъ утра возстановилась пишина въ городѣ: въ при часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмишровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ спяло множество бочекъ съ виномъ. . . Кишай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные по-

греба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма. . . . Олеарій, описывая пожаръ, рассказываетъ случай невъроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ, нѣсколько иностранцевъ спяло на улицъ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое печеніе пламени. Вдругъ видящъ они монаха, копорый съ великимъ усиленіемъ тащилъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; нисѣмъ другимъ не лзя остановить пожара.* Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, шутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь, копорый въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю

свою гвардію (*). Милославскій, спасенный опѣ народной злобы до-споинспвомѣ Царскаго шеспя, началъ также даваѣ обѣды знаменитѣйшимѣ изѣ купцовѣ и гражданаѣ, помогаѣ бѣднымѣ, ласкаѣ народѣ и снискиваѣ любовь его. Импріархѣ велѣлѣ Священникамѣ утверждаѣ прихожанѣ въ пишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямѣ законнымѣ. Мѣсто Плещеева и Троханіопова заняли чиновники доспойные, извѣстные столицѣ по ихѣ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жипели Московскіе снова обрапились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамѣ, и народѣ извѣвлялѣ обыкновенное къ нимѣ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхѣ міра— зрѣлище, котораго описаніе

(*) То есть, Спрѣльцовѣ.

останется навѣки прогашельнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-Рускихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни—день былъ праздничный—Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и спалъ на возвышенномъ мѣстѣ (*). . . Граждане со всѣхъ сторонъ пѣснились къ Нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою крепостію сказалъ купечеству и гражданству, что „Ему горестно было свѣдать все, претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные

(*) Олѣарій называетъ сіе мѣсто *театръ*.

заслужили казнѣ, упопреля во зло священную власть закона, копорая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заспутившіе мѣсто Плещеева и Троханіопова, будутъ править и судить по уславу челоувѣколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благоденствіе гражданъ сославяетъ единственныи предметъ Его попеченій, и что Онъ всѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ приобрести имя Ему любезное: имя опца народнаго“ Граждане *низко поклонитсь* Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долгодѣшя, по обычаю Рускихъ...

Тутъ великодушный Царь обратился на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, „что не находя его совершенно правымъ, не находить и во всемъ виновнымъ, и не пребывая еще въ Свое царствование никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они исполнятъ первую просьбу Его и простятъ сего Боярина, который — за что Онъ ручается — заслужитъ впредь любовь и дружбу ихъ; что если они не хотятъ видѣть Морозова въ Синклитѣ, то Онъ исключитъ его изъ сего Верховнаго Сѣвѣта, желая только, чтобы народъ не потерялъ головы человека, который былъ Ему впорымъ опцомъ и наставникомъ“... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онъ составили неизъяснимо-прогашельное заключение Его рѣчи — и самые тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ неистовые мятежники

въ споллицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: *Да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои!* . . . Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минушы печальнаго. Онъ изъявилъ народу Свою признапельность; увѣщавалъ его бытъ крошкимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Боярѣ и царедворцевѣ возвратился въ Кремль

Такое дѣйствіе Монарха, внутреннее ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати - двухлѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича — минуша, въ которую Онъ споль

разительнѣе доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспишателью, и священное уваженіе *даннаго слова*: ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоценное спокойствіе! Жить единственно для щастія подданныхъ, быть истиннымъ опцемъ народнымъ — сіи обѣщанія, подтвержденные Царемъ въ минушю живѣйшаго чувствва признашельности, были конечно искренны и начертаны во глубинѣ Его сердца! . . . мысль плѣнительная! . . . Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности? . . . Историкъ спрогимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человеку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Опи-

рая сладкія слезы свои, онѣ скажетъ, что здравая Полипика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, — предписывала Царю Алексію Михайловичу совсѣмъ иные способы упушить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія; она прощаешь, но не проситъ* — и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого (*) Государь отправился въ

(*) Въ *Лѣтолиси о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня; но число, въ ней означенное, можетъ быть опискою. Оларій, рассказывая достоверно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 число Іюня.—Г. Голиковъ, положась на Ядро Россійской Истории, говоритъ, что

монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благошворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, еслили дѣло его было право. По-

Царь Алексѣй Михайловичъ наказалъ смертію многихъ мятежниковъ: это не сообразно ни съ другими вѣрнѣйшими извѣстіями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ согласиться на казнь Плещеева, Троханіошова, — просить гражданъ, чтобы они не требовали головы Мордзова, и въ то же время казнить ихъ? Авторы Рускихъ записокъ много - усердною ложью своєю часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: такъ поступилъ и Хилковъ,

добно Боярину Никитѣ Ивановичу Романову, Морозовѣ объявилъ себя также и покровителемъ иноспранцевѣ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царствовать Самъ Собою, часпо присупсвовавъ въ Совѣтѣ и входивъ во всѣ дѣла: ибо Онѣ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагаться на Боярѣ, копорые для особенныхъ, ничпожныхъ выгодѣ

или, лучше сказать, Переводчикѣ его Мисси, сочинитель Ядра Россійской Исторіи. Онѣ боялся унизить Алексѣя Михайловича излишнимъ милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить въроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго Его именемъ злодѣю Разину! — Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не отличенъ отъ втораго, бывшаго также въ царствование сего Монарха.

своихъ могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щаспіемъ Государя.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ швердыхъ и строгихъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНИЕ VII ТОМА.

	<i>Стран.</i>
На гробъ моего Агатона - - -	1
✂ Что нужно Автору? - - -	20
✂ Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и жрoсвѣщеніи - - -	25
Нѣжность дружбы въ низкомъ со- стояніи - - -	73
Аѳинская жизнь - - -	90
Мелодоръ къ Филалесу - - -	130
Филалесъ къ Мелодору - - -	148
Деревня - - -	168
✂ О любви къ отечеству и народной гордости - - -	181
✂ Илья Муромецъ - - -	201
Разговоръ о щастіи - - -	224
✂ Моя исповѣдь - - -	270
О легкой одеждѣ модныхъ краса- вицъ девятаго-надесять вѣка	299
✂ Отъ чего въ Россіи мало Автор- скихъ шансовъ - - -	308
Мысли объ уединеніи - - -	320
Анекдотъ - - -	329
✂ О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи - - -	342

О случаяхъ и характерахъ въ Рос- сійской Исторіи, которые мо- гутъ быть предметомъ ху- дожествъ - - - -	353
О Московскомъ мятежѣ въ цар- ствованіе Алексѣя Михайло- вича - - - -	381

Опечатки въ Седьмомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

56	— 12	Лакодемон-	Лакедемон-
		скимъ	скимъ
76	— 3	Тверческою	Творческою
124	— 15	ушреній	ушренній
128	— 19	квомъ	кромъ
191	— 8	завоевише-	завоеваше-
		ли	ли
—	— 24	воспламѣ-	воспламе-
		нлешъ	нлешъ
351	— 23	огоргаешъ	огорчаешъ
363	— —	любя, славу	любя славу,
370	— 16	Новгород-	Новгород-
		скіе	скіе

Опечатки въ Осьмомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

34	—	7	Мекедон- скую	Македон- скую
38	—	4	Яначары	Янычары
83	—	5	самимъ	самихъ
99	—	21	Велкаго	Великаго
109	—	17	нравшве- ное	нравшпен- ное
110	—	1	лагерямъ	лагеряхъ
179	—	14	предста- ляяъ	представ- ляяъ
261	—	21	Гербершпен- на	Гербершпе- ина
279	—	1	недоста- шокъ	недоста- шокъ;
291	—	13	черемхи	черемухи
—	—	23	но	; но

